

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

СЕРЕБРЯНАЯ
ФАНТАСТИКА
СЕРЕБРЯ
ФАНТ
СЕРЕБ
ФА
СЕР
СФ

АРТУР КЛАРК

СВИДАНИЕ С РАМОЙ

Annotation

В пределы Солнечной системы вторгается неопознанный летающий объект. Навстречу гостю отправляется научная делегация с целью исследовать чужеродный разум. Но откроет ли "Рама" свои тайны людям?.. Безудержный полет фантазии и невероятная реалистичность в лучшем романе десятилетия на тему "контакта"!

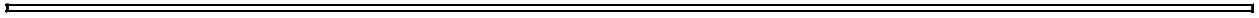
Артур Кларк - английский писатель и ученый, признанный "фантастом номер один" и удостоенный рыцарского звания. Премия его имени - одна из авторитетнейших в Великобритании - вручается за лучший научно-фантастический роман с 1986 года.

- [Артур Кларк](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

Артур Кларк Свидание с Рамой

*Посвящаю острову Шри Ланка, где я взошел по
Лестнице богов.*

1

КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

Рано или поздно это должно было случиться, 30 июня 1908 года, задержись Тунгусский метеорит на три часа или приземлился он на четыре тысячи километров западнее, – величины ничтожно малые в масштабах Вселенной, – могла бы пострадать Москва. 12 февраля 1947 года на волоске от гибели оказался другой русский город: второй великий метеорит XX века взорвался менее чем в четырехстах километрах от Владивостока, и этот взрыв по силе мог бы соперничать с только что изобретенной атомной бомбой.

В те дни у человечества просто не было средств оградить себя от космической бомбардировки, от выстрелов вслепую, некогда изувечивших поверхность Луны. Метеориты 1908 и 1947 годов упали на безлюдные, дикие места. Но к концу XXI столетия на Земле не осталось районов, которые можно было бы без опаски использовать как полигоны для небесной артиллерии. Человек расселился от полюса до полюса. И произошло неизбежное...

Лето 2077 года выдалось исключительно теплым и ласковым. Утром 11 сентября, в 9 часов 46 минут по Гринвичу, жители Европы поневоле обратили внимание на ослепительный огненный шар, появившийся на восточном небосклоне. За считанные секунды он затмил своим сиянием Солнце и, бесшумно перечеркнув небо, оставил за собой клубящийся дымный след.

Где-то над Австралией шар начал распадаться, и на Землю обрушились волны чудовищного грома. Более миллиона человек до конца своих дней не слышали уже ни звука – но им еще повезло.

Со скоростью пятьдесят километров в секунду тысячи тонн железа и камня рухнули на равнины Северной Италии, уничтожив за несколько огненных мгновений труд тысячелетий. Города Падуя и Верона были стерты с лица земли, и последние из красот Венеции навеки ушли на дно морское – воды Адриатики с ревом хлынули в гигантскую вмятину.

Погибло шестьсот тысяч человек, общий материальный ущерб превысил триллион долларов. Но чем измерить невосполнимые потери, которые понесли искусство, история, наука и вообще весь род человеческий! За одно-единственное утро люди словно бы начали и

проиграли страшную войну, лишь немногим послужили утешением изумительной красоты восходы и закаты, которые дала пыль катастрофы, – ничего подобного никто не видел с 1883 года, с извержения Кракатау.

Едва прошел первый шок, человечество ответило на несчастье с решительностью и сплоченностью, немислимыми в иные, более ранние эпохи. Разумеется, катастрофа таких масштабов могла и не повториться или повториться через тысячи лет, но кто бы поручился, что завтра она не разразится вновь... Бедствия в следующий раз могли оказаться еще ужаснее.

И было решено, что *«следующего раза»* не будет.

Ведь еще столетием раньше, когда мир был куда беднее, а его ресурсы ограниченнее, народы не посчитались с затратами, стремясь уничтожить запасы оружия, достигшие самоубийственных размеров. Замысел этот тогда не увенчался полным успехом, был накоплен определенный опыт. И теперь его использовали для еще более благородной цели, использовали с грандиозным размахом. Ни один метеорит, достаточно большой, чтобы стать опасным, впредь никогда не должен был пробить оборонительные рубежи землян.

Так зародилась система *«Космический патруль»*. Спустя полвека она полностью оправдала себя. Оправдала весьма неожиданным образом, не предусмотренным конструктором.

2

ПРИШЕЛЕЦ

К 2130 году было открыто множество мелких астероидов: локаторы, базирующиеся на Марсе, засекали их буквально по десятку в день. Компьютеры Космического патруля автоматически вычисляли их орбиты и копили эти сведения в своей необъятной памяти на тот нечастый случай, если какой-нибудь фанатик-астроном поинтересуется итоговой статистикой. Статистика выглядела очень впечатляюще.

Самый крупный из астероидов, Церера, был обнаружен в первый день XIX века, и понадобилось больше ста двадцати лет, чтобы довести счет карликовых планет до тысячи. Сотни их открывали, тут же теряли, а затем находили заново; астероиды роились так густо, что один сердитый астроном обозвал их «паразитами небес». Его, наверное, потрясло бы, что Космический патруль ухитряется следить за каждым из полумиллиона астероидов.

Среди них только пять гигантов – Церера, Паллада, Юнона, Эвномия и Веста – превышали в поперечнике двести километров; подавляющее большинство астероидов составляли, в сущности, валуны-переростки, вполне уместные в каком-нибудь живописном парке. Почти все они двигались по орбитам, лежащим между Марсом и Юпитером; внимание Космического патруля привлекали лишь те, которые подходили намного ближе к Солнцу и, следовательно, представляли собой потенциальную опасность. Но и среди таких едва ли один из тысячи хоть однажды за всю историю Солнечной системы приближался к Земле на расстояние меньше миллиона километров.

Объект, внесенный в каталоги первоначально под номером 31/439 – год открытия плюс порядковый номер, – локаторы засекали еще за орбитой Юпитера. В самом его местонахождении не было ничего необычного: немало астероидов, прежде чем вернуться к своему повелителю – Солнцу, отдаляется от него до Сатурна и даже за Сатурн. А Туле-II, самый дальний из всех, настолько близко подлетает к Урану, что, похоже, некогда являлся его луной.

Но засечь астероид на таком расстоянии до сих пор не удавалось; очевидно, номер 31/439 отличался огромными размерами. По силе отраженного сигнала компьютеры определили, что диаметр астероида

составляет не менее сорока километров. Такого великана не открывали, наверное, добрую сотню лет, и оставалось только недоумевать, почему же никто не обнаружил его намного раньше.

Когда вычислили элементы орбиты нового астероида, загадка вроде бы разрешилась, однако на смену ей пришла другая, более существенная. Номер 31/439 вовсе не был обыкновенным астероидом, бегущим по эллиптической орбите и повторяющим ее с точностью часового механизма каждые несколько лет. Он оказался одиноким межзвездным скитальцем, посетившим Солнечную систему в первый и последний раз, и двигался так стремительно, что даже гравитационное поле Солнца не способно было взять его в плен. Пронзив орбиты Юпитера, Марса, Земли, Венеры и Меркурия и непрерывно набирая скорость, он должен был в конце концов обогнуть Солнце и вновь уйти в неведомое.

Тогда-то, закончив вычисления, компьютеры послали людям сигналы: «Внимание! Мы откопали для вас кое-что интересное», – и номер 31/439 впервые привлек внимание человечества. Легкий шквал возбуждения в штабе Космического патруля – и межзвездного бродягу вместо заурядного номера удостоили имени собственного. Астрономы давно уже исчерпали как греческую, так и римскую мифологию и теперь принялись за индуистский пантеон. Номер 31/439 нарекли именем Рама.

Средства массовой информации подняли было шум вокруг небесного гостя, но через два-три дня вынужденно утихли – кричать оказалось не о чем. Все данные о Раме исчерпывались двумя параметрами – необычной орбитой и удивительными размерами. Но и размеры, вычисленные по силе отраженного радиосигнала, еще нельзя было считать окончательно установленными. В телескоп Рама по-прежнему казался слабенькой звездочкой пятнадцатой величины, о видимом диске не могло быть еще и речи. Но по мере того как он продвигался к центру Солнечной системы, величина и яркость должны были постепенно возрастать: прежде чем Рама скроется навсегда, орбитальные обсерватории сумеют составить более точное представление о его форме и размерах. А может статься, времени впереди еще достаточно, – какой-нибудь космический корабль, не отклоняясь от маршрута, приблизится к пришельцу настолько, чтобы сделать четкие фотографии. Специальное свидание с Рамой представлялось в высшей степени невероятным – слишком велики оказались бы энергетические затраты, ведь объект исследования пересекал орбиты планет со скоростью более ста тысяч километров в час.

И мир благополучно забыл о Раме – мир, но не астрономы. Напротив, их интерес к нему неуклонно обострялся; необычный астероид задавал им

все новые загадки.

Прежде всего возник вопрос: почему яркость Рамы остается постоянной?

Всем известным астероидам, всем без исключения, свойственны определенные колебания яркости, то нарастающей, то слабеющей с периодом в несколько часов. Давным-давно было установлено, что эти колебания – неизбежное следствие вращения астероидов и их неправильной формы. Они кувыркаются по своим орбитам, и отражающие поверхности, обращенные к Солнцу, непрерывно сменяют друг друга, соответственно изменяется и яркость.

Яркость Рамы оставалась постоянной. То ли этот астероид вообще не вращался, то ли имел идеально правильную форму. Оба эти объяснения выглядели одинаково неправдоподобно.

Разгадки пришлось ждать многие месяцы: большие, вынесенные в космос телескопы без устали всматривались в дальние глубины Вселенной и не могли отвлекаться на подобные пустяки. Орбитальная астрономия удовольствие дорогое, время на крупных инструментах расписано по минутам, и каждая минута оценивается примерно в тысячу долларов. Доктор Уильям Стентон никогда не получил бы в свое распоряжение двухсотметровый рефлектор на обратной стороне Луны, если бы другая, много более важная программа не сорвалась из-за отказа какого-то грошового конденсатора. Беда, постигшая коллегу, обернулась для Стентона редкостной удачей.

Он, разумеется, и не догадывался о ней, пока на следующий день не обработал полученные данные с помощью компьютера. И даже увидев результаты на экране, он не сразу смог осознать их смысл.

Яркость солнечного света, отраженного Рамой, все-таки не была абсолютно постоянной! Прослеживались колебания – слабые, едва уловимые, но несомненные и, главное, регулярные колебания. Подобно всем другим астероидам, Рама вращался вокруг своей оси. Но если на обычном астероиде «сутки» продолжались несколько часов, Рама совершал полный оборот за четыре минуты.

Доктор Стентон тотчас же проделал примерный подсчет – результатам трудно было поверить. Скорость вращения этого крошечного мирка на экваторе превышала тысячу километров в час; всякая попытка совершить посадку где-либо, кроме полюсов, окончилась бы весьма плачевно, Центробежная сила на экваторе Рамы отбросила бы любое тело с ускорением, почти равным земному ускорению свободного падения. Космическая пыль – и та не могла удержаться на поверхности Рамы:

удивительно, как подобное тело вообще ухитрилось сохранить себя в целости, не рассыпавшись по пути на миллионы осколков.

Объект диаметром сорок километров с периодом вращения вокруг оси равным четырем минутам – как, спрашивается, втиснуть такое чудище в астрономическую картину мира? Стентон был человек, не лишенный воображения, больше того, порою склонный к поспешным выводам. И он не замедлил сделать заключение, которое на какое-то время совершенно выбило его из колеи.

Единственным экспонатом небесного зверинца, соответствующим полученному описанию, оказывалась нейтронная звезда. А что если Рама в самом деле представляет собой мертвое солнце, бешено вращающийся шар из сверхплотной материи, каждый кубический сантиметр которой весит сотни миллионов тонн?..

В ту же секунду в распаленном воображении доктора Стентона вспыхнули картины, навеянные классическим уэллсовским рассказом «Звезда». Впервые он прочитал этот рассказ еще в детстве, и именно Уэллс пробудил в юном Стентоне интерес к астрономии. За два столетия рассказ ни на йоту не потерял своей впечатляющей и устрашающей силы. Стентон не мог забыть ураганы, исполинские приливные волны, проглоченные морем города, неисчислимы разрушения, вызванные уэллсовской звездой-гостьей, когда та, предварительно столкнувшись с Юпитером, пролетала мимо Земли в сторону Солнца. Правда, звезда, которую нарисовал старик Уэллс, была не холодной, а раскаленной добела. Но это вряд ли что-то меняло: полностью остывшее тело, светящее отраженным светом, способно убивать одним своим притяжением с такой же легкостью, как раскаленное – теплом.

Масса звездных размеров, вторгшаяся в Солнечную систему, неизбежно повлияет на орбиты планет. А ведь достаточно Земле передвинуться на два-три миллиона километров ближе к Солнцу, – или дальше от него, как тонкий климатический баланс окажется безвозвратно нарушенным. Антарктическая ледовая шапка растает и затопит низменности и равнины или, того хуже, океаны замерзнут, и мир зачоченеет в оковах вечной зимы. Чуть подтолкни Землю в любом из двух направлений – и готово...

Тут доктор Стентон наконец расслабился и вздохнул с облегчением. Все это чепуха; стыдитесь, доктор, стыдитесь!

Рама никак не может состоять из сверхплотной материи. Масса таких размеров не могла бы проникнуть так глубоко в Солнечную систему, не вызвав в ней беспорядка, который давным-давно выдал бы себя с головой.

Дальние планеты наверняка отклонились бы от привычных орбит, а ведь именно возмущения в небесной механике привели к открытию Нептуна, Плутона и Персефоны. Положительно невозможно, чтобы никто не заметил возмущений, вызванных гигантской массой мертвого солнца.

И все-таки жаль, что это невозможно. Встреча с черной звездой стала бы для астрономов событием...

События были еще впереди.

Чрезвычайное заседание Космического консультативного совета было недолгим, но бурным. Даже в XXII столетии так и не сыскали способа отвадить консервативно настроенных ученых от ключевых административных постов. Надо думать, эта проблема принадлежит к числу психологически неразрешимых.

В довершение всех бед председателем совета в данный момент являлся отставной профессор Олаф Дэвидсон, знаменитый астрофизик. Профессор Дэвидсон не испытывал ни малейшего интереса к объектам, которые по размерам были меньше галактик, и не считал необходимым скрывать свои чувства. И хотя он вынужденно признавал, что девять десятых новых данных его наука получает теперь с помощью инструментов, вынесенных в космос, это обстоятельство его отнюдь не радовало. На протяжении долгой научной карьеры профессора по меньшей мере трижды случалось, что спутники, запущенные с целью доказать какую-нибудь из взлелеянных им теорий, не оставляли от нее камня на камне.

Вопрос, который надлежало решить сегодня, требовал однозначного ответа. Несомненно, Рама представляет собой необычный объект, но насколько важен этот объект для науки? Два-три месяца — и он скроется навсегда, потеряно уже слишком много времени, Другого шанса встретиться с чем-то подобным, вероятно, просто не будет.

Это обойдется ужасающе дорого — и тем не менее космический корабль, который планировалось запустить с Марса в межпланетное пространство за Нептуном, можно спешно переоборудовать и послать на перехват Рамы. О сколько-нибудь длительном свидании, разумеется, говорить не приходилось — рассчитывать следовало лишь на аппаратуру записи: два тела разминутся со встречной скоростью двести тысяч километров в час. Продолжительность прямого наблюдения составит в лучшем случае пять минут, а длительность съемки крупным планом — менее секунды. Но при надлежащей наладке аппаратуры этого все же хватит на то, чтобы многое увидеть и многое понять.

Хотя профессор Дэвидсон исходил желчью при одном упоминании об экспедиции за Нептун, она была уже одобрена; теперь он не понимал, зачем швырять на ветер еще большие средства. Профессор произнес пламенный

монолог о том, что лишь безумцы могут охотиться за астероидами и что гораздо целесообразнее установить на Луне новый интерферометр с высокой разрешающей способностью и доказать раз и навсегда космологическую гипотезу «Большого взрыва».

Это была роковая тактическая ошибка, поскольку трое из членов совета являлись пылкими сторонниками гипотезы устойчивой Вселенной. В душе они были совершенно согласны с профессором Дэвидсоном, что охота за астероидами — пустая трата денег, и однако...

Его возражения были отвергнуты большинством в один голос.

Три месяца спустя космический корабль, получивший новое имя «Сита»^{[Сноска1](#)}, стартовал с Фобоса, спутника Марса. Полет продолжался семь недель, а аппаратура была включена на полную мощность лишь за пять минут до момента встречи. Одновременно были запущены ракеты с телекамерами, чтобы сфотографировать Раму сразу со всех сторон.

Первые же изображения, переданные с расстояния в десять тысяч километров, заставили человечество отложить в сторону все дела. На миллиардах телевизионных экранов появился крохотный тусклый цилиндр, который с каждой секундой стремительно вырастал. Когда он увеличился вдвое, уже никто в целом мире не смел бы утверждать, что Рама имеет естественное происхождение.

Тело представляло собой цилиндр столь совершенной геометрической формы, словно его выточили на токарном станке — гигантском станке, бабки которого разнесены на пятьдесят километров. Оба торца цилиндра были совершенно плоскими, лишь в центре одного из них возвышалось какое-то небольшое сооружение: диаметр цилиндра был двадцать километров, но на расстоянии, пока не ощущался истинный масштаб, Рама до смешного напоминал заурядную стиральную машину.

Но вот цилиндр заполнил собою весь экран. Поверхность у него была тусклая, коричневато-серая, безжизненная, как у Луны, и лишенная каких бы то ни было ориентиров, кроме единственного. Примерно посередине большой оси боковую поверхность пятнал километровый темный мазок, будто что-то когда-то, многие века назад, ударилось и расплющилось о нее. Удар, по-видимому, не причинил Раме никакого вреда, но именно этот мазок вызывал те легкие колебания яркости, которые и обнаружил Стентон.

Изображения, переданные другими камерами, не добавили к этой картине ничего нового. Однако траектории, прочерченные ракетами через собственное гравитационное поле Рамы, дали добавочную и притом важную информацию — позволили определить массу цилиндра.

Для монолитного Цилиндра таких размеров масса оказалась чрезвычайно малой. Это уже никого не удивило: искусственное тело и должно быть полым.

Событие, на которое давно надеялись, которого давно опасались, наконец свершилось. Человечеству, видимо, предстояло принять первых гостей со звезд.

4

СВИДАНИЕ

Капитан Нортон ясно помнил эти первые телевизионные передачи, тем более что сегодня перед посадкой много раз прокручивал их заново, однако наяву создавалось впечатление, какое электронное изображение не в состоянии было передать: размеры Рамы просто ошеломляли.

Такого впечатления никогда не возникало при посадке на естественное небесное тело, на Луну или на Марс. То были миры, и мы заведомо понимали, что они велики. Однако Нортону доводилось садиться и на восьмом спутнике Юпитера, который был даже несколько больше Рамы и все же казался совсем, совсем маленьким.

Парадокс объяснялся просто. Сознание не могло смириться с фактом, что это искусственное сооружение, в миллионы раз более массивное, чем любая из космических станций, созданных человеком. Масса Рамы достигала как минимум десяти миллионов тонн; космонавту подобная цифра внушала не просто благоговение, но и самый настоящий страх. Не удивительно, что по мере того, как громада выпуклого вечного металла заполняла небо, капитан все острее ощущал собственную ничтожность и уныние.

Возникало также и чувство опасности, чувство совершенно непривычное. Какую из предыдущих посадок ни припомнить, Нортон всегда знал, что его ожидает; конечно, оставалась вероятность несчастного случая, но и только. Здесь, на Раме, несомненным было лишь одно — полнейшая неизвестность.

«Индевор» висел менее чем в тысяче метров над северным полюсом цилиндра, над центром вращающегося диска. Этот полюс выбрали потому, что он был освещен солнцем; по металлической плоскости, что без устали кружилась под ними, размеренно бежали тени от невысоких загадочных сооружений вблизи оси. Северная поверхность Рамы выглядела, как исполинские солнечные часы, отмеряющие его стремительные четырехминутные дни.

Как опустить корабль весом в пять тысяч тонн строго в центр вращающегося диска — эта задача капитана, в сущности, не смущала. Она не отличалась от посадки на оси большой космической станции. Вспомогательные двигатели уже раскрутили «Индевор» со скоростью, в

точности соответствующей скорости вращения Рамы, и у Нортон были все основания верить, что лейтенант Джо Колверт посадит корабль мягко, как снежинку. Посадит независимо от того, поможет ему бортовой компьютер или нет.

— Через три минуты, — заметил Джо, не отрывая глаз от раскрывшейся внизу панорамы, — мы узнаем, не состоит ли Рама из антиматерии...

Перебрав в памяти самые жуткие из теорий происхождения Рамы, Нортон усмехнулся. Непохоже, чтобы эти чудовищные гипотезы имели под собой почву, но если имеют, то через три минуты в Солнечной системе грянет взрыв, равного которому не было с самого ее формирования. Полная аннигиляция десяти тысяч тонн массы на мгновение дала бы планетам второе солнце.

Вот почему в полетном задании была предусмотрена даже эта, пусть маловероятная, возможность: с безопасной дистанции в тысячу километров «Индевор» выстрелил в сторону Рамы реактивной струей. И ничего не произошло — цели достигло лишь разреженное облачко газов, а ведь даже миллиграммы материи, соединившись с антиматерией, вызвали бы внушительный фейерверк.

Космические капитаны — народ осторожный. Нортон долго и пристально вглядывался в северную плоскость Рамы, выбирая точку посадки. По зрелом размышлении он решил отказаться от соблазна опуститься в самом центре, точно по оси. Там, на полюсе, располагалась ясно видимая круглая конструкция ста метров в диаметре, и у Нортон возникло сильное подозрение, что это внешний замок грандиозного входного шлюза. Должны же были существа, построившие этот пустотелый мир, каким-то образом проникать вместе со своим снаряжением внутрь. Для главного входа было бы наиболее логично избрать полюс, и крайне неразумно — заблокировать парадную дверь собственным кораблем.

Но такое решение порождало другие проблемы. Достаточно при посадке отклониться от оси хотя бы на десяток метров — и быстрое вращение Рамы потащит «Индевор» прочь от полюса. Поначалу центробежная сила будет очень и очень мала, зато действовать она будет непрерывно и неотвратимо. И капитану Нортону вовсе не улыбалось, что его корабль станет скользить по своей «посадочной площадке», минута за минутой набирая скорость, пока не достигнет края диска и не вылетит в космос, словно из пращи, со скоростью тысяча километров в час.

Возможно, впрочем, что собственное гравитационное поле Рамы — порядка одной тысячной земного — все-таки удержит корабль на месте.

Притяжение прижмет «Индевор» к поверхности с силой в несколько тонн, и, если эта поверхность шероховата, ничего не случится. Однако Нортон что-то не ощущал желаний испытывать на себе гипотетическую силу трения; можно было полагаться лишь на вполне достоверную центробежную силу.

К счастью, ответ подсказали сами конструкторы Рамы. Вокруг полюса на равном расстоянии от оси были расположены три приплюснутых коробчатых возвышения, каждое метров по десять в поперечнике. Отсюда следовало, что «Индевор» надо посадить между этими возвышениями — и та же центробежная сила придавит его к ним и удержит, как на привязи, словно судно, прибитое к пирсу морским приливом.

— Контакт через пятнадцать секунд, — предупредил Джо.

Лейтенант весь напрягся, склонившись к кнопкам ручного управления, хотя и не терял надежды, что трогать их не придется. Капитан Нортон сознавал величие момента: с той, отдаленной от них полутора столетиями секунды, когда человек впервые достиг Луны, это, несомненно, была самая важная космическая посадка.

Серые коробчатые возвышения на контрольных экранах медленно перемещались вверх. Прощальный свист ракетных дюз, едва уловимый толчок.

На протяжении последних недель Нортон нередко размышлял о том, что он скажет в этот знаменательный миг. Но когда миг настал, история распорядилась за него, и он произнес почти автоматически, не отдавая себе отчета в том, что его слова прозвучали эхом из прошлого:

— Говорит Рама. «Индевор» сел [Ссылка2](#).

Еще месяц назад он и сам ни за что не поверил бы, что это возможно. Корабль шел своим обычным маршрутом, проверяя и устанавливая на астероидах предупредительные радиобакены, когда получил единственный в своем роде приказ. Оказалось, что во всей Солнечной системе просто нет другого корабля, кроме «Индевора», который успел бы нагнать Раму, прежде чем тот развернется вокруг Солнца и вновь устремится к звездам. Но и «Индевору» пришлось по дороге буквально ограбить трех разведчиков, приписанных к Службе Солнца, и те сейчас беспомощно дрейфовали в пространстве в ожидании танкеров-заправщиков. Нортон побаивался, что теперь шкиперы «Калипсо», «Бигла» и «Челенджера» [Ссылка3](#) не скоро начнут здороваться с ним снова.

И даже несмотря на дополнительное топливо, погоня выдалась долгой

и трудной: незванный гость уже пересек орбиту Венеры, когда «Индевор» наконец достиг его. Ни один корабль никогда не сможет повторить этот маневр; привилегия, дарованная Нортону, была уникальной, и из оставшихся немногих недель ни единой минуты нельзя было потратить впустую, Тысячи ученых Земли с восторгом заложили бы собственную душу за право находиться рядом с ним, однако им оставалось лишь следить за происходящим по телевидению и, кусая губы, думать о том, насколько лучше они справились бы с этой миссией сами. Вероятно, они рассуждали правильно, но другого выхода не было. Неумолимые законы небесной механики продиктовали именно «Индевору» стать первым и последним пилотируемым кораблем землян, который когда-либо приблизится к Раме.

Конечно, Земля беспрестанно давала Нортону советы, однако это отнюдь не снимало с него ответственности. На то, чтобы принять решение, подчас отпускается лишь доля секунды — и тут рассчитывать было не на кого: запаздывание радиосообщений из Контрольного центра уже достигло десяти минут и неуклонно возрастало. Капитан частенько завидовал великим мореплавателям прошлого, не ведавшим электронной связи; вскрыв запечатанный приказ, они вольны были толковать его без назойливой опеки со стороны начальства. Если они ошибались, об этом не знал никто.

И в то же время Нортон был бы рад возможности переложить груз некоторых решений на плечи Земли. Сейчас, когда орбита «Индевора» совпала с орбитой Рама, они неслись к Солнцу как единое целое; через сорок дней, достигнув перигелия [Ссылка4](#), они оказались бы в двадцати миллионах километров от светила. Двадцать миллионов — это слишком близко, и задолго до того «Индевору» придется, использовав оставшееся топливо, перейти на более безопасную орбиту. На исследования было отпущено от силы три недели, а затем они расстанутся с Рамой, расстанутся навсегда.

Ну, а потом — потом они попадут в рабскую зависимость от Земли. «Индевор» станет фактически беспомощным, а его орбита будет такова, что он в свою очередь сможет долететь до звезд приблизительно через пятьдесят тысяч лет. Но Центр заверил, что для беспокойства нет оснований: рано или поздно «Индевор» дозаправят. Дозаправят, не считаясь с расходами, даже если понадобится покинуть опорожненные до грамма танкеры на произвол судьбы. Цель — Рама — оправдывала любые средства, за исключением самоубийства.

И раз уж на то пошло, самоубийство тоже не исключалось. Нортон не питал иллюзий на этот счет. Впервые за добрую сотню лет в человеческие

планы вторглась полная неопределенность, А это, как известно, вещь непереносимая ни для политиков, ни для ученых. Если за то, чтобы покончить с нею, надо платить, то «Индевор» и его экипаж — цена не столь уж высокая...

ПЕРВАЯ ВЫЛАЗКА

Вокруг стояла могильная тишина. А может, это и в самом деле была могила? Никаких радиосигналов ни на одной из мыслимых частот; никакой вибрации, заметной для сейсмографов, не считая микроколебаний, вызванных, без сомнения, действием солнечных лучей; никаких электрических полей; ни следа радиоактивности. На Раме царило почти зловещее спокойствие — даже на астероидах, казалось, бывает больше шума.

«А чего мы, собственно, ждали? — спросил себя Нортон. — Церемониальной встречи?..» Он и сам не понимал, разочаровало его это молчание или ободрило. Инициатива, во всяком случае, была в его руках.

Инструкция предписывала выждать двадцать четыре часа, а затем выйти на рекогносцировку. Никто из членов экипажа не спал толком в этот первый день; даже те, кто был свободен от вахты, все свое время проводили у приборов, без усталости разглядывая на обзорных экранах застывший геометрический ландшафт. Всех мучил один и тот же вопрос: жив этот мир или мертв? Или просто уснул?

В первую вылазку Нортон взял с собой только одного человека — капитан-лейтенанта Карла Мерсера, несговорчивого, но изобретательного специалиста по системам жизнеобеспечения. На первый раз он не собирался уходить далеко от корабля. И выводить сразу многих было незачем: если вдруг возникнут осложнения, это вряд ли поможет. Впрочем, предосторожности ради» два других члена экипажа, заранее надев скафандры, дежурили возле выходного люка.

Под действием притяжения и центробежной силы каждый человек «весил» пять-десять граммов; рассчитывать приходилось лишь на ранцевые двигатели. Нортон решил, что при первой же возможности натянет между кораблем и ближайшим возвышением страховочную сетку, чтобы не было нужды тратить на каждый шаг топливо.

«Коробочка» находилась в каком-то десятке метров от выходного люка, и Нортон первым делом проверил, не причинила ли посадка вреда «Индевору». Но нет — хоть корпус и прижимало к поверхности с силой в несколько тонн, нагрузка распределялась равномерно, У капитана отлегло от сердца и он пустился в путь вокруг «коробочки», пытаясь разгадать ее

предназначение.

И буквально через три-четыре метра он натолкнулся на разрыв в гладкой, вероятно» металлической стене. Сначала ему подумалось что это какое-то диковинное украшение, — казалось., оно не служит никакой разумной, цели. Шесть радиальных борозд, вернее пазов, глубоко врезанных в металл, а в них шесть перекрещивающихся планок, словно спицы колеса без обода, и небольшая ступица в центре. Но каким же образом повернуть это колесо, если оно утоплено в стене?

И тут Нортон не на шутку разволновался, заметив на концах спиц специальные углубления, будто созданные для того, чтобы захватить их рукой (а может, клешней или щупальцем?). Если встать вот так, опершись о стену, и потянуть за спину вот так...

Колесо легко и беззвучно выскользнуло из стены. К величайшему удивлению Нортон — в душе он был уверен, что любые движущиеся части здесь, в вакууме, давным-давно сплывались, — у него в руках оказался самый настоящий штурвал. Он мог бы вообразить себя капитаном старинного парусника, замершим на мостике у руля.

Оставалось только радоваться, что светофильтр не позволяет Мерсеру следить за выражением его лица.

Нортон был озадачен, больше того, сердит на себя. Быть может, он совершил первую ошибку: быть может, где-то внутри Рамы уже звучат тревожные сирены; быть может, его бездумный поступок привел в действие какой-нибудь непостижимый механизм?

Однако с «Индевора» сообщили, что не наблюдают никаких перемен: чувствительные приборы по-прежнему не улавливали ничего, кроме микрорасширения материалов и движений самого «Индевора».

— Ну что, шкипер, рискнем повернуть?..

Нортон еще раз припомнил данные ему инструкции: «Поступайте по своему усмотрению, но соблюдайте осторожность». Если каждый пустяк согласовывать с Центром, они не стронутся с места до скончания веков.

— Каков твой диагноз, Карл? — обратился он к Мерсеру.

— Полагаю, что это штурвал ручного управления воздушным шлюзом. Возможно, аварийная система на случай отказа электропривода, Надо думать, даже самая совершенная техника не может отказаться от предосторожностей такого рода...

«И система эта наверняка застрахована от непреднамеренных срывов, — добавил Нортон про себя. — Ею можно воспользоваться, только если это не опасно для Рамы в целом...»

Он взялся за две противоположные спицы, уперся попрочнее ногами и

попробовал повернуть колесо. Оно не шевельнулось.

— Ну-ка помоги, — попросил он Мерсера. Теперь каждый из них ухватил по спице, но, даже напрягая все силы, они не стронули штурвал ни на волос.

Однако кто сказал, что стрелки часов и штопоры на Раме должны вращаться в ту же сторону, что и на Земле?

— Попробуем наоборот, — предложил Мерсер.

На этот раз сопротивления, в сущности, не было. Колесо легко описало полный круг, затем нагрузка постепенно стала возрастать.

В полуметре от людей стена «коробочки» пришла в движение и не спеша разверзлась, будто чья-то черная пасть. Вырвавшаяся изнутри струйка воздуха вынесла частички пыли, которые заискрились в солнечных лучах, словно алмазы.

Дорога в глубь Рамы была открыта.

Доктор Боуз не мог избавиться от мысли, что те, кто основал штаб-квартиру Организации Объединенных Планет на Луне, совершили серьезную ошибку. Это неизбежно привело к тому, что делегаты-земляне стремились господствовать на заседаниях, подобно тому, как сама Земля господствовала над окружающим ландшафтом. Если уж обосновываться именно на Луне, то следовало бы предпочесть ее обратную сторону, куда не достигает гипнотическое свечение земного диска.

Но, разумеется, теперь менять что-либо слишком поздно, да и какую альтернативу он мог бы предложить? Нравится это дальним колониям или нет, но Земля и в культурном, и в экономическом отношении останется сюзереном Солнечной системы на многие грядущие столетия...

Доктор Боуз и сам родился на Земле. На Марс он эмигрировал в тридцатилетнем возрасте и полагал, что способен рассматривать политическую ситуацию совершенно беспристрастно. Он знал, что ему больше не суждено вернуться на родную планету, хотя отсюда до нее лишь пять часов на ракетном пароме. В свои 115 лет Боуз отличался завидным здоровьем, однако реадаптироваться к силе тяжести втрое большей, чем та, к которой он привык на Марсе, уже не мог. Он был осужден на вечную разлуку с планетой-матерью; впрочем, это его не слишком удручало — Боуз не был сентиментален.

А вот что подчас приводило его в уныние, так это необходимость видеть одни и те же до отвращения знакомые лица. Чудеса медицины — вещь замечательная, и, конечно, он вовсе не желал повернуть колесо истории вспять, но за этим столом собрались люди, с которыми он работал бок о бок уже более полувека! Он заведомо знал, кто что скажет и как проголосует по любому конкретному поводу. А как хотелось бы, чтобы в один прекрасный день кто-нибудь выкинул хоть какой-нибудь фортель, пусть даже совершенно безумный!

И отнюдь не исключалось, что окружающих обуревают точно такие же чувства по отношению к нему, Боузу.

Специальный комитет ООП по проблемам Рамы был пока еще столь невелик, что даже поддавался управлению, правда, никто не сомневался, что в самое ближайшее время с этим упущением будет покончено. Шесть

коллег доктора Боуза — постоянные представители Меркурия, Земли, Луны, Ганимеда, Титана и Тритона — присутствовали на заседании во плоти. Им и не оставалось ничего другого: электронная дипломатия на межпланетных расстояниях оказывалась несостоятельной. Политические деятели постарше, привыкшие к мгновенной связи, — на Земле ее давно воспринимали как нечто само собой разумеющееся, — так и не сумели примириться с фактом, что радиоволнам нужны минуты и даже часы на то, чтобы пересечь бездны, отделяющие планеты друг от друга. «Неужели вы не в силах ничего придумать?» — горько упрекали они ученых, обнаружив, что прямые собеседования между Землей и блудными ее детьми — колониями — неосуществимы. Исключение составила лишь Луна — к полуторасекундной задержке радиосигнала еще можно было как-то приспособиться. Отсюда следовало, что Луна — и только она одна — навеки обречена оставаться пригородом Земли.

На заседание собственной персоной прибыли также трое кооптированных в комитет специалистов. Уже знакомый нам профессор Дэвидсон сегодня, казалось, усмирил свое необузданное «я». Доктор Боуз был не в курсе событий, предшествовавших запуску «Ситы», но коллеги профессора не могли допустить, чтобы тот запамятовал свой промах.

Доктор Тельма Прайс была известна Боузу по ее многочисленным телевизионным выступлениям: она прославилась еще пятьдесят лет назад, в эпоху взрыва археологических открытий, последовавшую за осушением гигантского подводного музея — бассейна Средиземного моря. Боуз до сих пор ясно помнил волнения тех дней, когда затерянные сокровища греческой, римской и десятка других культур оказались доступными для всеобщего обозрения. Это был один из немногих случаев, когда он пожалел, что живет на Марсе.

Вполне очевидными для всех были кандидатуры экзобиолога Карлайла Перера и Денниса Соломонса, который занимался историей науки. Но они пока не явились, зато — и это было не по душе Боузу — на заседании присутствовал Конрад Тейлор, знаменитый антрополог, который сделал себе имя на трудах, посвященных удивительным нравам Беверли-Хиллз [Сноска5](#) конца XX века.

Никто, наверное, не осмелился бы возражать против выдвижения в состав комитета сэра Льюиса Сэндса. Сэр Льюис был человек, чья ученость могла поспорить разве что с его же учтивостью; говорили, что он теряет самообладание только тогда, когда его называют Арнольдом Тойнби [Сноска6](#) своего времени.

Великий историк не почтил комитет личным присутствием: он упрямо отказывался покидать Землю даже по таким исключительным поводам, как данное заседание. Его стереоизображение, неотличимое от оригинала, в настоящий момент занимало кресло по правую руку от доктора Боуза; словно для того, чтобы довершить иллюзию, кто-то поставил перед лже-Сэндсом стакан воды. По мнению самого Боуза, такого рода техническое трюкачество было явно бессмысленным, и оставалось только диву даваться, как люди, бесспорно выдающиеся, по-детски радуются возможности присутствовать в двух местах сразу. Иной раз эти электронные фокусы порождали комические ситуации: Боуз собственными глазами видел на одном из дипломатических приемов, как некто, пытаясь пройти сквозь стереограмму, слишком поздно обнаружил, что это вовсе не изображение, а живой человек. Но еще забавнее было наблюдать, как изображения подчас стараются пожать друг другу руки...

Тут доктор Боуз призвал свои разгулявшиеся мысли к порядку, откашлялся и начал:

— Считаю заседание открытым. Полагаю, что имею полное право заявить: здесь собрались выдающиеся представители человечества, чтобы обсудить ситуацию, беспрецедентную в его истории. Указания, данные нам генеральным секретарем Организации Объединенных Планет, обязывают нас оценить создавшееся положение и проконсультировать капитана Нортона, если это окажется необходимым...

Эта речь явила собой образец очевидного для всех упрощенчества. Весьма сомнительно, что комитет когда-либо сможет вступить в прямой контакт с Нортоном, разве что при самых чрезвычайных обстоятельствах; возможно, что Нортон никогда и не узнает о существовании комитета. Комитет всего лишь временный орган при научном отделе ООП, подотчетный директору отдела, а через него — генеральному секретарю. Конечно, Служба Солнца тоже подчиняется ООП, однако не научному, а оперативному ее отделу. Казалось бы, невелика разница; почему бы комитету по проблемам Рамы, да и кому угодно еще, не связаться с капитаном Нортоном, если возникло желание дать ему толковый совет? Но все было не так-то просто...

Связь в глубоком космосе обходится баснословно дорого. Вызвать «Индевор» можно только через Планетком — автономную организацию, известную строгостью и категоричностью своих правил. Чтобы добиться влияния на Планетком, понадобится время и время; кто-то когда-то, несомненно, позаботится об этом, но в настоящий момент жестокосердные компьютеры Планеткома не признают за новоявленным комитетом равным

счетом никаких прав.

— На плечи этого капитана Нортон, — заявил сэр Роберт Маккей, представитель Земли, — легла огромная ответственность. Что он за человек?

— Могу ответить на ваш вопрос, — откликнулся профессор Дэвидсон, пробежав пальцами по клавишам карманного информатора. Нахмурившись, он взгляделся в строчки, бегущие по экрану, потом бегло начал: — Уильям Тсайен Нортон родился в две тысячи семьдесят седьмом году в Брисбене, Океания. Образование получил в Сиднее, Бомбее, Хьюстоне. Затем прошел пятилетний курс в Астрограде, специализировался по двигателям. Произведен в офицеры в две тысячи сто втором году. Начал службу лейтенантом в третьей экспедиции на Персефону, отличился при пятнадцатой попытке основать базу на Венере... гм... послужной список образцовый... двойное гражданство, Земли и Марса... жена и ребенок в Брисбене, жена и двое детей в Порт-Лоуэлле, недавно получил новое разрешение на увеличение...

— Числа жен? — с самым невинным видом осведомился Тейлор.

— Детей, разумеется, — огрызнулся профессор, прежде чем уловил усмешку на лице оппонента. По конференц-залу пронесся легкий шумок; впрочем, те, кто жил на перенаселенной Земле, скорее завидовали, чем забавлялись. Самые энергичные меры, предпринимаемые на протяжении целого столетия, все еще не давали ощутимых результатов: население собственно Земли по-прежнему значительно превышало десять миллиардов...

— ...Назначен командиром разведывательного корабля «Индевор», — продолжал Дэвидсон. — Совершил первый полет на отдаленные спутники Юпитера... гм, это была хитроумная затея... находился в поясе астероидов, когда получил приказ выполнить настоящее задание... сумел уложиться в предельно жесткий срок... — Профессор обвел взглядом коллег. — Думаю, нам очень повезло. Ведь выбора не было, и на месте Нортон вполне мог оказаться самый заурядный флибустьер...

Прозвучало это так, словно профессор и впрямь представлял себе типичного космического капитана пиратом на деревянной ноге, с пистолетом в одной руке и абордажной саблей в другой.

— Приведенные данные говорят лишь о том, что Нортон не новичок в своем деле, — возразил делегат Меркурия (население этой планеты составляло на текущий момент сто двенадцать с половиной тысяч человек, но быстро росло). — Однако как он поведет себя в ситуации совершенно беспрецедентной...

На Земле сэр Льюис Сэндс слегка кашлянул. Полторы секунды спустя он точно так же кашлянул на Луне.

— Не такая уж она беспрецедентная, — напомнил он меркурианину, — хотя последний прецедент имел место три столетия назад. Если создатели Рамы погибли или покинули его — а до сих пор все свидетельствует в пользу такого заключения, — то Нортон попадает в положение археолога, исследующего остатки исчезнувшей культуры. — Он учтиво поклонился в сторону Тельмы Прайс, и та кивком выразила свое согласие. — Напрашивается пример Шлимана, обнаружившего Трою, или Муо, первооткрывателя храма Ангкор-Ват^{[Ссылка7](#)}. Опасность минимальна, хотя полностью исключить возможность несчастного случая, к сожалению, нельзя...

— А как насчет ловушек и сюрпризов, о которых толкуют приверженцы «теории Пандоры»? — спросила доктор Прайс.

— «Теория Пандоры»? — живо заинтересовался меркурианин. — А это что еще такое?

— Есть такие психопаты, — объяснил сэр Роберт несколько смущенно, что для дипломата было равносильно серьезному замешательству, — убежденные, что Рама представляет собой смертельную угрозу для человечества. Ящик, который нельзя раскрывать... Да вы, конечно, помните легенду...

На самом деле он весьма сомневался, что меркурианин вообще слышал о Пандоре: классическое образование на этой планете было не в чести.

— Параноики, — фыркнул Конрад Тейлор. — Предполагать, разумеется, можно все, что угодно, но зачем высокоразвитая цивилизация станет прибегать к ребяческим фокусам?

— Но даже если забыть о них, — продолжал сэр Роберт, — остается другая возможность, еще более неблагоприятная. Что если Рама не бездействует, что если он все-таки обитаем? Произойдет столкновение двух культур, двух разных уровней технического развития. Вспомните Писсарро и инков, commodora Перри^{[Ссылка8](#)} и японцев, проникновение европейцев в Африку. Последствия почти неизбежно оказывались катастрофическими, во всяком случае для одной стороны. Я не готов выступить с рекомендациями, а лишь напомнил вам известные факты...

— Благодарю вас, сэр Роберт, — сказал доктор Боуз. «Что за досада, — добавил он про себя, — в таком малюсеньком комитете целых два „сэра“: похоже, что в наши дни титулованными стали почти все англичане

без исключения...» Вслух он произнес: — Уверен, что каждый из нас также размышлял об этой тревожной возможности. Но если существа, населяющие Раму, окажутся... как бы это сказать... недоброжелательными, то какая разница, что именно мы предпримем?

— Если мы уберемся восвояси, они, может, и не обратят на нас внимания...

— Что? После того как совершили путь длиною в триллионы миль и тысячи лет?

Спор достиг своей исходной точки и пошел по замкнутому кругу. Доктор Боуз откинулся в кресле и, почти не вмешиваясь, ждал, пока стороны придут к соглашению.

Все произошло именно так, как он и предвидел. Члены комитета сошлись на том, что, поскольку капитан Нортон уже распахнул первую дверь, просто нелогичным будет не отворить и вторую.

ДВЕ ЖЕНЫ

Выдайся им когда-нибудь случай сравнить полученные от него видеogramмы, хлопот у капитана сразу бы резко прибавилось. Но мысли такого рода Нортонa не столько беспокоили, сколько забавляли. Он составлял одно длинное послание, снимал с него копию, в каждом случае добавляя в конце два-три ласковых слова, адресованных уже персонально, затем передавал почти идентичные тексты соответственно на Землю и на Марс.

Да и с какой, собственно, стати будут его жены тратиться на сличение видеogramм? Даже по льготным тарифам, предусмотренным для семей космонавтов, это обошлось бы недешево. И главное, в этом просто не было смысла — семьи сохраняли друг с другом прекрасные отношения, по праздникам и дням рождения обменивались традиционными поздравлениями. Правда, лично жены никогда не встречались и, вероятно, никогда не встретятся, да это и к лучшему. Мирна родилась на Марсе и не вынесла бы тройного притяжения Земли, а Каролина терпеть не могла переездов, и даже двадцать пять минут в ракете — предельная продолжительность путешествия в пределах Земли — выводили ее из себя.

— Извини, что на целые сутки запоздал с весточкой, — продиктовал капитан после нескольких общих вступительных фраз, — но, веришь ли, я не был у себя на корабле целых тридцать часов...

Не тревожься — все идет как надо, все хорошо. У нас ушло на это два дня, но мы уже почти миновали систему воздушных шлюзов. Конечно, если бы знать все то, что мы знаем теперь, с ней можно было бы справиться за пару часов. Но мы не имели права рисковать, а потому высылали вперед телекамеры с дистанционным управлением, по десять раз опробовали каждый шлюз, чтобы увериться, что он не захлопнется сам собой...

Каждый шлюз — это обыкновенный вращающийся цилиндр, имеющий в одном месте прорезь. Входишь в нее, поворачиваешь цилиндр вручную на сто восемьдесят градусов и, пожалуйста, выходи. Или, точнее, вplывай потихоньку.

Эти рамане, судя по всему, народ основательный: три цилиндрических шлюза следуют один за другим. Положительно не представляю, как может

отказать даже один такой шлюз, разве что взрывчаткой его рвануть...

Последний, третий шлюз открывается в тоннель полукилометровой длины, удивляющий, как и все, что мы пока здесь видели, своей чистотой. Через каждые несколько шагов попадаются маленькие ниши, быть может, в них когда-то стояли осветительные приборы, но сейчас в коридоре темным-темно и, не побоюсь признаться, страшновато. Вдоль стен по всей длине тоннеля тянутся параллельные щели шириной в сантиметр. Есть подозрение, что это направляющие для каких-нибудь тележек, чтобы перевозить снаряжение, а возможно, и людей. Если бы мы нашли тележки и сумели ими воспользоваться, то сэкономили бы бездну времени и сил...

Я уже говорил, что тоннель тянется на полкилометра. Сейсмическое зондирование показало, что такова примерно толщина корпуса Рамы, значит, тоннель прорезает корпус насквозь. И мы не удивились, обнаружив в конце пути еще одну серию цилиндрических шлюзов.

Да, да, серию — один, и второй, и третий. Эти рамане, кажется, любую свою конструкцию повторяют трижды. Сейчас мы достигли последнего из этих шлюзов и ждем только разрешения с Земли, чтобы миновать и его. От тайн Рамы нас отделяют сейчас лишь считанные метры. Поскорее бы получить с Земли «добро» — ожидание прямо-таки смерти подобно...

Ты ведь знакома с Джерри Кирчоффом, моим старшим помощником? Ну да, с тем самым, который собрал такую коллекцию древних книг на бумаге, что теперь никогда не сможет эмигрировать с Земли — вывезти эти книги никаких денег не хватит. Так вот, Джерри рассказал мне про очень похожий случай, который произошел в начале двадцать первого, нет, кажется, двадцатого века. Один археолог нашел усыпальницу фараона [Ссылка9](#) — первую, до которой не добрались грабители. Его землекопам понадобились месяцы на то, чтобы ярус за ярусом вскрыть ее, и вот наконец перед ними предстала еще одна стена, самая последняя. Пробив кладку, он сунул в дыру голову и руку с фонарем. И перед ним открылась комната, полная невероятных сокровищ, золота и драгоценностей...

Быть может, Рама — тоже гробница или что-то очень похожее на нее. До нас ни разу не донеслось ни малейшего звука, ни намека на какое-либо движение. Ну что ж, завтра мы все узнаем наверняка...

Капитан Нортон остановил записывающий аппарат. Что еще можно сказать, прежде чем диктовать заключительные фразы, разные для обеих семей? Обычно он не вдавался в подробности технического характера, но сегодня обстоятельства вряд ли можно было назвать обычными. Не исключено, что эта последняя его видеोगрамма тем, кого он любил; Нортон

чувствовал себя обязанным объяснить им, что он делает и зачем.

Когда они увидят его на экране и услышат его слова, он будет уже внутри Рамы. На радость это или на беду, но внутри.

ШЛЮЗЫ ПОЗАДИ

Прежде Нортон никогда не ощущал своего родства с давно умершим египтологом. С тех пор как Говард Картер впервые заглянул в гробницу Тутанхамона, никому из людей не довелось пережить мгновения, подобного этому, — да и сравнение с Картером было примитивным.

Тутанхамона похоронили чуть ли не вчера — менее четырех тысяч лет назад; возраст Рамы мог оказаться почтеннее возраста самого человечества. Крошечная гробница из Долины фараонов затерялась бы в коридорах, которые они уже прошли, а впереди, за последним препятствием, лежало пространство, по крайней мере в миллион раз большее. А уж сокровища, которые, вероятно, поджидали их здесь, были просто невообразимы.

В эти решающие минуты прекратились всякие радиопереговоры; знающая свое дело команда и не нуждалась в изустных докладах, чтобы понять, что все проверки закончены. Мерсер лишь поднял руку в знак того, что все в порядке, и показал капитану на жерло последнего тоннельчика. Люди, не сговариваясь, разом почувствовали, что этот исторический момент нельзя принижать болтовней по пустякам. Нортон засветил фонарь, включил ранцевый двигатель и медленно поплыл по короткому коридорчику, волоча за собой страховочный трос. Десять секундой — и вот он внутри.

Внутри чего? Впереди была глубочайшая тьма, не отражающая ни искорки света. Собственно, он это и ждал, ждал — и все-таки не верил. Все вычисления показывали, что противоположная стена удалена от него на десятки километров; теперь его глаза подтверждали, что это действительно так. Он не спеша вплывал в эту тьму — и вдруг ощутил острое желание удостовериться в прочности страховочного троса, намного более острое, чем когда бы то ни было прежде, даже при первой вылазке. Ну, не смешно ли: в полете он без содрогания мерил взглядом космические бездны, отчего же его приводят в смущение какие-то жалкие кубические километры пустоты?

Он все еще обсуждал с собой эту щекотливую проблему, когда закрепленный на тросе амортизатор прервал его парение; сработал амортизатор: Нортон почти не почувствовал отдачи. Он перестал тщетно вглядываться в ничто, лежащее впереди, и направил луч фонаря под ноги,

туда, откуда только что взмыл.

Можно было подумать, что его подвесили над центром игрушечного кратера, который в свою очередь был лишь оспинкой у основания другого несравненно большего. Во все стороны от этого большого кратера вздымались склоны и террасы геометрически правильной формы и, несомненно, искусственного происхождения; склоны и террасы чередовались, пока не исчезали во мраке. В сотне метров от себя Нортон заметил выходы двух других воздушных шлюзов, однотипных с тем, который они прошли.

И все. В том, что он видел, не было ничего слишком непривычного или чуждого — картина во многом напоминала заброшенный рудник. Нортон поневоле ощутил известное разочарование: затраченные усилия предполагали, что их ожидают здесь фантастические откровения, нечто драматическое и даже сверхъестественное. Он вынужден был напомнить себе, что в поле его зрения лишь считанные сотни метров; тьма, простирающаяся за ними, может таить в себе чудес куда больше, чем он в состоянии переварить. Кратко сообщив об этом своим изнывающим товарищам, он добавил:

— Запускаю осветительную ракету, вспышка через две минуты. Отсчет!..

Размахнувшись изо всех сил, он швырнул вверх — как можно дальше — маленький цилиндр и, наблюдая за ракетой, быстро исчезающей из виду, начал отсчет. Не прошло и пятнадцати секунд, как ракета исчезла; досчитав до ста, он прикрыл глаза и одновременно поднял камеру. Его всегда отличало хорошо развитое чувство времени. Вот и на этот раз он ошибся всего на две секунды — окружающий мир взорвался светом.

Даже миллионов свечей, спрессованных в одной вспышке, не хватило на то, чтобы вырвать из тьмы всю глубину этой гигантской полости, и все же он успел увидеть достаточно, чтобы уяснить себе ее планировку и оценить по достоинству ее титанический размах. Он находился в торце полого цилиндра как минимум десятикилометровой ширины и неопределенной длины. За один миг он увидел на изогнутых стенах столько, что разум не в состоянии был этого вместить; он как бы взглянул на целый мир при блеске молнии и усилием воли попытался запечатлеть его в своем сознании.

Насколько хватало глаз, террасированные склоны «кратера» поднимались вверх и вверх, пока не сливались со сплошной стеной, опоясывающей небо. Стоп — это ложное впечатление, надо отрешиться от представлений, воспитанных Землей и открытым космосом, и выработать

для себя новую систему координат...

Он находится вовсе не на дне этого странного вывернутого наизнанку мира, а, напротив, в его самой высокой точке. Любое направление ведет отсюда не вверх, а вниз. Стоит лишь отодвинуться от центральной оси в сторону вогнутой стены, — нет, о ней нельзя больше думать как о стене, — и сила тяжести начнет понемногу возрастать. Добравшись до внутренней поверхности цилиндра, он сможет нормально стоять и ходить выпрямившись, и ноги его будут обращены к звездам, а голова — к центру этого исполинского вращающегося волчка. Сама идея достаточно ясна: еще на заре космонавтики центробежную силу использовали для имитации силы тяжести. Ошеломляет, не укладывается в сознании лишь масштаб применения знакомой идеи. Крупнейшая из космических станций землян, «Синскэт-5», в диаметре не достигает и двухсот метров. Воистину требуется какое-то время, чтобы приноровиться к размаху, во сто раз большему...

Свернутый трубкой ландшафт, охвативший его со всех сторон, был испещрен пятнами света и тени, которые могли оказаться лесами, полями, замерзшими озерами и городами; значительность расстояния и быстрота, с которой угасала ракета, делали опознание практически невозможным. Узкие линии — не то дороги, не то каналы или выпрямленные реки — складывались в едва различимую, но геометрически правильную сеть, а дальше, на самой границе видимости, цилиндр опоясывала какая-то более темная полоса. Она очерчивала полный круг, охватывала кольцом интерьер этого мира, и Нортон вдруг припомнил миф об Океане, который, по верованиям древних, омывал диск Земли.

Быть может, здесь — наяву — существовало еще более странное море, не кольцевое, а цилиндрическое? Ведало ли оно, прежде чем застыть в межзвездной ночи, буруны, приливы, течения, волны? Населяли ли его рыбы?

Ракета догорела и погасла, миг откровения миновал. Но Нортон понимал: эта картина не изгладится теперь из его памяти до гробовой доски. И история никогда не сможет оспорить тот факт, что ему выпала честь увидеть творения иной цивилизации.

ЗНАКОМСТВО

«Мы запустили пять осветительных ракет, настроив их часовые механизмы так, чтобы надежно перекрыть фотосъемкой всю длину цилиндра. Все главные ориентиры нанесены на карты, и хотя их очень трудно отождествить с чем-то знакомым, тем не менее мы дали им условные имена.

Внутренняя полость имеет пятьдесят километров в длину и шестнадцать в ширину. Оба ее конца — как бы гигантские чаши довольно сложной конструкции. Ту из них, где мы сейчас находимся, мы назвали Северным полушарием; здесь, у самой оси, расположена наша первая база.

От центральной площадки под углом сто двадцать градусов один к другому расходятся три трапа почти километровой длины. Все они заканчиваются на круговой террасе — отсюда она представляется обегаящим чашу кольцом. А от кольца вниз, продолжая эти трапы, убегают три исполинские лестницы, которые в конце концов достигают равнины. Представьте себе зонтик, у которого всего три спицы, равно удаленные друг от друга, — это даст вам довольно точное представление о том, как выглядит Рама с нашей стороны.

Каждая спица — лестница, вблизи оси очень крутая, а затем все более полого сливающаяся с равниной внизу. Надо думать, они предназначены исключительно для аварийных ситуаций, ведь нельзя всерьез полагать, что рамане — называйте их так или как-нибудь иначе — не предусмотрели других, более удобных способов добираться до оси своего мира.

Южное полушарие устроено совершенно по-другому: там нет ни лестниц, ни кратера в центре. Вместо кратера там высится остроконечный пик высотой в несколько километров; он расположен строго по оси и окружен шестью пиками поменьше. Конструкция в целом выглядит очень странно, и мы даже отдаленно не догадываемся, какой цели она служит.

Основную пятидесятикилометровую часть цилиндра между двумя чашами мы назвали Центральной равниной. Не считайте, что мы сошли с ума, именуя «равниной» нечто столь отчетливо вогнутое, — мы уверены, что это вполне оправданно. Как только мы спустимся на нее, она покажется нам плоской — муравью, который забрался в бутылку, ее внутренняя поверхность тоже должна представляться плоскостью...

Самое удивительное на Центральной равнине — это темная лента десятки километров в ширину, обтекающая цилиндр вокруг и разделяющая его пополам. Лента похожа на ледяную, и мы окрестили ее Цилиндрическим морем. Посреди моря расположен большой остров овальной формы, размером десять километров на три, сплошь покрытый какими-то высокими сооружениями. Поскольку он напомнил нам виды старого Манхэттена, мы назвали его Нью-Йорком. Правда, я не склонен думать, что это действительно город: скорее он похож на какую-то колоссальную фабрику или, скажем, на химический завод.

Но на равнине есть и город или, во всяком случае, поселки. Их по крайней мере шесть; если бы их строили для людей, то каждый мог бы вместить примерно пятьдесят тысяч человек. Мы назвали их Рим, Париж, Москва, Лондон, Пекин и Токио. Между собой они связаны дорогами и еще каким-то подобием рельсовой системы.

Материала, достойного изучения, в этом застывшем мире хватило бы на столетия. Четыре тысячи квадратных километров и всего две-три недели на то, чтобы их обследовать. Не знаю, найдем ли мы ответ хотя бы на два вопроса, которые мучают меня с той самой секунды, когда мы оказались здесь внутри: кто они были и что с ними случилось?..»

Запись окончилась. На Земле и на Луне члены Комитета по проблемам Рамы перевели дух и принялись с новой энергией изучать разложенные на столах карты и фотографии. Они предавались этому занятию уже не первый час, однако голос капитана Нортонна будто высветил в снимках что-то, добавил им глубину. Пусть ракеты разорвали вековую ночь Рамы совсем ненадолго, но капитан видел этот необитаемый вывернутый мир собственными глазами. И именно он, Нортон, поведет в этот мир исследователей и будет его изучать...

— Доктор Перера, вы, кажется, хотели что-то сказать?..

Доктор Боуз подумал, не следовало ли в первую очередь предоставить слово профессору Дэвидсону — старшему из ученых и единственному астроному среди присутствующих. Но профессор, видимо, еще не вполне оправился от шока, ему было явно не по себе. Всю жизнь он взирал на Вселенную, как на арену борьбы титанических, но безличных сил гравитации, магнитных и радиационных полей; ему никогда не верилось, что жизнь играет сколько-нибудь существенную роль в мироздании, и он рассматривал ее проявления на Земле, на Марсе и на Юпитере как нечаянное отступление от общих правил.

И вот теперь налицо было доказательство, что жизнь не только существует за пределами Солнечной системы, но и достигла высот, далеко

превосходящих все, что человечество уже совершило, и все, что надеялось совершить в ближайшие столетия. Более того, появление Рама опровергло и другую догму, которую профессор исповедовал годами. Под нажимом он еще кое-как соглашался, что жизнь, может быть, существует и в иных звездных системах, но совершеннейшая нелепость, подчеркивал он, верить, что она способна пересечь межзвездные бездны...

Допустим даже, что рамане действительно потерпели неудачу, что капитан Нортон прав, утверждая, что их мир ныне превратился в гробницу. Но сама попытка совершить невозможное говорила о том, что они всерьез рассчитывали на удачу. И если такое случилось хоть однажды, то в Галактике с ее сотней тысяч миллионов солнц это должно было происходить много-много раз., и кто-то где-то непременно добился успеха.

А это был тот самый тезис, в который бездоказательно, но весьма горячо верил доктор Карлайл Перера. И теперь он не мог решить, радоваться ему или огорчаться. Рама самым впечатляющим образом подтвердил воззрения ученого, но никогда не суждено ему ступить в пределы чужого мира, не суждено даже увидеть этот мир своими глазами. Если бы перед ним внезапно вырос дьявол и предложил дар мгновенной телепортации, доктор Перера подписал бы контракт, даже не взглянув на условия.

— Да, господин председатель, пожалуй, я располагаю информацией, представляющей определенный интерес. Перед нами, вне всякого сомнения, «космический ковчег». Идея в астронавтической литературе не новая — я сумел установить, что английский физик Джон Бернал [Ссылка10](#) выдвигал ее как метод колонизации соседних звезд в книге, вышедшей в 1929 году, — да, да, двести лет назад! А великий русский первооткрыватель Циолковский выступал с аналогичными предложениями еще раньше.

Если вам угодно отправиться из одной звездной системы в другую, вы располагаете несколькими возможностями. Допустим, что скорость света действительно является абсолютным пределом скорости, — а этот факт по-прежнему нельзя считать окончательно установленным, что бы и как бы ни говорили вам на сей счет (профессор Дэвидсон возмущенно фыркнул, однако вслух протеста не выразил), — значит, вы можете либо лететь быстро, но в небольшом корабле, либо гораздо медленнее, но в корабле гигантском.

Насколько я знаю, нет никаких технических причин, по которым космический корабль не может разогнаться до скорости, составляющей девяносто и более процентов скорости света. Тогда время полета между соседними звездами сокращается до пятидесяти лет — скучновато,

пожалуй, но отнюдь не нереально, в особенности для существ, жизненный цикл которых измеряется столетиями. Можно без труда представить себе путешествия такой продолжительности на кораблях, ненамного больших, чем наши нынешние.

Но, может быть, подобные скорости недостижимы для кораблей, несущих значительный полезный груз; не забывайте, надо везти с собой еще и топливо на торможение, даже если не заботиться об обратном пути. Так не разумнее ли в таком случае пожертвовать временем — пусть десятком, пусть даже сотней лет?

Бернал и другие авторы полагали, что это осуществимо, надо лишь построить движущийся мирок диаметром в несколько километров, рассчитанный на тысячи пассажиров и на путешествия длительностью в десятки поколений. Конечно, все системы такого мирка должны функционировать как полностью замкнутые, автоматически воссоздавая пищу, воздух и все остальное. Но в конце концов не так ли обстоит дело у нас на Земле, да еще и масштабы у нас солиднее...

Одни авторы предлагают строить «космические ковчеги» в форме концентрических сфер, другие — в форме пустотелых вращающихся цилиндров, с тем чтобы центробежная сила искусственно заменила силу тяжести, — в точности так, как это осуществлено на Раме.

Профессор Дэвидсон не мог дольше терпеть безграмотную болтовню.

— Да нет же такой силы в природе, просто нет! Центробежную силу выдумали инженеры. А в науке есть сила инерции.

— Вы, разумеется, совершенно правы, — согласился Перера, — хотя убедить в этом тех, кому доводилось падать с карусели, будет, согласитесь, не просто. Но, мне кажется, у нас нет нужды добиваться математической строгости выражений.

— Спокойнее, доктор, — вмешался Боуз, не в силах совладать с раздражением. — Мы все поняли, что вы имеете в виду, по крайней мере нам так показалось. Не разрушайте, пожалуйста, наших иллюзий.

— В сущности, я хотел лишь подчеркнуть, что в самой идее Рамы нет ничего принципиально нового, поражают только его размеры. Люди рисовали себе нечто подобное еще двести лет назад.

Теперь я задаю себе другой вопрос. Можем ли мы со всей определенностью установить, как долго Рама путешествует в пространстве?

К настоящему времени мы провели точнейшие измерения его орбиты и скорости. Исходя из предположения, что он не менял курса, мы можем вычислить его координаты на протяжении миллионов лет. Естественно, мы

ожидали, что он прибыл к нам с одной из ближайших звезд, однако это отнюдь не так.

С тех пор как Рама проходил вблизи звезды, какой бы то ни было звезды, минуло более двухсот тысяч лет. Да и эта звезда, как выяснилось, принадлежит к непериодическим переменным, то есть к таким, у которых никак нельзя допустить наличия населенных планетных систем. Светимость этой звезды изменяется от единицы до пятидесяти с лишним [Ссылка11](#); планеты, если они там есть, то раскаляются, то леденеют каждые несколько лет...

— У меня есть гипотеза! — воскликнула доктор Прайс. — Быть может, это как раз все и объясняет! Быть может, некогда это солнце было нормальным, а потом стало нестабильным. И рамане вынужденно пустились на поиски нового солнца.

Доктор Перера питал слабость к старушке-археологу и потому пощадил ее самолюбие, Но интересно, что сказала бы она, если бы он усомнился в аксиомах ее профессии...

— Мы рассматривали такую возможность, — мягко ответил он. — Однако, если общепринятые теории звездной эволюции верны, эта звезда никогда не была стабильной и на ее планетах никогда не возникало жизни. Так что Рама странствует в космосе никак не меньше двухсот тысяч лет, а может стать — больше миллиона...

Теперь там царство холода и тьмы, по-видимому, мертвое царство, и, кажется, я догадываюсь почему. Возможно, у раман действительно не оставалось выбора, возможно, они действительно спасались от какой-то катастрофы, но они ошиблись в расчетах.

Ни одна замкнутая экологическая система не может быть эффективной на все сто процентов: всегда существуют какие-то отходы, потери, оскуднение внешней среды, накопление вредоносных веществ. На то, чтобы отравить и истощить целую планету, подчас нужны миллиарды лет, но когда-то это произойдет. Океаны высохнут, атмосфера рассеется...

По нашим меркам Рама — исполин, но как планета он совершенный карлик. Проведенные мной расчеты показывают, что его экологический баланс может поддерживать себя примерно тысячу лет. Максимальное допущение — десять тысяч...

При такой скорости, которую развивает Рама, этого вполне достаточно для перелетов в центре Галактики, где звезд полным-полно. Но не здесь, в ее спиральных малонаселенных рукавах. Рама — корабль, растративший свои запасы задолго до того, как он достиг цели. Опустевший остров, блуждающий среди звезд.

Эта теория допускает единственное серьезное возражение, и я сам выдвину его, не дожидаясь, пока это сделает кто-нибудь другой. Орбита Рамы настолько точно нацелена на Солнечную систему, что случайное совпадение просто исключено. Я бы сказал, что наш гость пройдет даже слишком близко к Солнцу; «Индевору» во избежание перегрева придется расстаться с ним задолго до перигелия.

Не стану притворяться всепонимающим. Можно допустить, что на Раме до сих пор действуют какие-то автоматические навигационные устройства, которые вывели корабль к ближайшей подходящей звезде спустя тысячелетия после того, как погибли его создатели.

А они, ручаюсь своей репутацией, несомненно погибли. Пробы, взятые внутри цилиндра, абсолютно стерильны, мы не обнаружили в них никаких микроорганизмов. И всякие толки о том, что рамане еще оживут, следует забыть. Существуют основательные причины, по которым гипотермический сон может длиться не более двух-трех столетий, а речь идет о сроках, в тысячи раз больших.

Пандорианцам и их сторонникам волноваться не о чем. Мне лично даже жаль, что это так. Разве не замечательно было бы встретиться с представителями иного разума?

Но по крайней мере, мы знаем теперь ответ на вопрос, мучивший нас испокон веков. Мы не одиноки во Вселенной. И звезды будут казаться нам не такими далекими, как прежде.

СПУСК ВО ТЬМУ

Нортон пережил тяжкое искушение, однако долг капитана обязывал его сначала позаботиться о безопасности своего корабля. Если их операция вдруг потерпит провал, первым делом надо спасать «Индевор».

Выбор очевидным образом пал на второго помощника, капитана-лейтенанта Мерсера. Нортон не мог не признать, что Карл как нельзя лучше подходит для данной миссии.

Непререкаемый авторитет во всем, что касается систем жизнеобеспечения, Мерсер выступил даже автором учебника по этому предмету. Он лично испытал множество образцов снаряжения, зачастую в невероятно сложных условиях, и прославился редким искусством саморегуляции. По желанию он мог замедлить свой пульс или задержать дыхание на целых десять минут. Эти ценные навыки не раз спасали ему жизнь.

И тем не менее, невзирая на все свои дарования и эрудицию, он отличался почти полным отсутствием воображения. Самые опасные эксперименты и поручения для него оставались просто-напросто работой, которую надо выполнить. Он никогда не шел на неоправданный риск и совершенно не видел смысла в том, что обычно именуют безрассудной смелостью.

Над его рабочим местом красовались два девиза — итоги его жизненной философии. Первый: «Ты ничего не забыл?» И второй: «Остерегайся храбрецов!» То обстоятельство, что его считают самым отчаянным храбрецом на всем космическом флоте, было единственным, что выводило его из себя.

Ну, а если вопрос о Мерсере решен, тогда автоматически решен и вопрос о его неразлучном спутнике, лейтенанте Джо Колверте. Что же между ними общего — понять никто не мог: тщедушный, вечно озабоченный чем-то штурман был на десять лет моложе своего хладнокровного, невозмутимого друга, который к тому же отнюдь не разделял его пылкого увлечения искусством примитивного кино.

Но давно замечено, что крайности сходятся, — Мерсер и Колверт стали друзьями, и дружба их оказалась прочной. Впрочем, это еще менее удивительно, чем то, что на Земле они любили одну женщину, подарившую

каждому из них по ребенку. Нортону не раз приходило в голову, что с ней при случае следовало бы познакомиться, — вероятно, она весьма незаурядная особа. Треугольник существовал уже минимум пять лет и все еще казался равносторонним...

Однако двое еще не составляют полноценной исследовательской группы; давно установлено, что оптимальный состав — трое, в случае чьей-то гибели там, где одиночка будет обречен, двое все-таки могут выжить. По зрелом размышлении Нортон остановился на кандидатуре сержанта технической службы Уильяма Майрона. Блестящий механик, способный привести в действие любую машину, — или, на худой конец, сконструировать новую, — Майрон был идеальным партнером на случай, если придется разбираться в инопланетной аппаратуре. Раньше он занимал должность адъюнкт-профессора в Астротехническом институте, взял годовой отпуск. Отпуск явно затянулся, однако сержант наотрез отказался от офицерского чина под тем предлогом, что не хочет мешать продвижению более достойных. Никто не принял этого объяснения всерьез, но все сошлись на том, что самолюбия у Уилла нет и в помине. Он, может, и станет еще старшим сержантом, но звания профессора не получит никогда. Майрон, как и многие представители сержантской гильдии до него, нашел для себя компромисс между властью и ответственностью.

Едва они миновали последний шлюз и выплыли в невесомость возле оси Рамы, лейтенанта Колверта, как это нередко с ним бывало, засосало в омут киновоспоминаний. Возможно, стоило бы излечиться от этой неотвязной привычки, но, по правде говоря, Колверт не видел в ней вреда. Напротив, она помогает скрасить любое нудное занятие и — кто знает? — может, в один прекрасный день спасет ему жизнь. Допустим, он вспомнит, как поступали в сходных обстоятельствах Фербэнкс, Коннери [Ссылка12](#) или Хироши...

На сей раз он казался себе участником одной из войн начала XX века и шел в атаку: Мерсер был сержантом и командовал группой разведчиков из трех человек, которая под покровом ночи проникла на территорию противника. Не требовалось особых усилий, чтобы вообразить, что они укрылись на дне огромной воронки, склоны которой образуют ряд восходящих террас. Воронка была залита лучами трех вынесенных по сторонам плазменных дуговых ламп, и в ней почти не оставалось тени. Но за ее пределами, за кромкой дальней террасы, царили мрак и неизвестность.

Мысленно Колверт, конечно же, прекрасно представлял себе, что

прячется во тьме. Сначала плоское кольцо более километра в поперечнике. Его разделяют на равные части три трапа, похожих на железнодорожные колеи с утопленными шпалами. Трапы располагаются строго симметрично и совершенно одинаковы. Они выбрали тот, который начинался ближе к шлюзу Альфа.

Правда, перекладины располагались далековато друг от друга, но даже в полукилометре от оси сила тяжести не достигала и одной тридцатой [g](#)^{Ссылка13}, так что, взвалив на себя приборы и снаряжение весом килограммов по сто, они могли двигаться без особого труда.

Капитан Нортон и группа обеспечения проводили их до конца канатов, протянутых от шлюза Альфа; далее свет прожекторов не доставал, и они окунулись в первозданную тьму Рамы. Все, что удавалось различить в пляшущих лучах шлемовых фонарей, — это первые сотни метров убегающего вдаль трапа.

«А теперь, — сказал себе Карл Мерсер, — пробил час принять первое решение. Поднимаюсь я по этому трапу или спускаюсь?..» Вопрос был отнюдь не прост. По существу, гравитация все еще не отличалась от нулевой, и мозг мог избрать произвольную систему координат. Усилием воли Мерсер мог заставить себя думать, что смотрит или на горизонтальную равнину, или снизу вверх на вертикальную стену, или сверху вниз с отвесной скалы. Не так уж редко случалось, что космонавты, приступая к выполнению какой-нибудь сложной задачи, ошибались в выборе координат и это приводило к серьезным психологическим трудностям.

Мерсер решил двигаться головой вперед: любой другой способ оказался бы менее удобным, а так он хоть видел, что впереди. Следовательно, первые несколько сот метров он мог внушать себе, что карабкается вверх, а когда растущая сила тяжести разрушит эту иллюзию, он должен будет мысленно переориентироваться на сто восемьдесят градусов.

Капитан-лейтенант схватился за первую перекладину и слегка подтянулся вдоль трапа. Движение почти не требовало усилий, словно плавание под водой, — да нет, и того меньше, под водой он встретил бы сопротивление среды. А здесь все давалось так легко, что приходилось бороться с искушением увеличить скорость, но Мерсер был слишком опытен для того, чтобы торопиться в незнакомой обстановке.

В наушниках слышалось размеренное дыхание двух его товарищей. Он не нуждался в иных доказательствах того, что у них все в порядке, и не тратил времени на разговоры. Его подмывало оглянуться назад, однако он

решил не рисковать до тех пор, пока не доберется до платформы в конце трапа.

Промежутки между перекладинами были стандартными — примерно по полметра, и поначалу Мерсер хватался за перекладины через одну. Но при этом он старался не сбиться со счета, и примерно на двухсотой перекладине к нему впервые пришло ощущение собственного веса. Вращение Рамы наконец-то дало о себе знать.

На четырехсотой перекладине он оценил свой вес килограммов в пять. Само по себе это не добавило трудности, но обманывать себя было уже ни к чему; в самом деле, как притворяться, что продолжаешь восхождение, если тебя ощутимо тянет вверх?

Пятисотая перекладина показалась ему самым подходящим местом для того, чтобы передохнуть. Он чувствовал, что мышцы на руках уже начинают ныть от непривычных движений, а ведь всю работу за них фактически выполнял Рама, им оставалось лишь страховать себя.

— Все в порядке, шкипер, — доложил Мерсер. — Прошли половину трапа. Джо, Уилл, как у вас?

— У меня лучше некуда, — отозвался Джо Колверт. — Для чего ты, собственно, остановился?

— У меня тоже неплохо, — добавил сержант Майрон. — Но обратите внимание: начинает сказываться сила Кориолиса [Ссылка14](#).

Это Мерсер уже заметил и сам. Стоило отпустить перекладину — и его отчетливо сносило вправо. Он, разумеется, понимал, что во вращающемся мире подобный эффект неизбежен, и все же ему мерещилось, что какие-то духи тьмы мягко отталкивают его тело от трапа.

Быть может, настало время повернуться ногами вниз — ведь теперь слово «вниз» обретало реальный физический смысл. Существовал, конечно, определенный риск на мгновение потерять ориентацию...

— Следите за мной, сейчас я перевернусь...

Твердо взявшись за перекладину, он описал телом дугу в сто восемьдесят градусов — и тотчас же зажмурился, ослепленный фонарями товарищей. Далеко-далеко за ними — нет, теперь уже над ними — он, как только приспособился к свету, различил более слабое сияние. На краю отвесного утеса силуэтами выделялись фигурки капитана Нортон и группы обеспечения. Они казались такими маленькими и беспомощными, что он ободряюще помахал им рукой.

Потом он разжал пальцы и отдался во власть едва ощутимого притяжения Рамы. Падение от перекладины до перекладины продолжалось более двух секунд; на Земле он за то же время пролетел бы добрых

тридцать метров. Скорость была томительно мала, и он стал, отталкиваясь руками, пролетать по десятку перекладин в один прием.

На семисотой перекладине он сделал еще одну остановку и направил луч фонаря под ноги; как он и рассчитывал, от начала большой лестницы его отделяли теперь всего полсотни метров.

Еще три минуты — и они на первой ее ступеньке. После многих месяцев, проведенных в космосе, странно было стоять в рост, опираясь о твердую поверхность и ощущая ее подошвами. Каждый из них и сейчас весил менее десяти килограммов, но этого вполне хватало, чтобы обрести устойчивость. Закрыв глаза, Мерсер мог спокойно представить себе, что попирает ногами какую-то очередную планету.

Уступ, с которого начиналась лестница, был шириной порядка десяти метров и в обе стороны изгибался вверх, пока не растворялся во мраке. Мерсер знал, что уступ описывает полный круг и что если двинуться вдоль него, то, пройдя километров пять, они совершат «кругосветное путешествие» и очутятся вновь в исходной точке. Однако при том малом притяжении, какое действовало здесь, ходьба неизбежно превратилась бы в вереницу длинных прыжков. И в этом таилась грозная опасность.

Спускаться по лестнице, убегающей вниз во тьму, далеко за пределы видимости, тоже обманчиво легко. Тем не менее необходимо придерживаться за обрамляющие лестничный марш высокие поручни: один неосторожный шаг — и беспечный путник свечой взвьется в пространство. «Приземление» состоится, наверное, метров на сто ниже; удар сам по себе будет пустяковым, но последствия прыжка — вряд ли, поскольку вращение Рамы тем временем сдвинет лестницу влево. И тело, завершив падение, опустится прямо на склон, гладкий, чуть вогнутый склон, что уходит, нигде не прерываясь, к равнине в семи километрах внизу.

«Вот это, — сказал себе Мерсер, — был бы спуск почище бобслея!..» Конечная скорость даже при таком притяжении достигла бы нескольких сот километров в час. Кто знает, велика ли здесь сила трения, достаточна ли она для того, чтобы превратить безудержное скольжение в контролируемое; если достаточна, тогда возможно, что такой способ спускаться на внутреннюю поверхность Рамы окажется самым рациональным. Но прежде, чем рискнуть на это, надо провести хотя бы парочку экспериментов...

— Шкипер, — доложил Мерсер, — спуск по трапу трудностей не составил. С вашего разрешения я хотел бы продолжить его, скажем, до следующей площадки. Надо рассчитать скорость движения по лестнице...

Нортон ответил без колебаний:

— Действуйте.

Добавлять: «Будьте осторожны» — не было нужды.

Не прошло и минуты, как Мерсер совершил важное открытие. При одной двадцатой g идти по ступеням обычным манером оказалось просто невыносимо. Шаги становились замедленными, как во сне, и нестерпимо томительными; оставалось одно — игнорировать ступени и тянуть себя вниз по воздуху, используя поручень как опору.

Колверт пришел к такому же заключению.

— По этой лестнице ходят только вверх, а не вниз! — воскликнул он. — Можно перебирать ступеньки, пока движешься против гравитации, но в обратном направлении это более чем неудобно. Пусть меня обвинят в утрате собственного достоинства, но, по-моему, лучший способ спуститься — сесть на поручень верхом...

— Но это просто смешно! — запротестовал сержант Майрон. — Не могу поверить, что рамане поступали именно так...

— Сомневаюсь, что они вообще когда-либо пользовались этой лестницей: она построена, очевидно, лишь на случай какой-нибудь аварии. У них должен был быть еще и механический транспорт. Возможно, фуникулер. Это объяснило бы, зачем нужны вон те прорези, что тянутся до самого низа...

— А я думал, что это желоба водостока. Впрочем, одно не исключает другого. Интересно, случается ли здесь дождь?..

— Вполне вероятно, — заявил Мерсер. — Но, на мой взгляд, Джо прав, черт с ним, с достоинством. Поехали!..

Поручень, явно предназначенный для чего-то очень похожего на руки, представлял собой гладкую сплюснутую металлическую полосу на редких стойках метровой высоты. Мерсер оседлал ее и, удостоверившись, что руки могут создать достаточное тормозное усилие, заскользил. Очень плавно, медленно набирая скорость, спускался он в темноту, и вместе с ним двигалась лужица света от шлемового фонаря. Проехав метров пятьдесят, он разрешил остальным последовать его примеру.

Никто из них не признался бы в этом, но чувствовали они себя мальчишками, съезжающими по школьным перилам. Менее чем за две минуты они проделали километровый спуск — комфортабельно и безопасно. Как только скольжение становилось слишком стремительным, рука чуть сильнее сжимала поручень, и тормоз срабатывал вполне надежно.

— Надеюсь, вы хорошо позабавились, — обратился к ним капитан Нортон, когда все трое добрались до площадки. — Учтите, что карабкаться

обратно будет отнюдь не так весело.

— Это нам и предстоит проверить, — ответил Мерсер, прохаживаясь опыта ради туда и сюда и прикидывая, насколько увеличилась сила тяжести. — Здесь уже около одной десятой g , разницу просто невозможно не заметить...

Он подошел — вернее, подплыл — к краю площадки и осветил фонарем следующий лестничный марш. Луч не позволял видеть далеко, и марш казался точной копией предыдущего, хотя внимательное изучение фотографий показывало, что высота ступеней с нарастанием гравитации уменьшается. Лестница, вероятно, была построена с тем расчетом, чтобы интенсивность движений того, кто карабкается по ней вверх, оставалась более или менее постоянной по всей длине гигантской кривой.

Мерсер бросил взгляд в сторону шлюзов, которые теперь оставались в двух километрах над головой. Слабенькое пятнышко света и две крохотные фигурки, едва заметные на его фоне, были чудовищно далеки. И он вдруг впервые обрадовался тому, что не в силах различить исполинскую лестницу целиком.

Ни крепкие нервы, ни нехватка воображения еще ничего не значили: приятно ли воочию увидеть себя мошкой, ползущей по чаше, которая в поперечнике имеет более шестнадцати километров? До сих пор темнота раздражала Мерсера, теперь он почти благословлял ее.

— Температура не меняется, — доложил он Нортону, — по-прежнему чуть ниже нуля. Однако давление воздуха, как и ожидалось, повышается и достигло примерно трехсот миллибар. Даже в таких условиях здесь почти можно дышать, а ниже тем более это не составит проблемы. Наша задача серьезно упрощается. Какая удача — первый мир, где мы сможем ходить без кислородных приборов! Пожалуй, я рискну вздохнуть...

Высоко над ними, у самой оси, капитан Нортон беспокойно поежился. Но Мерсер, как никто другой, всегда отдавал себе отчет в собственных поступках. Он наверняка уже провел все необходимые пробы и счел их результаты удовлетворительными...

Мерсер снизил давление в скафандре, отключил герметизацию шлема и приоткрыл щелку. Неуверенный вздох, потом другой, поглубже...

Воздух Рамы был безжизненным, застойным, словно в могиле, но такой древней, что запах тлена выветрился из нее столетия назад. Даже Мерсер со своим сверхчувствительным обонянием, выработанным за годы возни с системами жизнеобеспечения как в нормальных, так и смертельно опасных условиях, не улавливал никаких отчетливых запахов. Впрочем, ощущался какой-то легкий металлический привкус, и он внезапно

вспомнил, что участники первой экспедиции на Луну жаловались на запах, сходный с запахом горелого пороха. Вероятно, загрязненная лунной пылью кабина «Орла» [Ссылка15](#) приобрела такой же мертвенный душок.

Он снова герметизировал шлем и сделал несколько глубоких вдохов. Чужой воздух не придал ему сил; даже альпинист, привычный к разреженной атмосфере высот, не выдержал бы здесь и нескольких минут. Но еще два-три километра вниз по лестнице — и все будет обстоять иначе...

Итак, они выполнили свою задачу. Теперь Мерсер мог позволить себе просто насладиться ощущением силы тяжести, хотя и небольшой. Он почти отвык от тяготения, однако и привыкать к нему заново тоже не годилось: ведь им следовало тотчас же вернуться в невесомость вблизи оси.

— Мы возвращаемся, шкипер, — сообщил он. — Идти дальше пока не имеет смысла. Придет час — подготовимся и спустимся до конца...

— Согласен. Мы засечем время, но особенно не торопитесь...

Едва Мерсер «зашагал» по ступенькам вверх — по три-четыре за один шаг-прыжок, — ему стало ясно, что Колверт был абсолютно прав: эти лестницы предназначены для того, чтобы по ним ходили вверх, а не вниз. Если не оглядываться назад и не пугаться головокружительной крутизны кривой по сторонам, восхождение могло показаться даже приятным. Тем не менее ступеней через двести мышцы ног начали отзываться болью и он решил замедлить темп. Остальные сделали то же самое; бросив короткий взгляд через плечо, он убедился, что они значительно отстали.

Восхождение прошло без всяких приключений — бесконечная череда ступеней, и только. Когда они вновь добрались до верхней платформы, примыкающей к трапу, то совершенно сбились с дыхания, а ведь обратный путь занял всего-то десять минут. На платформе они отдыхали еще минут десять, затем принялись за последний вертикальный километр.

Подпрыгнуть — ухватиться рукой за перекладину — подпрыгнуть — ухватиться — подпрыгнуть — ухватиться... Это было, в сущности, легко, но настолько однообразно, что возникала угроза потерять бдительность. На середине трапа они передохнули еще пять минут; к этому времени у них ныли уже не только ноги, но и руки. И Мерсер в который раз порадовался, что различает перед собой лишь малую часть вертикальной стены, к которой они приникли. Можно было вообразить, что трап тянется лишь на десяток метров за границу света, что скоро, совсем скоро он кончится.

Подпрыгнуть — ухватиться за перекладину — подпрыгнуть... И неожиданно трап действительно кончился. Они опять очутились в невесомом мирке оси, в кругу обеспокоенных друзей. Вся экспедиция не

продолжалась и часа и оставила у ее участников чувство причастности к некоему подвигу.

Однако время гордиться собой еще не настало: они преодолели едва ли восьмую часть этой циклопической лестницы.

МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ И ОБЕЗЬЯНЫ

Капитан Нортон уже давно пришел к выводу, что иным женщинам вход на борт космического корабля должен быть категорически воспрещен; невесомость шутит с их фигурами такие шутки, что никто не может сосредоточиться на деле. Пока они не двигаются, еще полбеда, но стоит им шевельнуться — и возникает зрелище, какого ни один мужчина, если у него в жилах не рыба кровь, перенести не в состоянии. Капитан был совершенно уверен, что один серьезный инцидент в космосе случился именно по этой причине: в рубку некстати всплыла женщина-офицер, и экипажем сразу же овладел приступ острой рассеянности.

Однажды он упомянул о своей теории в разговоре со старшим корабельным врачом Лаурой Эрнст, не раскрывая, впрочем, секрета, кто впервые навел его на подобные мысли. Да в том и не было нужды — они слишком хорошо знали друг друга. Годы назад, на Земле, они как-то, поддавшись настроению, преступили черту. Возможно, этому эпизоду суждено навсегда остаться единственным (но кто может ручаться за что-нибудь в таких делах?). И для него и для нее с тех пор много воды утекло, но когда бы врач ни появилась в капитанской каюте, он ощущал словно бы мимолетный отзвук былого, она чувствовала, что он ее не забыл, и оба были довольны.

— Билл, — начала она, — я осмотрела наших альпинистов, и вот мое заключение: Корл и Джо в добром здравии, и если учесть, какую работу они проделали, то все показатели у них в норме. А вот у Уилла явные признаки переутомления и мышечного истощения. Не стану докучать тебе деталями, но думаю, что он просто не выполнял всех положенных физических упражнений. И если б он был одинок в своей лени! На центрифуге ловчат сплошь и рядом — того и гляди, докатимся до морской болезни, Пожалуйста, скажи им свое слово.

— Слушаюсь, мадам. Но отчасти их можно и извинить. У команды было очень много работы...

— Умственной — да. Пальцами по кнопкам — тоже да. Но не работы в прямом смысле слова, не такой, какую можно выразить в килограммометрах [Ссылка16](#). А здесь мы столкнемся с такой и прежде всего с такой работой. Если, конечно, собираемся продолжать исследования.

— Значит, ты разрешаешь их продолжать?

— Да, только без лихачества. Мы с Карлом подготовили примерный план, вполне умеренный. Мы исходили из предположения, что ниже второго уровня можно дышать без кислородных приборов. Это, конечно, невероятная удача, меняющая все прежние расчеты. Никак не могу освоиться с мыслью, что мы попали в кислородный мир... Остается лишь обеспечить людей водой и пищей, защитить от холода — и дело в шляпе. Спуститься будет легче легкого похоже, большую часть пути удастся проделать по перилам, словно нарочно для этого созданным...

— Я уже засадил техников за разработку специальных санок с парашютными тормозами. Даже если мы не рискнем сесть на них сами, используем для припасов и снаряжения.

— Прекрасно — это сократит спуск до десяти минут. Без саней он занял бы около часа. Труднее установить время, необходимое на обратный путь. Мне представляется, что на подъем надо отвести часов шесть, включая две остановки на отдых по часу каждая. Потом, когда мы наберемся опыта, а наши мышцы силы, это время, быть может, удастся сократить...

— А как насчет психологических факторов?

— Обстановка столь непривычна, что однозначно и не ответишь. Главная из проблем, по всей вероятности, темнота...

— А что, если установить у начала трапа прожектор? Партии, спускающиеся вниз, будут непрерывно ощущать на себе его лучи.

— Хорошая идея. Это может нам серьезно помочь.

— Еще один вопрос: надо ли посылать вторую группу лишь до середины лестницы, а потом назад или можно проделать весь путь с первой попытки?

— Если бы у нас было время, я бы предпочла первое. Но времени в обрез, и я не вижу, почему бы не спуститься сразу до конца — и хорошенько осмотреться внизу...

— Спасибо, Лаура, это все, что мне хотелось у тебя узнать. Первый помощник отработает детали, И еще я прикажу всем членам экипажа ежедневно тренироваться на центрифуге — по двадцать минут в день при половине g. Это тебя устроит?

— Нет. Там, внизу, на равнине, ноль целых шесть десятых, и я хочу иметь некоторый запас «прочности», Пусть будет три четверти g...

— Ух!..

— ...по десять минут...

— Ладно, я договорюсь...

— ...два раза в день.

— Лаура, ты жестокая, бессердечная женщина. Ну, да будет так. Я оповещу о твоём решении перед обедом. Кое-кому оно, наверное, испортит аппетит.

Никогда раньше капитан Нортон не замечал, чтобы Карлу Мерсеру было не по себе. Вот уже четверть часа Карл обсуждал с капитаном вопросы снабжения, высказывался, как всегда, компетентно, но что-то его явно тревожило. Проницательный капитан догадывался, что именно, но терпеливо ждал, когда помощник решится сказать все сам.

— Шкипер, — произнес Карл наконец, — вы уверены, что должны лично возглавить партию? Если что-нибудь выйдет не так, мной пожертвовать значительно проще. Да к тому же я уже спускался глубже, чем кто-либо другой, пусть на какие-то пятьдесят метров, но глубже.

— Само собой. Однако пробил час, когда командир обязан лично повести свои войска. И ведь мы пришли к выводу, что риска в этом спуске вряд ли больше, чем в предыдущем. При первых признаках опасности я взлечу по этой лестнице обратно со скоростью, достойной кандидата на Лунные Олимпийские... — Он ожидал дальнейших возражений, но их не последовало, хотя вид у Карла был совершенно несчастный. Нортон пожалел его и добавил мягко: — И ручаюсь, Джо на финише обгонит меня...

Великан Мерсер смягчился, и улыбка медленно осветила его лицо.

— Все равно, Билл, я хотел бы, чтобы ты выбрал кого-нибудь другого.

— Мне нужен по крайней мере один человек, который уже был внизу, а мы с тобой вместе идти не можем. Наш профессор, сержант Майрон, тоже не годится: Лаура утверждает, что в нем до сих пор два кило лишнего весу. Ему даже усы сбрили — и то не помогло...

— А кто у тебя намечен третьим номером?

— Сам еще не решил. Это зависит от Лауры.

— Она хочет идти сама.

— А кто не хочет? Вот если в составленном ею списке кандидатов наивысший коэффициент годности окажется у нее самой, тогда придется заподозрить неладное...

Когда капитан-лейтенант Мерсер собрал свои бумаги и выплыл из каюты, Нортон ощутил мимолетный укол зависти. Почти все в команде — восемьдесят пять процентов ее, по самой скромной оценке — нашли на борту корабля выход своим чувствам и привязанностям. Он знал капитанов, которые поступали точно так же, но не считал возможным

подражать им. Хотя дисциплина на «Индеворе» основывалась прежде всего на взаимном уважении умных, высококвалифицированных специалистов — мужчин и женщин, командир занимал особое положение и должен был как-то подчеркнуть это. Ответственность, возложенная на него, была настолько велика, что требовала определенного отчуждения от всех, даже от ближайших друзей. Выдели он кого-нибудь — и моральному состоянию экипажа был бы нанесен серьезный урон: почти наверняка его обвинили бы в пристрастии. По этой-то причине на флоте резко неодобрительно относились к связям между людьми, разделенными более чем двумя ступеньками служебной лестницы; не считая этого неписаного закона, существовало лишь одно правило, регулирующее личную жизнь космонавтов: «Не выясняйте отношений в коридорах — не пугайте шимпанзе».

На борту «Индевоора» находилась четверка супершимпанзе. Строго говоря, подобное наименование было неточным — с научной точки зрения обезьяний экипаж корабля не имел с шимпанзе ничего общего. В условиях невесомости хватательный хвост представлял собой неоценимое преимущество, а все попытки снабдить подобным приспособлением людей не увенчались успехом. Попытки с человекообразными обезьянами оказались столь же неудовлетворительными, и тогда компания, успевшая присвоить себе наименование «Супершимпанзе корпорейшн», обратила свои взоры к их низшим собратьям.

Блэки, Блонди, Голди и Брауни. Их родословная восходила к наиболее смышленным обезьянкам Старого и Нового Света, и к генам многих видов были еще добавлены искусственные, никогда не существовавшие в природе. Вырастить их и обучить стоило, наверное, не меньше, чем подготовить среднего космонавта, но они того заслуживали. Каждая весила менее тридцати килограммов и потребляла кислорода и пищи вдвое меньше человека, но при уборке помещений, приготовлении простых блюд, переноске инструментов и на других элементарных работах заменяла практически трех членов команды.

Эффективность 2,75 — эту цифру вывела сама корпорация на основе бесчисленных хронометрических наблюдений. Цифра ошеломляла, ее нередко оспаривали, но, судя по, всему, она была верна: суперобезьяны с радостью трудились по пятнадцать часов в сутки, не отказываясь от самой грязной, самой нудной работы. А людям оставались дела, воистину достойные человека; на космическом корабле это приобретало жизненно важное значение.

Не в пример обезьянам, своим ближайшим сородичам, «суперы»,

приписанные к «Индевору», были понятливы, послушны и нелюбопытны. Выведенные искусственным путем, они отличались также бесполостью, что само по себе снимало множество проблем. Их воспитали убежденными вегетарианцами, приучили к опрятности, они не издавали никаких запахов; из них получились бы замечательные комнатные зверушки, если бы обзавестись таким любимцем оказалось кому-нибудь по карману.

Но, конечно, присутствие «суперов» на борту вызывало и определенные трудности. Пришлось выделить им отдельное помещение, которое не замедлили окрестить «обезьянником». Маленькая их каюта блистала чистотой; в распоряжение «суперов» предоставили телевизор, игры, программированные обучающие машины. Во избежание инцидентов им было категорически воспрещено переступать порог технических служб корабля; соответствующие двери выкрасили в красный цвет, а у шимпанзе выработали условный рефлекс — преодолеть цветовой барьер стало для них психологически невозможным.

Неизбежно возникала и проблема общения. КИ, коэффициент интеллектуальности, у «суперов» достигал примерно 60, они понимали несколько сотен английских слов, но говорить не могли. Дать обезьянам — как человекообразным, так и низким — действующие голосовые связки оказалось задачей невыполнимой, и они были навеки обречены изъясняться на языке жестов.

Основные жесты легко запоминались, и каждый на борту умел обменяться с «суперами» двумя-тремя простыми фразами. Но в совершенстве владел обезьяньим «языком» лишь один человек — их попечитель, старший стюард Макэндрюс.

Бытовала шутка, что сержант Рэви Макэндрюс и сам стал похож на обезьяну. Вряд ли эта шутка могла восприниматься как оскорбление — «суперы» с их короткой, чуть подцвеченной шерстью и грациозными движениями были просто красивы. Мало того, они были еще и ласковы, и у каждого из членов экипажа была своя любимица; симпатии капитана Нортонна принадлежали Голди.

Однако легкость, с которой супершимпанзе привязывались к человеку, а человек — к шимпанзе, породила еще одну проблему, и ее частенько использовали как серьезный аргумент против посылки «суперов» в космос. Поскольку их предназначали лишь для нудного, неквалифицированного труда, то в обстоятельствах чрезвычайных они только приумножали опасность. Еще ни одного «супера» не удалось научить пользоваться космическим скафандром: необходимые навыки и представления лежали далеко за границами их понимания.

На эту тему не любили говорить, но все прекрасно знали, что надлежит делать, если в корпусе случится пробоина или если придет приказ покинуть корабль. До сих пор такое произошло лишь однажды; попечитель «суперов» исполнил предписания инструкции более чем тщательно. Его нашли возле своих питомцев — он отравился тем же самым ядом. С тех пор задача усыпить шимпанзе в случае крайней необходимости возлагалась на старшего корабельного врача — считалось, что он способен на большую бесстрастность.

Нортон был признателен начальству за то, что хоть эта обязанность не легла на плечи капитана. Он знал немало людей, на которых ему поднять руку было бы куда легче, чем на Голди.

ЛЕСТНИЦА БОГОВ

В прозрачной застывшей атмосфере Рамы луч прожектора был совершенно невидим. Но в трех километрах от центральной оси на ступени исполинской лестницы лег стометровый овал света. Сверкающий оазис среди окрестной тьмы, он медленно перемещался к вогнутой равнине, расстилавшейся еще в пяти километрах ниже, а в центре овала, отбрасывая перед собой длинные тени, двигались три маленькие фигурки.

Как они и ожидали, а вернее, как и надеялись, спуск прошел без каких бы то ни было неожиданностей. На первой площадке они сделали короткую остановку, и Нортон совершил небольшую прогулку по узкому кольцевому уступу, затем по перилам соскользнул на следующий уровень. Здесь они сбросили кислородные приборы и предались непривычной роскоши — дышать без каких бы то ни было механических устройств. Теперь, избавившись от величайшей из опасностей, подстерегающих человека в пространстве, и перестав тревожиться о герметичности костюма и запасах кислорода, они могли продолжать исследования в самых благоприятных условиях.

К тому времени, когда они достигли пятого уровня и впереди оставался последний пролет, притяжение возросло почти до половины земного. Скорость вращения Рамы наконец-то дала о себе знать в полной мере; они вынужденно подчинялись неумолимой силе, которая правит планетами, а подчас взимает беспощадно высокую плату за малейшую ошибку. Спускаться было по-прежнему легко, но в сознание уже закрадывалась мысль о возвращении — тысячи ступеней вверх, а следом — новые тысячи...

Головокружительно крутая лестница давно сменилась пологой и теперь постепенно выравнивалась до горизонтали. Уклон составлял теперь лишь 1:5, а ведь вначале был 5:1. Стало вполне возможно — и физически, и психологически — идти самым нормальным шагом; если бы не пониженная гравитация, они могли бы вообразить, что спускаются по какой-то грандиозной лестнице на Земле. Нортону однажды случилось осматривать развалины ацтекского храма — здесь к нему вернулись те же чувства, что он испытал тогда, но умноженные во сто крат. Благоговение, тайна и печаль, печаль по прошлому, сгинувшему безвозвратно. Однако

здесь масштабы были настолько больше, — и во времени и в пространстве, — что мозг отказывался оценить их по достоинству, а потом и просто перестал воспринимать.

«Интересно, — подумал Нортон, — скоро ли мы начнем считать Раму чем-то само собой разумеющимся?»

Положительно, все земные ассоциации рушились, не успев возникнуть. Рама был в сотни раз старше любого сооружения, уцелевшего на Земле, в сотни раз древнее Великой пирамиды. Но в то же время все, чего касался взгляд, выглядело как с иголки, без малейших признаков старения.

Нортон уже задумался над этим загадочным явлением, пытаясь найти ему объяснение. В конце концов, то, что они видели до сих пор, составляло лишь вспомогательную, аварийную систему, которой фактически почти никогда не пользовались. Мыслимое ли дело, чтобы рамане действительно лазали вверх и вниз по этой невероятной лестнице, а равно по двум другим, сплетающимся в невидимый трилистник где-то высоко-высоко над головой? Разве что они были фанатиками физических упражнений — впрочем, на Земле таких не слишком мало... Но скорее все эти лестницы нужны были лишь в процессе сборки Рамы и с того давнего дня не служили никакой конкретной цели. На мгновение Нортону показалось, что эта теория и вправду все объясняет, но нет, она тоже не годилась. Что-то тут было не так, определенно не так...

Последний километр они преодолели, шагая через ступеньку долгими, мягкими шагами; Нортон решил, что надо дать более существенную нагрузку мускулам, которые им вскоре очень пригодятся. И конец лестницы застал их почти врасплох — просто впереди не осталось ступеней, только плоская равнина, мутно-серая в слабнущем свете осевого прожектора, да и этот свет еще через несколько сотен метров сливался с тьмой...

Нортон бросил взгляд в ту сторону, откуда падал луч, — до его источника на оси отсюда было больше восьми километров. Он понимал, что Мерсер, вероятно, смотрит на них в телескоп, и весело помахал ему рукой.

— Говорит капитан, — произнес он в микрофон. — Все в добром здравии, никаких осложнений. Продвигаемся, как намечали.

— Рад слышать, — откликнулся Мерсер. — Наблюдаем за вами.

Короткая пауза — и в разговор вмешался новый голос.

— Говорит первый помощник. Я на борту корабля. Послушайте, шкипер, так все-таки не пойдет. Вы же знаете, что Служба новостей не дает нам покоя уже целую неделю. Не требую от вас высокого слога, но дайте

хоть какие-нибудь подробности!

— Попытаюсь, — усмехнулся Нортон. — Но учтите, видеть пока, собственно, нечего. Мы словно.., словно на огромной затемненной сцене, где горит один-единственный софит. Со сцены вверх поднимается лестница, поднимается и исчезает во мраке — видна, наверное, сотня ступеней или чуть больше. А равнина вокруг выглядит совершенно ровной, изгиб слишком мал, чтобы заметить его на такой ограниченной площади. Вот, пожалуй, и все...

— И никаких других впечатлений?

— Ну, по-прежнему очень холодно — ниже нуля, хорошо, что костюмы у нас термические. И разумеется, тихо, тише, чем где бы то ни было на Земле или даже в космосе, — ведь на корабле всегда есть хоть какой-то шумовой фон. Здесь поглощаются все и всякие звуки, окружающее нас пространство так велико, что гасит любое зло. — Ощущение странное, но, надеюсь, мы привыкнем...

— Спасибо, шкипер. Кто хочет что-нибудь добавить? Джо, Борис?

Лейтенант Джо Колверт никогда не лез за словом в карман. Он и теперь не растерялся:

— Все время думаю: ведь это впервые — впервые! — человек попал в мир, где можно дышать естественной атмосферой. Хотя, наверное, слово «естественная» не очень-то применимо в подобных обстоятельствах... И тем не менее Рама должен в определенной степени походить на ту планету, откуда прибыли его создатели. Разве наши космические корабли, каждый из них, не повторяет в миниатюре Землю? Два примера — это, конечно, чертовски мало, но как тут не подумать, что, быть может, все разумные существа дышат кислородом... По тому, что мы видим, можно предположить, что рамане были гуманоидами, только раза в полтора выше нас. Ты не согласен со мной, Борис?

«Он что, нарочно дразнит Бориса? — спросил себя Нортон. — Интересно, каков будет ответ?..»

Для своих товарищей по экипажу Борис Родриго оставался непостижимой загадкой. Он был офицером связи, держался всегда спокойно, с достоинством, его любили, но в общих развлечениях он участвовал лишь постольку поскольку и, казалось, был слегка отдален от всех, словно прислушивался к музыке, слышной ему одному.

Так оно, в сущности, и было: Борис ревностно веровал в догмы пятой христианской, иначе «космической», церкви. Нортон, правда, не сумел установить для себя, что случилось с предыдущими четверья; в равной мере пребывал он в неведении и по части требуемых религией ритуалов и

церемоний. Но главный догмат «пятой космической» был известен достаточно широко: ее приверженцы утверждали, что Иисус Христос снизошел на Землю из космоса, и на этой зыбкой почве возвели целое теологическое здание.

Нет ничего удивительного в том, что большинство адептов этого учения стремилось получить работу в космосе. К тому же они неизменно оказывались умелыми и добросовестными работниками, заслуживающими полного доверия. К ним повсеместно относились с уважением и даже с симпатией, особенно если они не пытались обратить в свою веру других. И все-таки не нелепо ли, не дико ли: люди с такой развернутой научной и технической подготовкой — и вдруг всерьез верят, как в истину, во всякую белиберду?

Поджидая, пока лейтенант Родриго найдет ответ на заданный ему, по-видимому не без злого умысла, вопрос, капитан внезапно осознал и мотивы своего собственного выбора. Он предпочел Бориса потому, что тот был физически достоин доверия. И в то же время, если не кривить душой, не руководствовался ли он отчасти обыкновенным и почти озорным любопытством? Как человек с убеждениями Бориса будет реагировать на внушающую благоговейный трепет реальность Рамы? Что, если он натолкнется на нечто, опровергающее все его верования или, напротив, подтверждающее их?

Но Борис Родриго оказался, как всегда, осмотрительным и не пожелал ввязываться в спор.

— Дышали ли они кислородом? Конечно. Были ли гуманоидами? Возможно. Поживем — увидим. Если нам повезет, то вскоре мы установим, как они выглядели. Найдем картины, статуи, быть может, и тела. Вон там, в городах. Впрочем, города ли это?

— До ближайшего всего-то восемь километров, — произнес Джо Колверт веселым тоном.

— «Так-то оно так, — подумал капитан, — но потом и восемь километров обратно. А еще карабкаться по этой чудовищной лестнице вверх. Не слишком ли это рискованно?»

Молниеносная вылазка в сторону «города», названного Парижем, действительно входила в число его ближайших планов, и теперь оставалось лишь окончательно решить: да или нет. Пищи и воды у них хватит на двадцать четыре часа; они будут все время на глазах у команды обеспечения, оставшейся близ оси, да и что, в сущности, может с ними случиться на этой гладкой, чуть изогнутой металлической равнине? Единственная опасность, какую он мог предвидеть, — переутомление:

добраться до Парижа несложно, но многое ли они там успеют, прежде чем изнеможение вынудит их вернуться? Сделать несколько фотоснимков и, если выйдет, подобрать парочку мелких сувениров?

Однако даже самый непродолжительный набег на Париж стоил того, чтобы его совершить: времени было в обрез, Рама мчался к перигелию, туда, куда «Индевор» последовать за ним не сможет.

И к тому же решение зависело отнюдь не только от Нортон. Вдалеке от них, в каюте корабля, доктор Эрнст внимательно следила за данными биотелеметрических систем, датчики которых были закреплены у него на теле. Если она придет к выводу, что хватит, ему останется только подчиниться.

— Лаура, что скажешь?

— Отдохните с полчаса, примите по пятьсот калорий — и можете двигаться дальше.

— Спасибо, док, — вмешался Колверт. — Теперь я могу умереть спокойно. Я всегда мечтал побывать в Париже. Жди нас, Монмартр!

После нескончаемых лестниц странной роскошью казалось просто идти, шагать по горизонтальной поверхности. Прямо перед ними она и в самом деле представлялась совершенно плоской, хотя левее и правее, к границам освещенной площади, становился заметен легкий изгиб. Словно они шли по очень широкой и неглубокой долине; никак не верилось, что в действительности они движутся внутри исполинского цилиндра и что за краем пятнышка света земля взмывает вверх и вверх, пока не смыкается с небом — нет, становится небом.

Невзирая на всю свою самоуверенность и еле сдерживаемое возбуждение, здесь они особенно ощутили нависшую вокруг тишину — она была такой плотной, что, казалось, ее можно было потрогать. Шаги и слова мгновенно растворялись во всепоглощающей пустоте; не прошли они и полукилометра, как лейтенант Колверт понял, что не в силах больше этого вынести.

Среди многочисленных его дарований был талант, встречающийся все реже, — хотя некоторые и полагают, что все же слишком часто, — искусство свиста. По просьбе слушателей, да и по собственному почину он мог воспроизвести мелодии из большинства кинофильмов за последние двести лет. На сей раз он начал с марша из «Белоснежки» Диснея, но обнаружил, что не выдерживает соревнования с веселыми гномами на басах, и быстренько переключился на «Реку Квай». Затем он перебрал более или менее в хронологическом порядке еще с полдюжины боевиков и закончил свои упражнения музыкальной темой из знаменитого фильма «Наполеон», отснятого в конце XX века режиссером Сидом Крассманом.

Свистел он хорошо, только его попытка приободрить себя и других успеха не имела. Рама требовал величия Баха, Бетховена, Сибелиуса или Туана Суна, а не обыденных популярных песенок. Нортон уже готов был попросить Джо побережь дыхание на обратный путь, но молодой офицер и сам осознал тщету собственных усилий. С этой секунды, если не считать эпизодических переговоров с кораблем, они двигались в полном молчании. Рама выиграл первый раунд.

Даже в этой сугубо предварительной экспедиции Нортон позволил себе сделать небольшой крюк. Париж лежал прямо впереди, на полпути

между подножием лестницы и берегом Цилиндрического моря, но в каком-нибудь километре вправо находилось очень приметное и весьма загадочное образование, которое они нарекли Прямой долиной. Длинная борозда или траншея с наклонными стенками — сорок метров в глубину, сто в ширину — издали напоминала ирригационный ров или канал. Как и у лестницы, у траншеи были два двойника, расположенные на равных расстояниях по окружности Рамы.

Каждая из трех долин протянулась почти на десять километров и неподалеку от моря внезапно обрывалась — это было непонятно, если каналы и впрямь предназначались для воды, А на противоположном берегу моря повторялась та же картина: еще три десятикилометровые траншеи пролегли почти до самого Южного полюса.

Четверть часа неторопливой ходьбы — и они, достигнув края Прямой долины, задумчиво устали в ее глубины. Боковые склоны устремлялись вниз под углом шестьдесят градусов, и нигде не видно было ни ступенек, ни какой-либо другой опоры для ног. Дно долины представляло собой зеркальный лист какого-то белого вещества, весьма похожего на лед. Нортон решил добыть образец этого вещества, что сразу бы положило конец многим спорам.

Колверт и Родриго играли роль якорей: они помалу вытравливали канат, а Нортон медленно переступал вниз по крутому склону. Капитан приготовился, коснувшись дна, ощутить подошвами привычную скользкость льда, но ничего подобного. Трение было много выше, опасность поскользнуться здесь не угрожала. Вещество дна — не то стекло, не то какой-то полупрозрачный кристалл, — когда он дотронулся до него пальцами, оказалось холодным, твердым и неподатливым.

Повернувшись спиной к прожектору и защитив глаза ладонями, Нортон попытался всмотреться в кристаллические бездны под ногами — ведь удастся же иногда увидеть что-то сквозь лед замерзшего озера. Но на этот раз ничего не вышло; не помог и узкий луч шлемового фонаря. Вещество просвечивало, но все-таки было непрозрачным. Если это какая-то застывшая жидкость, то тает она при температуре много более высокой, чем вода.

Он легонько постучал по дну геологическим молотком — молоток отскочил с глухим немзыкальным звуком. Стукнув пореже, — вновь безрезультатно, — Нортон уже собирался ударить в полную силу, но, повинувшись неожиданному импульсу, отвел руку.

Крайне маловероятно, что ему удастся расколоть это вещество; ну, а если все-таки удастся? Не будет ли это поступком дикаря, разбившего

вдребезги исполинскую зеркальную витрину? Случай добыть образцы еще представится, а сейчас он по крайней мере получил ценную информацию. По всей видимости, это не канал, а просто диковинная траншея без начала и конца. Если здесь когда-либо текла жидкость, то где пятна, где натеки от засохших брызг? Все чистенькое, новенькое, словно строители ушли отсюда только вчера...

И вновь он оказался лицом к лицу с главной тайной Рамы и не вправе был больше уклоняться от нее. Нортон не мог пожаловаться на отсутствие воображения, но он никогда не стал бы капитаном, если бы позволял себе необузданные взлеты фантазии. Тем не менее сейчас, впервые в жизни, он поддался какому-то странному предчувствию. Все вокруг оказалось вовсе не тем, чем представлялось поначалу; странное, очень странное это место, где вещи, насчитывающие миллионы лет, выглядят как с иголки...

Погруженный в размышления, он медленно шел по дну долины. Товарищи, не выпуская из рук веревки, привязанной к его поясу, двигались следом по краю обрыва. Нортон не ждал от своей прогулки новых открытий, просто ему нужно было время, чтобы определиться. Дело было не только в необъяснимой новизне Рамы: его тревожило что-то совсем, совсем другое...

Он не прошел и десятка метров, как вдруг замер, точно пораженный громом.

Он узнал это место. Он уже был здесь! Даже на Земле или на другой знакомой планете подобное ощущение не из приятных, хотя и не такое уж редкое. Большинство людей время от времени испытывали это чувство, испытывали и отгоняли: виновата, мол, какая-нибудь позабытая фотография или просто совпадение; меньшинство, склонное к мистике, искало объяснения в телепатии или даже истолковывало такие мгновения как озарение.

Но узнать место, какого не видела и не могла видеть ни одна человеческая душа, — это было уж слишком! Секунд десять капитан Нортон стоял как пригвожденный к гладкой кристаллической поверхности дна, стараясь собраться с мыслями. Казалось, все его доселе упорядоченные воззрения полетели вверх тормашками, будто он бросил взгляд в головокружительную пропасть на границе познания, которую благополучно игнорировал большую часть своей жизни.

Затем, к огромному его облегчению, на помощь пришел здравый смысл. Тревожное чувство, что это он уже видел, улетучилось, уступив место подлинному и достаточно четкому воспоминанию юности.

Совершенно верно — однажды он уже стоял между такими же

крутопадающими склонами, глядя, как они сливаются в бесконечной дали. Но те склоны покрывала аккуратная стриженная травка, а под ногами был не гладкий кристалл, а щебень. Это случилось в Англии, на летних каникулах, тридцать лет назад. Главным образом под влиянием своей приятельницы-студентки (он ясно помнил ее лицо, но начисто забыл имя) Нортон записался на занятия по индустриальной археологии, очень популярной в те времена среди начинающих ученых и инженеров. Они обследовали заброшенные угольные шахты и ткацкие фабрики, карабкались по остовам разрушенных домен и паровых машин, таращили глаза на примитивные (и все еще опасные) ядерные реакторы, водили нелепые рыдваны с турбинными двигателями по реставрированным автострадам.

Отнюдь не все, что им показывали, было подлинниками; многое затерялось в веках — ведь человек почти не заботится о сохранности предметов своего повседневного быта. Но когда возникла нужда воссоздать что-то в копии, это делалось с неизменной любовью и тщательностью.

И однажды юный Билл Нортон оказался на паровозе, который выглядел двухсотлетним патриархом, а на деле был моложе Билла; он яростно швырял в топку драгоценный уголь, а паровоз катился вперед с развеселой скоростью сто километров в час. Впрочем, тридцатикилометровый отрезок Великой Западной железной дороги, по которому они ехали, был самым настоящим, хотя его и пришлось, прежде чем вернуть к жизни, в буквальном смысле слова выкопать из-под земли.

С пронзительным свистом паровоз нырнул прямо в середину холма и понесся сквозь дымную, озаренную искрами тьму. Прошли удивительно долгие минуты, и наконец они вырвались из тоннеля в глубокую и совершенно прямую выемку с крутыми, заросшими травой откосами. Эта давно забытая перспектива и была почти идентична той, которая открывалась перед ним здесь.

— Что стряслось, шкипер? — окликнул его лейтенант Родриго. — Нашли что-нибудь интересное?

Нортон усилием воли вернул себя к реальности. Да, вокруг была, несомненно, тайна, но человек должен и способен ее понять. Он получил урок, пусть и не такой, каким хочется тут же поделиться с другими. Чего бы это ни стоило, нельзя позволить Раме ошеломить себя. Случись такое — и неизбежен провал, а может статься, и безумие.

— Да нет, — ответил он, — ничего особенного. Тащите меня наверх, мы направляемся прямо в Париж.

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

— Я пригласил вас на данное заседание, — заявил председатель, — в связи с тем, что доктор Перера хочет сообщить нам нечто чрезвычайно важное. Он настаивает, чтобы мы немедленно связались с капитаном Нортонем, используя то самое внеочередное право, которого, смею заметить, нам удалось добиться с таким трудом. Однако заявление доктора Переры носит довольно специфический характер, и, прежде чем мы предоставим ему слово, я предлагаю заслушать отчет о проделанной работе, который подготовила доктор Прайс. Да, вот еще что — отсутствующие просили передать свои извинения. Сэр Льюис Сэндс не может быть с нами, так как в настоящий момент председательствует на научной конференции, и доктор Тейлор также просил извинить его...

Это последнее обстоятельство, признаться, радовало Боуза. Антрополог потерял к Рапе всякий интерес, едва стало ясно, что лично ему широкого поля деятельности не представится. Как и многие другие, он испытал горькое разочарование, узнав, что движущийся мирок мертв; теперь, конечно, нечего и ждать ни материала для сенсационных книг, ни видеопередач, посвященных ритуалам и обычаям раман. Пусть кто хочет выкапывает скелеты и классифицирует находки — такого рода вещи Конрада Тейлора не привлекали. Единственное, что еще, пожалуй, могло бы заставить его вернуться в комитет, — это какие-нибудь оставленные раманами выдающиеся произведения искусства, подобные, например, знаменитым фрескам Теры и Помпеи.

Тельма Прайс, археолог, придерживалась диаметрально противоположной точки зрения. Она предпочитала раскопки и руины, свободные от обитателей, которые только создают суматоху, несовместимую с бесстрастными научными исследованиями. Дно Средиземного моря в этом смысле было идеальной зоной — по крайней мере до тех пор, пока под ногами не стали путаться проектировщики городов и художники по ландшафту. Рама был бы еще ближе к идеалу, если бы не доводящая до бешенства мысль, что он находится за сто миллионов километров и она никогда не сможет навеститься туда собственной персоной.

— Как вы уже знаете, — начала она, — капитан Нортон совершил

пока одну экспедицию протяженностью почти тридцать километров, не встретив никаких серьезных трудностей, Он обследовал своеобразную траншею, обозначенную на ваших картах как Прямая долина; назначение ее по-прежнему неясно, хотя очевидно, что она играет важную роль, ибо, как и две аналогичные долины, тянется во всю длину Рамы и прерывается лишь в районе Цилиндрического моря.

Затем экспедиция повернула влево — или на восток, если ориентироваться по Северному полюсу, — и достигла Парижа. Как видно на этой фотографии, снятой телескопической камерой от оси, Париж представляет собой несколько сотен строений, разделенных широкими улицами.

А вот эти фотографии сделаны группой капитана Нортон непосредственно на месте. Если Париж действительно город, то город очень странный. Обратите внимание — ни в одном из строений нет ни окон, ни дверей! Это гладкостенные прямоугольные сооружения одинаковой тридцатипятиметровой высоты. И кажется, что они так и отштампованы вместе с корпусом — ни швов, ни стыков, — взгляните, что стены плавно смыкаются с основанием.

Мое личное мнение таково, что это вовсе не жилые помещения, а какие-то склады или гаражи. В поддержку моей гипотезы говорит, к примеру, вот эта фотография... Такие прорезы или желобки, сантиметров по пять шириной, бегут буквально по всем улицам, более того, подходят к каждому строению и упираются в глухую стену. Они поразительно напоминают трамвайные пути начала XX века и, очевидно, являются частью какой-то транспортной системы.

Мы никогда не задавались целью подводить общественный транспорт к каждому отдельному дому. Это же экономически нелепо — куда проще, чтобы человек прогулялся полквартала. Но если в этих строениях размещены склады каких-нибудь тяжелых материалов, тогда такая мера приобретает смысл...

— Могу я задать вопрос? — осведомился представитель Земли.

— Разумеется, сэр Роберт.

— Неужели капитан Нортон не сумел проникнуть ни в одно из этих строений?

— Нет, не сумел. Прослушав его доклад, вы поймете, что он и сам был очень расстроен. Сначала он решил, что проникнуть внутрь можно только из-под пола, потом обнаружил желобки транспортной системы и изменил свое мнение...

— Но он хоть пытался?

— А что он мог, сделать без взрывчатки или специальных инструментов? Естественно, что он и не хотел прибегать к подобным средствам, не испытал все другие возможности.

— Понятно! — воскликнул вдруг Деннис Соломоне, — Техника кокона!

— Извините, не поняла...

— Техника кокона — методика, разработанная лет двести назад, — продолжал историк. — Ее не без иронии называли «защитой от моли». Для предохранения от порчи предмет покрывают пластмассовой оболочкой, которую заполняют инертным газом. Первоначально так хранили военное снаряжение между войнами — представьте себе, укутывали целые корабли. Да и сейчас к этой методике прибегают в музеях, испытывающих нехватку складских помещений. Ни одна живая душа не знает, что именно содержат в себе иные коконы вековой давности в подвалах Смитсоновского института...

Долготерпение не принадлежало к числу добродетелей Карлайла Переры; он жаждал швырнуть заготовленную им бомбу и более сдерживаться не мог.

— Господин председатель, разрешите мне!.. Все это очень интересно, но мне кажется, что информация, которой располагаю я, носит более срочный характер.

— Если у присутствующих нет возражений... Прошу вас, доктор Перера.

Не в пример Конраду Тейлору экзобиолог отнюдь не считал, что Рама обманул его ожидания, правда, он уже не надеялся встретить там жизнь, но был совершенно уверен, что рано или поздно удастся найти останки существ, построивших этот фантастический мир. Ведь исследования едва начались... Правда, времени на них осталось ужасающе мало — считанные дни, и «Индевору» придется спасаться бегством, чтобы невзначай не коснуться Солнца...

Хуже того: если верны его вчерашние вычисления, контакт человека с Рамой окажется еще кратковременное, чем предполагалось. Потому что абсолютно все проглядели одну деталь...

— Согласно последним данным, — начал он, — одна группа сейчас движется к Цилиндрическому морю, а другая во главе с капитаном Нортонем разбивает опорную базу у подножия лестницы Альфа. Затем капитан намерен снаряжать по два отряда одновременно. Людей у него немного, и он надеется, что таким образом их удастся использовать с максимальной эффективностью.

План неплох, если только у Нортонa останется время на его выполнение. Я посоветовал бы капитану немедленно объявить тревогу и приготовиться к полной эвакуации через двенадцать часов. Нет, нет, позвольте, я объясню...

Удивительно, что никто пока не обратил внимания на бросающуюся в глаза аномалию. Рама давно уже пересек орбиту Венеры, а внутри его до сих пор мороз. Но ведь внешняя температура объекта, освещенного прямыми лучами Солнца, на таком расстоянии достигает пятисот по Цельсию!

Дело в том, разумеется, что Рама просто еще не успел разогреться. В межзвездном пространстве он должен был остыть почти до абсолютного нуля — до минус двухсот семидесяти. Сейчас по мере приближения к Солнцу внешние слои корпуса раскалились почти до точки плавления свинца. А внутри еще держится холод — нужно время, чтобы тепло проникло сквозь километровую толщину металла.

Есть такое изысканное десертное блюдо, горячее снаружи, но с мороженым в середине — не помню, как оно называется...

— «Запеченная Аляска». Его, к сожалению, частенько подают у нас на межпланетных банкетах...

— Благодарю вас, сэр Роберт. Именно такова в настоящий момент и ситуация на Раме. Но продлится она недолго. Многие недели солнечное тепло прокладывало себе дорогу внутрь цилиндра, и буквально в ближайшие часы можно ожидать резкого подъема температуры. Однако проблема не в этом — к тому времени, когда нам так или иначе придется покинуть Раму, климат там будет не жарче умеренно тропического...

— Тогда в чем же дело?

— Могу ответить в двух словах, господин председатель. Поднимутся ураганы.

Число мужчин и женщин внутри Рамы уже перевалило за двадцать — шестеро трудились внизу, на равнине, остальные переносили оборудование и инструменты сквозь систему воздушных шлюзов и спускали их вниз по лестнице. Корабль был почти покинут, не считая минимального штата дежурных; кто-то пошутил, что «Индевором» теперь заправляет четверка обезьян, а Голди исполняет обязанности капитана.

Для первых исследовательских групп Нортон ввел несколько непреложных правил. Основное из них впервые было установлено еще на заре космических вылазок человечества: в каждую группу должен входить один из участников предшествовавших экспедиций. Но не более, чем один, — чтобы каждый из членов экипажа освоился с пребыванием внутри Рамы в короткий срок.

Вот почему в группу, которая направилась к Цилиндрическому морю и которую возглавила Лаура Эрнст, включили и «ветерана» Бориса Родриго, только что вернувшегося из Парижа. Третьим был сержант Питер Руссо, специалист по инструментам космической разведки; на этот раз он мог полагаться лишь на собственные глаза да на маленький переносный телескоп.

Переход от подножия лестницы Альфа до берега моря — чуть меньше пятнадцати километров — в условиях низкого притяжения Рамы соответствовал восьми земным километрам. Лаура Эрнст, желая доказать, что уж она-то никогда не нарушала собственных предписаний, предложила быстрый шаг. На середине пути они сделали тридцатиминутную остановку и в результате уложились в три часа — без каких бы то ни было происшествий.

Движение было донельзя монотонным — шаг за шагом сквозь заглушающую все звуки тьму. Лужица света от прожектора, перемещаясь вместе с ними, постепенно вытягивалась в длинный узкий овал; только это и доказывало, что они не топчутся на месте. Если бы группа наблюдения не вела регулярных измерений, сами путники не сумели бы определить, сколько ими пройдено — один километр, пять или десять. Они шли и шли в непроглядной ночи по однообразной, лишенной даже швов металлической равнине.

Но наконец далеко впереди, там, куда еле проникал слабнувший луч, забрезжило что-то новое. В нормальном мире это напоминало бы горизонт; присмотревшись, они увидели, что равнину пересекает резко очерченный обрыв, Они приближались к берегу моря.

— Осталось сто метров, — сообщила группа наблюдения. — Рекомендуем снизить темп.

В сущности, рекомендация была излишней; они сами уже замедлили шаг. Гладкий отвесный утес пятидесятиметровой высоты отделял уровень равнины от уровня моря — если это действительно было море, а не очередной лист загадочного кристаллического вещества. Впрочем, несмотря на предостережения Нортонa, — тот внушал всем и каждому, что на Раме доверяться первому впечатлению неразумно и опасно, — почти никто не сомневался, что море покрыто настоящим льдом. Но почему, по какой причине южный берег моря в десять раз выше северного, почему там утес вздымается на полукилометровую высоту?..

Они словно подкрадывались к краю света: переднюю часть светового овала срезало точно ножом, и остаток пятна с каждым шагом становится все короче и короче. Зато далеко внизу на вогнутом экране моря появились исполинские вытянутые тени, подчеркивающие и утрирующие каждое движение. Тени, неизменные спутники людей с той самой секунды, когда они начали шагать вдоль луча, теперь, перерезанные краем утеса, как бы обрели независимость. Казалось, что это обитатели Цилиндрического моря подстерегают пришельцев, вторгшихся в их владения.

Именно здесь, на краю пятидесятиметрового обрыва, людям впервые представилась возможность по достоинству оценить кривизну внутренней поверхности Рамы. Но ведь никому никогда не доводилось видеть изогнутую ледовую гладь. Даже Лауре Эрнст, которая в свое время специально изучала обманы зрения, то и дело чудилось, что она смотрит на бухту, врезанную в горизонтальную сушу, а вовсе не на море, взмывающее в небеса. Требовалось сознательное усилие воли, чтобы смириться с невероятным.

Лишь в одном направлении — строго вперед по линии, параллельной оси Рамы, — обычные представления о природе вещей оставались ненарушенными. Лишь на этой линии зрение и логика были согласны между собой. Здесь — по крайней мере в пределах нескольких километров — поверхность выглядела, да и в самом деле была плоской. Но где-то чуть дальше, там, куда не достигали их тени, куда не проникал луч прожектора, лежал остров, господствующий над Цилиндрическим морем...

— Группа наблюдения, — обратилась по радио доктор Эрнст, —

будьте добры перебросить луч на Нью-Йорк.

Как только овал света скользнул от них прочь, в море, на плечи тяжело навалилась раманская ночь. Вспомнив, что у самых ног затаился невидимый теперь обрыв, люди, не сговариваясь отступили на два — три метра. И тут, словно по мановению волшебной палочки, из темноты выплыли башни Нью-Йорка.

Сходство со стародавним Манхэттеном было, разумеется, чисто внешним — рожденное звездами того земного прошлого, оно обладало своей ярко выраженной индивидуальностью. И чем дольше Лаура Эрнст разглядывала раманский Нью-Йорк, тем больше она убеждалась, что это вообще не город.

Настоящий Нью-Йорк, как и все другие города человека, никогда не был завершен и тем более не возводился по единому плану. А здесь царили строгая симметрия и шаблон, правда, настолько сложный, что рассудок не сразу принимал его. Все, что тут было, задумали и спроектировали разумные существа — задумали в целом, а потом и построили, как строят машину, предназначенную для какой-то определенной цели. И после этого она, машина, измениться уже не может.

Луч прожектора неспешно блуждал среди отдаленных башен и куполов, сомкнутых полусфер и перекрещенных трубопроводов. Временами свет, упав на какую-нибудь плоскость, отражался яркой вспышкой. Первая вспышка едва не лишила людей дара речи — будто кто-то подал им с этого загадочного острова ответный сигнал...

И тем не менее они не могли разглядеть там ничего нового, чего не знали бы, — и более детально — по снимкам, сделанным ранее. Спустя пять минут, они попросили вернуть луч прожектора и двинулись по краю обрыва на восток. Казалось вполне вероятным встретить где-нибудь неподалеку лестничный марш или наклонный спуск, ведущий вниз, к морю. Одна из женщин, по натуре заядлая морячка, высказала небезынтересную догадку.

— Там, где есть море, — утверждала сержант Руби Барнс, — обязательно должны быть доки, гавани и, конечно, корабли. Каждая цивилизация строит корабли по-своему, и по тому, как это делается, можно узнать о ней практически все...

По мнению коллег Руби, ее точка зрения страдала некоторой узостью, но все же обнадеживала. Лаура Эрнст уже почти отчаялась найти спуск и решила прибегнуть к канату, когда лейтенант Родриго заметил неширокую лесенку. Она пряталась в тени за краем обрыва, так что мимо нее немудрено было и пройти; хозяева не позаботились ни о поручнях, ни даже

о какой-нибудь вышке. К тому же лесенка никуда не вела, а просто сбегала по вертикальной стене и исчезала под поверхностью моря.

Внимательно осмотрев лесенку с помощью шлемовых фонарей и не обнаружив ничего опасного, Лаура с разрешения капитана Нортон спустилась вниз. Минутой позже она осторожно коснулась моря ногой.

Подошва легко скользнула по поверхности — трения почти не ощущалось, все говорило о том, что под ногами лед. Это и на самом деле был лед. Едва она стукнула по нему молотком, от удара разбежалась характерная сетка трещин, и Лаура без труда набрала множество осколков. Как только она поднесла пробирку к свету, мелкие осколки растаяли; в пробирке плескалась теперь мутноватая водичка, и Лаура дерзнула понюхать ее.

— А это не опасно? — с беспокойством в голосе осведомился оставшийся наверху Родриго.

— Поверьте, Борис, — ответила она, — если бы здесь существовали болезнетворные факторы, ускользнувшие от наших детекторов, то вся система профилактических мер потерпела бы крах еще неделю назад...

Однако в беспокойстве Бориса был свой резон. Несмотря на проведенные опыты, оставался некоторый, пусть и весьма незначительный, риск, что именно эта жидкость ядовита или способна вызвать какую-нибудь неведомую болезнь. При обычных обстоятельствах доктор Эрнст не стала бы пренебрегать даже столь мизерной вероятностью. Но времени было в обрез. И если бы даже потом пришлось посадить на карантин весь экипаж «Индевора», то и такая цена не была бы чрезмерной.

— Это вода, но пить ее не советую — пахнет гнилыми водорослями. Поскорей бы доставить ее в лабораторию...

— А как лед, выдержит нас?

— Да, крепок, как скала.

— Значит, мы можем перебраться в Нью-Йорк?

— Это вы серьезно, Питер? А вы когда-нибудь пробовали пройти четыре километра по льду?

— Понимаю, к чему вы клоните. Но только представьте себе физиономии наших интендантов, попроси мы у них три пары коньков! Да если бы коньки и нашлись, немногие на борту сумели бы ими воспользоваться.

— Есть еще и другая проблема, — включился в разговор Борис Родриго. — Вы заметили, что температура поднялась уже выше нуля? Недалек час, когда лед начнет таять. Кто из космонавтов способен преодолеть четыре километра вплавь? Во всяком случае, не я.

Доктор Эрнст взобралась к ним на край обрыва и триумфальным жестом подняла вверх маленькую пробирку.

— Дальняя получилась прогулка ради нескольких кубиков грязной воды, но эта водица, надо думать, расскажет нам о Рае больше, чем все, что мы видели до сих пор. Давайте возвращаться домой.

Они повернули в сторону ослабленных расстоянием огней лагеря Альфа. Передвигаясь мягкими шагами-прыжками — такой вид ходьбы оказался здесь самым целесообразным, — они то и дело оглядывались назад, не в силах отрешиться от загадки величественного острова.

На полпути Лауре Эрнст померещилось, что она ощутила дуновение слабого ветерка.

Однако ветерок не повторился, и она тут же забыла о нем.

— Вы же прекрасно знаете, доктор Перера, — произнес с показным смирением председатель, — что мы, увы, не можем тягаться с вами в познаниях в области математической метеорологии. Сделайте милость, снизойдите к нашему невежеству...

— С удовольствием, — отозвался экзобиолог, нимало не смутившись. — Лучше всего я просто расскажу вам, что произойдет внутри Рамы в самое ближайшее время.

Солнечное тепло уже проникло внутрь цилиндра, и температура воздуха там постепенно поднимается. Согласно последним полученным мною сведениям, она уже сейчас выше точки замерзания. Цилиндрическое море вскоре начнет таять, только, не в пример водным ассам на Земле, таяние будет происходить от дна к поверхности. Это, вероятно, вызовет ряд своеобразных явлений, но меня заботит главным образом состояние атмосферы.

Нагреваясь, воздух внутри Рамы будет расширяться — и соответственно подниматься от внутренней поверхности цилиндра к центральной оси. На уровне поверхности он, хотя и кажется неподвижным, в действительности движется со скоростью вращения Рамы, то есть со скоростью более восьмисот километров в час. Поднимаясь к оси, воздух будет стремиться сохранить эту скорость, что, разумеется, невозможно. В результате возникнут сильные ветры и завихрения — полагаю, что скорости воздушных потоков достигнут двухсот-трехсот километров в час.

Между прочим, нечто подобное происходит и на Земле. Нагретый воздух экватора движется со скоростью вращения Земли — тысяча шестьсот километров в час. И как только он поднимается и перемещается на север или на юг, возникает тот же эффект...

— А, пассаты! Как же, помню еще из школьной географии...

— Совершенно верно, сэр Роберт. На Раме будут свои пассаты, и притом сильнейшие. Думаю, что они продлятся лишь несколько часов, а затем восстановится какое-то равновесие. Но на это время я настоятельно рекомендую капитану Нортону эвакуировать людей, и сделать это следует как можно скорее. Вот текст радиограммы, которую я предлагаю послать.

«Капли воображения достаточно, — подумал Нортон, — чтобы представить, что мы просто разбили бивуак у подножия гор где-то в середине Азии или Америке...» Куча спальных мешков, складные столы и стулья, переносная электростанция, осветительные кабели, электрические туалеты, разнообразная научная аппаратура — все это выглядело бы уместным и на Земле, тем более что вокруг суетились мужчины и женщины без кислородных приборов и масок на лицах.

Создать лагерь Альфа было делом отнюдь не простым: снаряжение пришлось тащить вручную сквозь цепь воздушных шлюзов, спускаться на санях по склону, а затем подбирать и распаковывать внизу. Тормозные парашюты подчас отказывали, и груз выкатывался на добрый километр в глубь равнины. Несмотря на это, кое-кто из команды обращался к капитану за разрешением прокатиться вместе с грузом; Нортон решительно им отказывал. Впрочем, в случае острой нужды запрет можно было бы и снять.

Практически почти все снаряжение так и обречено остаться здесь навсегда: вернуть его на корабль — задача невыполнимая, об этом не приходилось и мечтать. Временами капитан Нортон вопреки всякой логике стыдился, что вынужден захламить этот необъяснимо чистый мир земным барахлом. Он даже решил, что, прежде чем окончательно покинуть Раму, пожертвует драгоценным часом, а то и двумя на то, чтобы привести лагерь в полный порядок. А вдруг — невероятная мысль, — вдруг, спустя миллионы лет, где-нибудь в иной звездной системе на Раме вновь объявятся нежданные гости? Он хотел, чтобы у них создалось хорошее впечатление о Земле.

Правда, сначала ему предстояло решить другую, гораздо более срочную проблему. За последние двадцать четыре часа он получил почти одинаковые послания с Марса и с Земли. Странное совпадение, а может, и не совпадение, может, они все-таки общались друг с другом, может, нынешняя ситуация послужила им поводом для контактов? Обе жены ни с того, ни с сего многозначительно напоминали ему, что и герой дня не должен забывать о своих семейных обязательствах...

Взяв складной стул, капитан перешел из освещенного пространства в окружающую лагерь тьму. Только так и можно было добиться хотя бы видимости уединения. Повернувшись спиной к суetyащимся в свете прожектора людям. Нортон стал говорить в висящий на шее диктофон:

— Оригинал в личное дело, копии на Марс и на Землю. Привет, дорогая! Знаю, сам знаю, что корреспондент из меня никудышный, но на борту корабля я не был уже целую неделю. Да там, кроме дежурных,

никого теперь и нет, мы разбили лагерь внутри Рамы, у подножия лестницы, которая получила название Альфа.

На равнине сейчас работают три разведывательные группы, но продвигаемся мы вперед чудовищно медленно, поскольку рассчитывать можем лишь на собственные ноги. Если бы у нас был хоть какой-нибудь транспорт! Хотя бы парочка электрических велосипедов!..

Ты ведь встречалась с моим старшим корабельным врачом Лаурой Эрнст...

Он запнулся в нерешительности. Лаура действительно встречалась с одной из его жен, но с которой? Наверное, лучше не рисковать... Он стер незаконченную фразу и начал снова:

— Мой старший корабельный врач, доктор Эрнст, возглавила первую экспедицию к Цилиндрическому морю, в пятнадцати километрах отсюда. Как мы и думали, море заполнено замерзшей водой, однако пить такую воду не стоило бы. Доктор Эрнст говорит, что это жидкий органический суп со следами самых разных углеродных соединений, содержащий также фосфаты, нитраты и десятки металлических солей. И никаких намеков на жизнь, ни единого, пусть даже мертвого, микроба. Так что о биохимии раман мы по-прежнему ничего не знаем, хотя, вероятно, она не так уж безнадежно далека от нашей...

Что-то легко шевельнуло волосы — он был слишком занят, чтобы вовремя подстричься, и теперь придется как-то избавляться от них, иначе скоро и шлем не наденешь...

— Ты, конечно, смотрела видеопередачи из Парижа и других городов, которые мы обследовали по эту сторону моря, — из Лондона, Рима, Москвы. Невозможно и предположить, что их строили для жилья. Париж похож на гигантский склад. Лондон — это набор цилиндрических баков, связанных между собою трубопроводами, и еще какое-то подобие насосной станции. Все закрыто наглухо, и нет никакого способа установить без помощи взрывчатки или лазера, что находится внутри.

Что касается Рима и Москвы...

— Извините, шкипер. «Молния» с Земли...

«Это еще что? — спросил себя Нортон. — Неужели человек не вправе хотя бы минуту спокойно побеседовать со своими семьями?..»

Он принял радиограмму от сержанта и пробежал ее глазами в надежде убедиться, что в ней нет ничего неотложного. Затем прочитал ее вновь, уже внимательнее.

Это еще что за новость — Комитет по проблемам Рамы? И почему он никогда о таком не слышал? Кто только ни старался войти с ним в контакт

— ассоциации и общества всех мастей, от самых респектабельных до совершенно психопатических; центр управления всеми силами оберегал его от них и ни за что не переслал бы ему этой радиограммы, если бы не счел ее важной.

«Ветры — двести километров в час, возможен внезапный шквал», — да, тут было над чем задуматься. Но можно ли принять подобное предостережение всерьез, когда вокруг идеально тихая ночь? И не смешно ли удирать, когда они только-только начали серьезные исследования?..

Капитан Нортон поднял руку, хотел было отвести волосы, почему-то вновь упавшие на глаза, и замер. Ветерок-то здесь, кажется, есть, и он ощущает это уже не первый раз. Но ветерок настолько слабый, что капитан сразу не удостоил его вниманием: в конце концов, он, Нортон, привык управлять космическим кораблем, а не парусником. До сих пор дуновения воздуха ни в малейшей степени не задевали его профессиональных интересов. Но любопытно, что предпринял бы в таких обстоятельствах капитан того, первого, «Индевора»?

Вот уже на протяжении четырех-пяти лет Нортон в критические минуты задавал себе этот вопрос. Он никому не раскрывал своей тайны. А возникла она, как возникает все самое важное в жизни, — по воле случая.

Он уже несколько месяцев носил капитанское звание, когда узнал, что его «Индевор» — тезка одного из самых прославленных в истории кораблей. Правда, в течение последующих четырех веков еще с десятков «Индеворов» выходило в море, а два «Индевора» — в космос, но прародителем их всех являлся тот трехсотсемидесятитонный барк, на котором капитан королевского флота Джеймс Кук совершил кругосветное плавание в 1768—1771 годах.

Умеренный интерес к предшественнику быстро перерос во всепоглощающую страсть, почти одержимость; Нортон перечитал все, что хоть как-то касалось капитана Кука. Сейчас он был, пожалуй, крупнейшим в мире знатоком жизни и деятельности этого великого исследователя и помнил целые страницы путевых дневников капитана наизусть.

И тем не менее даже Нортону казалось подчас невероятным, как один человек, да еще с таким примитивным снаряжением, мог столько совершить. Джеймс Кук был не только превосходным мореходом, но и пытливым ученым и — в свой жестокий век — убежденным гуманистом. Со своей командой он обращался с необычной тогда добротой и — что было уже и вовсе неслыханно — так же обходился на новооткрытых землях и с туземцами.

Заветной, но, он сам понимал, неосуществимой мечтой Нортона было

повторить хотя бы один из кругосветных маршрутов капитана Кука. Пока ему удалось лишь пролететь по полярной орбите прямо над Большим Барьерным рифом (надо думать, подобный способ передвижения поверг бы в изумление легендарного капитана). Случилось это в погожий день на заре, и с высоты четырехсот километров ему открылся впечатляющий вид на грозную коралловую стену, отмеченную полоской белой пены вдоль всего побережья Квинсленда.

На то, чтобы оставить позади риф протяженностью две тысячи километров, Нортону не потребовалось и пяти минут. Одним взглядом он мог окинуть недели исполненного опасностей пути того, стародавнего, «Индевора». А в телескоп он разглядел даже крохотное пятнышко Куктауна и устье реки, где вытасченный на берег барк чинили после встречи с рифом, едва не оказавшейся роковой.

Годом позже Нортон побывал на космической станции дальнего слежения, расположенной на Гавайях, и не упустил случая посетить другое незабываемое место. Катер на подводных крыльях переправил его в бухту Кеалакекуа; шагая там среди черных вулканических скал, он почувствовал вдруг такое волнение, что сам был озадачен и даже смущен. Гид повел группу ученых, инженеров и космонавтов мимо сверкающего металломobelиска, который заменил более ранний памятник, разрушенный Великим цунами 2068 года. Они прошли еще с десятков шагов по черной скользкой лаве и замерли подле небольшой дощечки у самой воды. Дощечку захлестывали соленые брызги, но Нортон уже не замечал их; наклонившись, он вчитывался в слова:

НЕПОДАЛЕКУ ОТСЮДА

14 ФЕВРАЛЯ 1779 ГОДА

БЫЛ УБИТ КАПИТАН

ДЖЕЙМС КУК

Мемориальная доска установлена

28 августа 1928 года

комиссией по проведению 150-летия

со дня гибели капитана Кука

Восстановлена в связи с 300-летием

со дня гибели капитана Кука

14 февраля 2079 года

Это было много лет назад и за сто миллионов километров отсюда. Но в тяжелые минуты Нортону неизменно казалось, что Кук незримо присутствует рядом. Втайне от всех, глубоко про себя он спрашивал: «Ну, капитан, что посоветуешь?..» Он играл в эту игру в случаях, когда не

хватало фактов для трезвого суждения, когда оставалось лишь полагаться на интуицию. Ведь интуиция составляла неотъемлемую часть гения капитана Кука; тот никогда не ошибался в своем выборе — вплоть до трагического конца в бухте Кеалакекуа.

Сержант терпеливо ждал, пока командир насмотрится на раманскую ночь. Ночь уже не была непроглядной: километрах в четырех от лагеря ясно светились два бледных пятнышка — там работали разведывательные партии.

«Если понадобится, я смогу отозвать их в течение часа, — утешил себя Нортон. — А уж час-то у меня останется наверняка».

— Запишите ответ, — повернулся он к сержанту. — Адрес: Планетком, для Комитета по проблемам Рамы. Благодарю за совет, приму меры предосторожности. Прошу уточнить, что значит «внезапный шквал». С уважением — Нортон, капитан «Индевора».

Он помедлил, дав сержанту скрыться в слепящем свете лагеря, и опять включил диктофон. Но нарушенный ход мыслей не восстанавливался. С письмом придется повременить...

В этом случае аналогии с Куком ему явно не помогали. Нортон помнил, какими редкими и кратковременными были встречи Элизабет Кук с мужем. За шестнадцать лет брака они виделись считанные разы — и тем не менее она родила ему шестерых детей, а потом пережила их всех.

Право, женам самого Нортоня, расстояние до которых радиолуч всегда покрывал самое большее за десять минут, жаловаться было просто не на что.

«Заснуть в первые «ночи» на Раме оказалось очень нелегко. Угнетала тьма, угнетали тайны, которые она скрывала, но сильнее всего угнетала тишина. Полное отсутствие звука — состояние отнюдь не естественное: всем человеческим чувствам нужен хоть какой-то раздражитель. И если они лишены его, мозг пытается создать ему замену.

Неудивительно, что многие жаловались на странный шум и даже голоса, которые слышали во сне; очевидно, шумы были иллюзорными, поскольку все, кто в те же часы бодрствовал, не слышали ровным счетом ничего. Старший врач Эрнст прописала команде простое и эффективное средство: в отведенные для сна часы людей убаюкивала тихая, неназойливая музыка.

Но в эту ночь капитану Нортону ничто не помогало. Он до боли вслушивался в темноту, отчетливо сознавая, чего ждет. И правда, периодически его лица касался ласковый ветерок, однако на грозный гул — предвестник надвигающегося шторма — не было даже и намека. Да и разведывательные партии не замечали вокруг ничего необычного.

Наконец, примерно в полночь по корабельному времени, он задремал. У пульта связи на случай, если с «Индевора» передадут еще какие-нибудь срочные сообщения, оставался дежурный. Необходимости принимать иные меры предосторожности вроде бы не возникало...

Никакой ураган не вызвал бы такого грохота, какой в мгновение ока разбудил его и весь лагерь. Казалось, обрушилось небо или корпус Рамы лопнул и стал разваливаться на части. Вслед за раздирающим уши треском наступила череда звенящих ударов, словно кто-то крушил миллионы стеклянных замков. Так продолжалось две-три минуты, а людям казалось, что прошли часы; хруст еще не прекратился, когда Нортон сумел наконец добраться до микрофона.

— Группа наблюдения! Что происходит?!

— Минуточку, шкипер. Это в районе моря. Сейчас мы туда посветим...

В восьми километрах над их головами, у центральной оси, прожектор взмахнул лучом, и тот послушно побежал по равнине. Достигнув берега моря, луч двинулся вдоль него, высвечивая замкнутый мир по окружности.

Пройдя примерно четверть возможного кругового пути, луч остановился.

Там, высоко в небе — поскольку разум настаивал на том, чтобы считать это направление небом, — творилось что-то из ряда вон выходящее. Сначала Нортону почудилось, что море кипит. Оно больше не было неподвижным, застывшим в объятиях вечной зимы; огромный его участок, измеряемый километрами, пришел в бурное движение. И еще — оно меняло цвет: по льду ползла широкая лента яркой белизны.

Исполинская льдина — наверное, четверть на четверть километра — неожиданно накренилась и вздыбилась, как распахнутая дверь. Край ее неспешно и величественно возносился в небо, сверкая и искрясь в луче прожектора. Затем льдина скользнула вниз и исчезла под поверхностью моря, и вал вспененной воды устремился от этого места к берегам.

Лишь теперь капитан Нортон понял, что случилось. Вскрывалось море. Долгие дни и недели, начиная с глубин, шло таяние, и вот... Сосредоточиться было трудно: громовой треск не прекращался, заполняя мир и перекатываясь эхом, однако Нортон уже искал объяснения происходящим катаклизмам. Ведь на Земле, когда вскрываются замерзшие реки и озера, ничего похожего не бывает...

Ну конечно же! Теперь, перед лицом фактов, все стало более чем очевидно. Солнечное тепло просачивалось сквозь корпус Рамы, и море начало таять со дна. Донный лед превращался в воду, а вода, как известно, занимает меньший объем...

Море ушло из-под верхнего слоя льда, оставив его без поддержки. День за днем таяние ускорялось и ширилось, пока полоса льда, охватывающая экватор Рамы, не начала рушиться, словно лишенный опор мост. Сейчас она раскалывалась на сотни плавучих островов, которые в свою очередь будут сталкиваться и крошиться, пока не растают. У Нортонна кровь застыла в жилах, когда он вспомнил, что они совсем было решили добираться до Нью-Йорка на санях...

Бунт стихий постепенно угасал — в битве между льдом и водой наступало временное перемирие. Через два-три часа с повышением температуры вода одержит победу, растопив последние остатки льда. Но в конечном счете победителем выйдет лед: обогнув Солнце, Рама снова канет во мрак межзвездного пространства.

Едва опомнившись и переведя дух, Нортон вызвал по радио ближайшую к берегу моря группу. К большому его облегчению, лейтенант Родриго откликнулся без задержки. Нет, вода до них не дошла. Ни один из валов не выплеснулся за край обрыва. «Теперь мы по крайней мере знаем, — добавил хладнокровный Борис, — зачем вообще нужен этот обрыв...».

Нортон внутренне согласился с ним и так же про себя добавил: «Но это еще не объясняет, почему утес на южном берегу ровно в десять раз выше...»

Прожектор продолжал вычерчивать круги по экватору. Разбуженное море понемногу успокаивалось, ледовые поля больше не опрокидывались, и кипящей белой пены тоже не было видно. Четверть часа — и светопреставление в основном закончилось.

Но и тишине на Рапе пришел конец: мир очнулся от сна, и по нему вновь и вновь раскатывались волны скрежета — это сталкивались друг с другом айсберги.

«Весна слегка запоздала, — сказал себе Нортон, — но зима, несомненно, уже сдалась». И откуда-то опять налетел ветерок, заметно более сильный, чем прежде. Рама сделал им достаточно серьезное предупреждение — пора было объявлять отход.

На половине пути они поставили специальную отметку; приближаясь к ней, капитан Нортон снова почувствовал, что признателен темноте, скрывающей как путь вверх, так и путь вниз. Разумеется, он помнил, что впереди еще более десяти тысяч ступеней, и без труда мог представить себе их крутой изгиб — и все-таки то обстоятельство, что реально он видит лишь малую их долю, делало перспективу менее удручающей.

Для него самого это восхождение было вторым, и он хорошо усвоил урок, полученный в первый раз. При такой низкой гравитации поневоле возникало искушение взбираться быстро, слишком быстро: каждый шаг давался так легко, что подчинять его нудному медленному ритму казалось просто ни к чему. Но если не сделать этого, то через две-три тысячи ступеней ноги начнут странным образом ныть. Мускулы, о существовании которых человек до сих пор не догадывался, заявят решительный протест и будут требовать все более и более длительного отдыха. В прошлый раз Нортон под конец пути дольше отдыхал, чем двигался, и все же ничего не добился. Следующие два дня ноги сводило болезненными судорогами, и, не находясь он вновь в невесомости у самого своего корабля, Нортон, наверное, утратил бы работоспособность.

Поэтому сейчас он двинулся в путь с тягостной медлительностью, как древний старик. Он покинул равнину последним, остальные поднимались цепочкой, растянувшейся на полкилометра над ним, и он различал огоньки от фонариков, ползущие вверх по невидимому откосу.

В душе он жестоко досадовал, что не успел завершить свою миссию, и надеялся, что отступление носит временный характер. Добравшись до шлюза, они переждут, пока не прекратятся возмущения в атмосфере.

Можно предполагать, что там, у оси, будет штиль, как в центре циклона; они пересидят шторм в безопасности и вернутся...

Впрочем, он опять спешил с выводами — трудно было избавиться от привычки проводить рискованные аналогии с Землей. Метеорология целого мира даже при совершенном равновесии атмосферы — дело невероятной сложности. Ведь и на Земле прогнозы погоды, несмотря на трехсотлетнюю практику, так и не стали абсолютно надежными. А атмосфера Рамы, мало того что оставалась системой со многими неизвестными, еще и претерпевала стремительные перемены: лишь за последние два-три часа температура поднялась на несколько градусов. Однако обещанного урагана пока не было и в помине, хотя порывы ветра налетали неоднократно и с разных сторон.

Так они поднялись на пять километров — при низкой и к тому же непрестанно уменьшающейся силе тяжести это соответствовало, наверное, километрам двум на Земле. На третьем уровне, в трех километрах от оси, они устроили часовой привал, слегка перекусили и растерли мышцы ног. Здесь лежал конечный рубеж, на котором они еще могли дышать без натуги; подобно тому, как прежде это делали альпинисты в Гималаях, они, спускаясь, оставили здесь свои кислородные приборы, а теперь надели их снова, чтобы уже не снимать до самого конца пути.

Часом позже они добрались до верха лестницы и начала трапа. Оставался последний вертикальный километр, к счастью, в слабом гравитационном поле, составлявшем лишь несколько процентов земного. Еще один тридцатиминутный привал, тщательная проверка запасов кислорода — и они приготовились к финальному броску.

Нортон вновь удостоверился, что его подчиненные благополучно следуют друг за другом с интервалом в двадцать метров. Теперь и ему предстояло медленно и до отвращения нудно тянуть себя вверх и просто считать перекладины, проплывающие мимо: сто, двести, триста, четыреста...

Он достиг тысяча двести пятидесятой, когда внезапно осознал, что вокруг что-то не так. Свет, отражающийся от вертикальной стены перед самыми его глазами, приобрел какой-то новый оттенок, более того, стал слишком ярким.

Капитану не хватило времени ни на то, чтобы притормозить, ни на то, чтобы как-то предостеречь остальных. Все произошло менее чем за секунду.

Беззвучным мгновенным взрывом на Раме занялся рассвет.

Свет был таким ослепительным, что Нортон поневоле зажмурился на добрую минуту. Затем он рискнул приоткрыть глаза и из-под чуть приподнятых век взглянул на стену в каких-то пяти сантиметрах от собственного шлема. Несколько раз моргнул, выждал, когда высохнут невольные слезы, и не спеша повернул голову...

Зрелище, раскрывшееся перед ним, оказалось невысказанно вынести дольше двух-трех секунд — и веки опять смежились сами собой. Нет, виной тому был не яркий блеск — к нему в конце концов можно было привыкнуть, а внушающая благоговение перспектива Рамы, впервые представшая перед ними во всей своей полноте.

Кто-кто, а Нортон заведомо знал, что можно ожидать, и тем не менее открывшийся вид ошеломил его. Тело охватила волна неудержимого трепета, руки судорожно вцепились в перекладины трапа — так утопающий цепляется за спасательный пояс. Мышцы предплечий сразу начали каменеть, а ноги, уже обессиленные многочасовым восхождением, напротив, сделались совершенно ватными. Если бы не малое притяжение, он мог сорваться и упасть.

Потом годы тренировок все же взяли свое, и он прибег к испытанному средству. Не раскрывая глаз и стараясь выбросить из памяти только что виденную картину, он принялся делать глубокие вдохи, чтобы кислород, заполнивший легкие, вынес из организма яд усталости.

Постепенно он почувствовал себя лучше, но не разомкнул век, пока не совершил еще одного необходимого действия. Потребовалось немалое усилие воли, чтобы разжать правую руку, — пришлось уговаривать ее, как непослушное дитя, — но он все-таки отвел руку к животу и, высвободив страховочный пояс, накинул пряжку на ближайшую скобу. Теперь, что бы ни случилось, он уже не сорвется.

Нортон еще раз глубоко вздохнул и, по-прежнему, не раскрывая глаз, включил передатчик. Хотелось надеяться, что голос у него звучит спокойно и решительно:

— Говорит капитан. Все ли целы?

По мере того как он называл имена и выслушивал ответы — подчас нетвердо, но ответили все, — к нему возвращалась уверенность в себе,

возвращалось самообладание. Люди уцелели, люди рассчитывали, он укажет им, что делать. Он вновь почувствовал себя командиром.

— Закройте глаза и не открывайте их до тех пор, пока не убедитесь., что сумели преодолеть головокружение, — распорядился он. — Вид, безусловно, ошеломляющий. И если для кого-то из вас он окажется непереносимым, тогда придется продолжать восхождение не оглядываясь. Напоминаю, что скоро мы попадем в невесомость, следовательно, упасть будет просто невозможно...

Казалось бы, тыкать опытных космонавтов носом в столь элементарную истину нет нужды, но ведь и сам Нортон вынужден был поминутно повторить ее про себя. Мысль о невесомости превратилась в своего рода талисман, охраняющий от бед. Вопреки любым зрительным ощущениям, увлечь их вниз и расплющить о равнину Рама был уже не властен.

Самолюбие, чувство собственного достоинства настоятельно требовали от него вновь открыть глаза и взглядеться в окружающий мир. Но сначала, конечно, следовало обрести контроль над своим телом.

Он заставил себя отпустить трап, а затем локтем левой руки захватил ближайшую скобу. Сжимая и разжимая кисти рук, он дал мышцам расслабиться и, наконец, когда новое положение стало для него по-настоящему удобным, неторопливо повернувшись, встретился с Рамой лицом к лицу.

И первое впечатление — синева. Сияние, заполнившее небо, даже по ошибке нельзя было принять за солнечный свет, скорее оно походило на вольтову дугу. «Значит, — сделал вывод Нортон, — собственное солнце Рама горячее нашего. Астрономов это, несомненно, заинтересует...»

Теперь по крайней мере стало понятным назначение таинственных траншей — Прямой долины и пяти ее близнецов: это были просто-напросто гигантские фонари. Рама располагал шестью линейными солнцами, симметрично размещенными по всей его внутренней поверхности. Каждое из солнц посылало широкий веер лучей на противоположную сторону миру. «Любопытно, — подумал Нортон, — предусмотрена ли здесь возможность попеременного их выключения, чередования света и тьмы или на Рама отныне воцарился вечный день?..»

Он слишком пристально вглядывался в полосы слепящего света, глаза опять начали слезиться, и появился повод, не упрекая себя, прикрыть их снова. И только тогда, почти оправившись от первоначального зрительного шока, он задал себе самый серьезный вопрос:

Кто включил — что включило — эти огни?

Все проверки, даже самые тонкие, доказывали, что этот мир стерилен. Но вот произошло нечто, никак не объяснимое действием естественных сил. Допустим, жизни здесь действительно нет — значит ли это, что нет сознания? Роботы могли проспать миллионы лет — и проснуться. А может, взрыв света — незапрограммированная, случайная конвульсия, последний предсмертный вздох машин, ответивших наобум на близость новой звезды, и вскоре Рама вновь впадет в спячку, на этот раз навсегда?

Однако Нортон и сам не верил, что объяснение столь примитивно просто. Какие-то кусочки мозаичной головоломки начали вставать на свои места, но многих, слишком многих еще не доставало. Как понять, к примеру, отсутствие всяких признаков старения, печать новизны на всем вокруг, словно Рама только вчера сошел со стапелей?

Подобные мысли могли бы вызвать испуг, даже ужас, но почему-то ничего похожего не случилось. Напротив, Нортон охватило радостное возбуждение, почти восторг. Этот мир таил в себе открытий куда больше, чем они смели надеяться. «Воображаю, — сказал он себе, — как взовьется Комитет по проблемам Рамы, когда узнает про рассвет!»

Затем он спокойно и решительно вновь открыл глаза и принялся инвентаризировать все, что видел.

Прежде всего следовало выработать какую-то систему координат. Перед ним лежало величайшее замкнутое пространство, какое когда-либо видел человек, и, чтобы не затеряться в нем, нужен был хотя бы умозрительный план.

Рассчитывать на помощь едва ощутимого притяжения не приходилось: Нортон мог представить себе «верх» и «низ» почти в любом желаемом направлении. Однако иные из представлений оказывались психологически опасными, и, едва они приходили на ум, он должен был стремительно гнать их прочь.

Всего безопаснее было бы вообразить себе, что они находятся в донной чаше исполинского колодца шестнадцати километров в ширину и пятидесяти в глубину. Такой угол зрения имел то преимущество, что начисто устранял страх падения, но в то же время не был лишен серьезных недостатков.

Удавалось как-то уговорить себя, что разбросанные там и сям «города» и «поселки», по-разному окрашенные и устроенные, надежно прикреплены к нависающим со всех сторон стенам. Сложные сооружения, едва различимые на куполе над головой, смущали Нортон, в сущности, не больше, чем какая-нибудь подвесная люстра в одном из гигантских концертных залов Земли. По-настоящему неприемлемым оставалось лишь

Цилиндрическое море.

Вот оно — лента воды, опоясывающая шахту колодца и сцепленная с ней непонятно как... И ведь нет даже тени сомнения, что это вода, именно вода, ярко-синяя, с искристыми блестками недотаявших льдин. Однако, вертикальное море, образующее полный круг на двадцатикилометровой высоте, — зрелище настолько поразительное, что спустя какой-то миг пришлось искать ему иное объяснение.

Нортон решил мысленно повернуть картину на девяносто градусов. В мгновение ока глубокий колодец превратился в длинный, перекрытый с обоих концов тоннель. «Вниз» — это теперь означало, разумеется, вниз по трапу и лестнице, по которым он только что поднялся; теперь, под таким углом зрения, Нортон, пожалуй, мог по достоинству оценить замысел архитекторов — создателей этого мира.

Он приник к поверхности изогнутого шестнадцатикилометрового утеса, верхняя половина которого нависла над головой, постепенно смыкаясь с арочным сводом, перевоплотившимся ныне в небо. Из-под ног уходил трап, через полкилометра с лишним обрывавшийся на первом уступе-террасе. Затем начиналась лестница, вначале тоже почти вертикальная, но по мере нарастания гравитации все менее и менее крутая; пять разрывов дуги — пять площадок, и наконец где-то вдали она достигала равнины. На протяжении двух-трех километров различались отдельные ступени, потом они сливались в сплошную полосу.

Устремленная вниз лестница была столь грандиозна, что оценить истинную ее протяженность оказывалось выше сил человеческих. Нортону случилось однажды облететь вокруг Эвереста, и его поразили тогда размеры горы. Сейчас он напомнил себе, что по высоте лестница соперничает с Гималаями, но сравнение оказалось лишеным смысла.

И уж вовсе ни в какое сравнение с чем-либо земным не шли две другие лестницы, Бета и Гамма, уходящие вкось в небо и изгибающиеся над головой. Нортон уже вполне набрался храбрости для того, чтобы, слегка откинувшись, бросить взгляд в ту сторону — ровно на миг. И тут же постарался стереть увиденное из памяти.

Стереть, потому что раздумья на эту тему не могли не вызвать к жизни третье возможное представление о Раме, то, какого он хотел избежать любой ценой. Представление о вертикальном цилиндре или шахте, но с той разницей, что сам он находится не на дне ее, а наверху и ползет как муха под куполом, а внизу разверзается пятидесятикилометровая бездна. Едва в сознание закрадывался подобный образ, как от Нортон требовалась вся сила его воли, чтобы в безотчетной панике не вцепиться в трап.

Со временем, разумеется, эти страхи поблекнут. Чудеса Рамы с лихвой искупят несколько кошмарных минут, по крайней мере для людей, встречавшихся лицом к лицу с космосом. Может, те, кто никогда не покидал Земли, не оставался наедине со звездами, и не сумели бы вынести такого зрелища. «Но если хоть одна живая душа способна приноровиться к нему, — заметил себе Нортон с мрачной решимостью, — то пусть это будут капитан и команда „Индевора“».

Он посмотрел на свой хронометр. Пауза длилась максимум две минуты, а показалось — полжизни. С трудом собрав достаточно сил, чтобы преодолеть инерцию и мизерное гравитационное поле, он принялся медленно подтягиваться по последним прогонам трапа. Перед тем как войти в воздушный шлюз, он окинул перспективу еще одним беглым взглядом.

За какие-то пять истекших минут она снова изменилась — с моря поднимался туман. Прозрачные белые столбы резко кренились в направлении вращения Рамы, чтобы через несколько сот метров расплыться, закрутившись в смерчи: устремившийся вверх воздух пытался погасить избыточную скорость. Пассаты Цилиндрического моря принялись рисовать свои автографы в его небе; надвигался первый за неисчислимые столетия тропический шторм.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ С МЕРКУРИЯ

Впервые за несколько недель Комитет по проблемам Рама прибыл на заседание — очно и заочно — в полном составе. Профессора Соломонса извлекли со дна Тихого океана, где он изучал добычу руды в глубоководных шахтах. И вновь объявился — в стереоварианте — доктор Тейлор. Удивляться этому не приходилось: ведь события возродили надежды найти на Рама что-нибудь посенсационное мертвых технических безделушек.

Председатель, в сущности, не сомневался, что Карлайл Перера сегодня будет еще более непререкаем и напорист, чем обычно, — еще бы, его прогнозы раманских ураганов подтвердились! Но к великому удивлению собравшихся, Перера вел себя исключительно тихо и принимал поздравления коллег с видом настолько близким к смущению, насколько это вообще было для него невозможно.

По правде сказать, экзобиолог чувствовал себя глубоко униженным. Тот факт, что Цилиндрическое море вскроется, и весьма эффектно, представлялся теперь еще более непреложным, чем ураганные ветры, — а он это начисто проморгал. Сообразить, что нагретый воздух поднимется вверх, и забыть, что лед, превратившись в воду, уменьшится в объеме, — подобным подвигом вряд ли стоило гордиться.

Впрочем, доктору Перере не требовалось много времени, чтобы обрести свою привычную самоуверенность. Но когда председатель предоставил ему слово и спросил, какие еще климатические перемены ожидаются в ближайшем будущем, Перера заговорил, взвешивая каждое слово.

— Следует помнить, — заявил он, — что метеорология мира столь необычного, как Рама, способна преподнести нам немного новых сюрпризов. Однако, если мои вычисления верны, штормов больше не будет, и условия стабилизируются. Температура будет повышаться вплоть до перигелия, а возможно, и дольше, но это не должно беспокоить нас, поскольку «Индевору» задолго до того придется уйти...

— Значит, люди вскоре смогут вернуться внутрь?

— Мм., вероятно. Через двое суток узнаем наверняка.

— Возвращение совершенно необходимо, — вмешался представитель

Меркурия. Мы должны выведать о Рама все, что только возможно. Ситуация кардинальным образом изменилась...

— Кажется, мы догадываемся, что именно вы имеете в виду, тем не менее соблаговолите пояснить...

— С удовольствием. До сих пор мы полагали, что Рама необитаем или точнее, никем не контролируется. Но теперь мы не вправе более себя обманывать. Даже если на борту нет живых существ как таковых, кораблем могут управлять роботы, запрограммированные для выполнения определенной миссии, и, не исключено, весьма неблагоприятной для нас. Как ни прискорбно, мы должны принять во внимание требования самозащиты.

Поднялся хор протестующих голосов, и председателю пришлось поднять руку, чтобы восстановить порядок.

— Позвольте его превосходительству закончить! — провозгласил он. — Нравится нам эта идея или нет, но отнестись к ней следует серьезно...

— При всем моем уважении к делегату Меркурия, — произнес Конрад Тейлор тоном крайнего пренебрежения, — мы можем смело отмести все и всяческие домыслы о злокозненной интервенции. Существа, столь цивилизованные, как рамане, должны иметь соответственно развитую мораль. В противном случае они давно уничтожили бы сами себя, как мы едва не уничтожили себя в XX веке. Я с полной ясностью доказал это положение в своей недавно вышедшей книге «Характеры и космос». Надеюсь, вы получили дарственный экземпляр?

— Получил, благодарю Вас, хотя к сожалению, перегруженность другими делами не позволила мне пока продвинуться дальше предисловия. Тем не менее я вполне знаком с общей концепцией. У нас, к примеру, может вовсе не быть злокозненных намерений по отношению к муравейнику. Ну, а если мы хотим построить дом как раз на том же месте?..

— Но это ничуть не лучше ящика Пандоры? Это уж, простите, какая-то межзвездная ксенофобия!

— Господа, господа! Так мы с вами ничего не добьемся. Ваше превосходительство, вы можете продолжать...

И председатель сквозь триста восемьдесят тысяч километров пустоты устремил гневный взгляд на Тейлора; тот неохотно стих, подобно вулкану, выжидающему своего часа.

— Спасибо, — поблагодарил меркурианин. — Угроза, быть может, и маловероятна, но там, где на карту поставлено будущее человечества, мы не вправе допускать никакого риска. И, да будет мне позволено сказать, нас,

меркуриан, это касается в особенности, У нас оснований для тревоги, пожалуй, больше, чем у кого-либо другого.

Доктор Тейлор отчетливо фыркнул, за что опять удостоился гневного взгляда с Луны.

— Почему же больше? — спросил председатель. — А остальные планеты разве не в счет?

— Рассмотрим ситуацию в динамическом развитии. Рама уже пересек нашу орбиту. Предполагается, что он обогнет Солнце и вновь устремится в пространство. Но это только предполагается, а что, если он решит притормозить? Если тормозной маневр намечен, то произойдет он в перигелии, примерно через тридцать дней. Ученые моей планеты сообщили мне, что при соответствующем применении скорости Рама выйдет на круговую орбиту в двадцати пяти миллионах километров от Солнца. Заняв такую позицию, он будет господствовать над всей Солнечной системой.

Довольно долго никто, даже Конрад Тейлор, не проронил ни слова. Члены комитета предались тяжким думам об этом несносном племени меркуриан, достойно представленном здесь их полномочным послом.

Большинством людей Меркурий мыслился довольно точной копией ада — до сих пор, во всяком случае, никто не встречал чего-нибудь похлеще. Однако сами меркуриане гордились своей причудливой планетой с ее днями, более долгими, чем годы, с ее двойными восходами и закатами и реками расплавленного металла. В сравнении с Меркурием Луна и Марс казались совершенной обыденщиной. Разве только на Венере (если высадка там вообще когда-нибудь произойдет) встретит человек окружение более враждебное, чем природа Меркурия.

И тем не менее эта планета во многих отношениях была ключом к Солнечной системе. Ретроспективно такая оценка представлялась вполне очевидной, хотя прошло уже почти сто лет космической эры, прежде чем люди уяснили себе это. Зато впоследствии меркуриане никому не позволяли забыть о своем могуществе.

Задолго до того, как человек добрался до Меркурия, разительная плотность этой планеты наводила на мысль о присутствии там тяжелых элементов, но реально разведенные богатства повергли человечество в изумление и на тысячу лет отогнали призрак истощения залежей металлов, жизненно важных для цивилизации. И подумать только, что эти сокровища облюбовали себе место, наилучшее из всех возможных, там, куда Солнце посылает энергию вдесятеро щедрее, чем на стылую Землю!

Неограниченное потребление энергии — неограниченное

производство металла. Таков был Меркурий. Его гигантские магнитные катапульти могли перебросить добытую руду в любую точку Солнечной системы. Предметом меркурианского экспорта являлась и энергия в форме искусственных трансурановых изотопов или просто в виде излучения. Предполагалось, например, установить на Меркурии лазеры, чтобы в один прекрасный день растопить льды Юпитера, но эту идею не очень-то приветствовали на других мирах. Технику, способную подогреть Юпитер, слишком легко было бы использовать для прямого межпланетного шантажа.

То, что люди не постеснялись высказать подобные опасения, красноречиво свидетельствовало об истинном отношении человечества к меркурианам. Их уважали за выносливость и инженерное искусство, восхищались упорством, с каким они завоевывали свой грозный мир. Но их не любили и тем более им не слишком доверяли.

И в то же время понять точку зрения меркуриан было бы в общем не сложно. Жители других планет шутили, что меркуриане подчас ведут себя так, словно Солнце — их личная собственность. Они связали себя с Солнцем своеобразными отношениями любви-ненависти: так викинги были некогда связаны с морем, непальцы с Гималаями, эскимосы с тундрой. Они испытали бы истинное горе, если бы что-то стало между ними и могущественной силой, которая повелевала их жизнью и направляла ее.

В конце концов молчание нарушил не кто иной, как сам председатель. Он все еще не забыл горячего солнца Индии, так что о солнце Меркурия не мог и подумать без дрожи. Правда, он считал меркуриан неотесанными техническими варварами, но к их заявлениям всегда относился всерьез.

— На мой взгляд, господин посол, ваши доводы достаточно вески, — вдумчиво сказал он. — Есть у вас какие-нибудь конкретные предложения?

— Да, сэр, Прежде чем мы решим, что следует предпринять, мы должны собрать факты. Мы знаем географию Рамы, — если применять этот спорный термин, — но не имеем ни малейшего представления о конструктивных возможностях корабля. И главным из всех вопросов представляется один; есть ли на Раме двигатель? Может ли он изменить орбиту? Хотелось бы слышать, что думает по этому поводу доктор Перера.

— Я немало размышлял на этот счет, — ответил экзобиолог, — Конечно, начальное ускорение Раме придало какое-то двигательное устройство, но ведь оно могло действовать и извне. Что касается бортовых двигателей, то мы не обнаружили ничего похожего на них. С уверенностью можно сказать, что там нет и следа ракетных дюз или чего-нибудь хотя бы

отдаленно их напоминающего...

— Дюзы нетрудно замаскировать...

— Верно, только зачем? И потом, где баки с горючим, где энергетические установки? Корпус сплошной — мы обследовали его сейсмически. Пустоты, обнаруженные в северном торце, полностью совпадают с системой воздушных шлюзов.

Значит, остается южный торец, куда капитан Нортон не сумел пока добраться из-за десятикилометровой водной преграды. Вы видели фотографии — там, на юге, расположено множество странных механизмов и сооружений. Что это такое, можно только гадать.

Но я твердо уверен только в одном. Если на Раме есть двигатель, то основан он на принципе, нам пока совершенно неизвестном. Может, раманам удалось сконструировать мифический гипердвигатель, о котором люди мечтают вот уже двести лет...

— Следовательно, это не исключается?

— Ну, разумеется, нет! Если нам удалось доказать, что на Раме установлен гипердвигатель — даже если бы мы совсем не разобрались в способе его действия, — это было бы открытием величайшего значения. По крайней мере мы установили бы, что гипердвигатель принципиально возможен...

— Но что это за штука — гипердвигатель? — уныло спросил представитель Земли.

— Любой двигатель, сэр Роберт, любой космический двигатель, созданный не на принципе реактивной тяги. Антигравитационный, например, если таковой существует. В настоящее время мы даже не представляем себе, в какой области науки искать такое устройство, и большинство ученых считают, что его вообще не найти...

— Разумеется, не найти, — вмешался профессор Дэвидсон. — Это установлено еще Ньютоном. Каждому действию равно противодействие, Гипердвигатель — чепуха. Поверьте моему слову.

— Не исключено, что вы правы, — откликнулся Перера с необычной для себя вежливостью. — Но если на Раме нет гипердвигателя, то и никакого другого двигателя тоже нет. Там просто не хватит места для традиционных силовых установок с их необъятными топливными баками.

— Трудно себе представить, что целый мир можно разгонять и тормозить, — заявил Деннис Соломоне. — А что при этом произойдет со всем его содержимым? Каждый предмет придется привинчивать к полу. Слишком неудобно...

— Видите ли, ускорение может быть совсем небольшим, Непонятно

одно — что станет с Цилиндрическим морем. Как прикажете удержать на месте массу воды?..

Перера неожиданно запнулся на полуслове, глаза его остекленели. Казалось, его вот-вот хватит апоплексический удар. Коллеги встревоженно уставились на него, но ученый также внезапно оправился, грохнул кулаком по столу и воскликнул:

— Ну, конечно! Вот вам и объяснение! Южный утес — теперь все понятно!

— Только не мне, — проворчал представитель Луны, выражая, по-видимому, мнение всех присутствующих дипломатов.

— Взгляните на Рама в продольном сечении, — возбужденно продолжал Перера, развертывая чертеж. — Есть у вас такие схемы? Цилиндрическое море замкнуто между двумя утесами, опоясывающими его поверхность вкруговую. Утес на северном берегу поднимается в высоту всего на пятьдесят метров. А на противоположном, южном берегу — без малого на полкилометра. Во имя чего такая огромная разница? До сих пор по этому поводу никто не высказал никакой разумной гипотезы.

Но допустим, что Рама действительно способен набирать скорость, двигаясь северным концом вперед. Вода устремится назад, уровень ее у южного берега поднимется, быть может, на сотни метров. Отсюда и утес. Ну-ка прикинем...

Перера принялся яростно царапать карандашом по бумаге. Пауза была удивительно короткой — спустя двадцать секунд он поднял глаза с улыбкой.

— Зная высоту обоих утесов, можно вычислить максимальное ускорение, на какое рассчитан Рама. Если оно будет больше двух процентов, море выплеснется на южный континент.

— Одна пятидесятая g? Не слишком много...

— Напротив, очень много, если принять во внимание массу в десять миллионов мегатонн. И в то же время достаточно для маневрирования в Космосе...

— Большое спасибо, доктор Перера, — заявил представитель Меркурия. — Вы дали нам немалую пищу для размышлений. Господин председатель, нельзя ли внушить капитану Нортону, что нам представляется необходимым обследовать район Южного полюса?

— Он делает все, что может. Бесспорно, море — серьезное препятствие. Они пытаются соорудить какое-то подобие плота, чтобы побывать по крайней мере в Нью-Йорке...

— Южный полюс, видимо, еще важнее. Ставлю вас в известность, что

я намерен вынести данный вопрос на рассмотрение Генеральной ассамблеи. Одобряете ли вы такой шаг?

Возражений не последовало даже со стороны доктора Тейлора. Члены комитета, присутствующие заочно, собирались уже прервать связь, но тут руку поднял сэр Льюис.

Старый историк выступал очень редко, и уж если выступал, то его следовало послушать.

— Предположим, мы выясним, что Рама., мм., продолжает жить и способен маневрировать. Но способность напасть и намерение напасть — вещи разные...

— И сколько мы, по-вашему, должны ждать, чтобы убедиться в намерениях раман? — спросил меркурианин, — Когда мы точно узнаем, каковы их намерения, будет слишком поздно.

— Уже слишком поздно. Можем мы как-нибудь повлиять на Раму? Нет, не можем. Да, наверное, и никогда не могли.

— Я не согласен с вашим утверждением, сэр Льюис. Мы можем сделать многое, если понадобится. Хотя времени у нас осталось отчаянно мало. Рама словно яйцо, где сидит космический птенец неизвестной породы. Солнечные лучи отогрели его, и теперь птенец готов вылупиться в любой момент.

Председатель комитета впери́л в посланца Меркурия взгляд, исполненный чистосердечного изумления. Он никак не предполагал, что меркурианин способен подняться до столь поэтических сравнений.

Когда кто-нибудь из экипажа обращался к нему «командир» или, того хуже, «мистер Нортон» — это всегда означало, что затевается нечто нештучное. А чтобы Борис Родриго титуловал его подобным образом — такого Нортон вообще не мог припомнить, значит, дело было серьезным вдвойне. Даже в самые тяжелые минуты лейтенант Родриго неизменно отличался выдержкой и рассудительностью.

— Что стряслось, Борис? — спросил капитан, едва за ними закрылась дверь каюты.

— Прошу разрешения, командир, на внеочередную передачу непосредственно на землю.

Это было несколько необычно, но не беспрецедентно. Повседневная связь шла через ретрансляторы ближайшей планеты — в настоящее время через Меркурий, — и хотя радиоволны находились в пути лишь несколько минут, иной раз требовалось пять, а то и шесть часов, чтобы сообщение достигло адресата. Как правило, такая скорость всех вполне устраивала, но в случае острой необходимости ценою больших затрат под ответственность капитана можно было использовать и каналы прямой связи.

— Вы, конечно, понимаете, что подобную просьбу следует обосновывать. Все доступные полосы часто забиты отчетами наших исследовательских групп. Что у вас, какое-то личное несчастье?

— Нет, командир. Мое дело гораздо важнее. Я хотел бы направить послание братьям по вере.

«Ну и ну! — воскликнул про себя Нортон. — Вот это казус!..»

— Пожалуйста, объясните подробнее.

Просьба Нортон была продиктована не только любопытством, хотя и это, разумеется, имело место. Если бы он пошел Борису навстречу, ему пришлось бы оправдывать свое решение перед начальством.

На капитана смотрели спокойные голубые глаза. Он не помнил случая, чтобы Борис хоть когда-нибудь потерял контроль над собой, хоть на секунду изменил незыблемой убежденности в собственной правоте. И все единовверцы Бориса были в этом смысле одинаковы — именно полный самоконтроль и делал из них образцовых тружеников космоса. Но их не ведающая сомнений самоуверенность, признаться, подчас раздражала

остальных нечестивцев, не удостоенных божественного откровения.

— Речь идет о назначении Рама. Мне, кажется, командир, что я разгадал его.

— Продолжайте.

— Вдумайтесь в ситуацию. Перед нами мир, совершенно пустой и безжизненный и тем не менее приспособленный для человеческих существ. Здесь есть вода и атмосфера, пригодная для дыхания. Прибыл Рама из отдаленнейших глубин пространства, но был совершенно точно нацелен на Солнечную систему, настолько точно, что всякие случайности тут исключены. И он не просто выглядит новым — похоже, что им вообще никогда не пользовались...

«Но мы же толковали об этом десятки раз, — подумал Нортон, — Что особенного он может мне сказать?..»

— Наша вера учила нас, что надо ждать подобного посещения, хоть мы и не знали, какой именно цели оно послужит. Библия содержит лишь намеки. Но если это не второе пришествие, тогда предвестие второй — после потопа — великой кары. И я полагаю, что Рама — космический ковчег, ниспосланный, дабы спасти тех, кто достоин спасения.

На мгновение в капитанской каюте воцарилась тишина. Не то, чтобы Нортон утратил дар речи, скорее всего у него одновременно возникло слишком много вопросов и он не знал, с которого начать. Наконец со всей возможной мягкостью и дипломатичностью он произнес:

— Весьма интересная концепция. И, хоть я и не разделяю вашей веры, соблазнительно логичная...

Нортон не лицемерил и не преувеличивал: теория Родриго, если освободить ее от религиозной окраски, была не менее убедительной, чем полдюжины выслушанных им прежде. Допустим, в Солнечной системе должна в ближайшем будущем разразиться катастрофа, и некая разумная раса, далеко обогнавшая в своем развитии человечество, предугадала ее. Это объяснило бы все самым прекрасным образом, Впрочем, нет, кое-какие вечности все равно остались бы...

— Разрешите, однако, спросить вас вот о чем. Через три недели Рама достигнет перигелия и, обогнув Солнце, покинет Солнечную систему так же стремительно, как и появился в ней. Не кажется ли вам, что для страшного суда, а тем более для того, чтобы транспортировать на ковчег.., гм., избранных — опускаю технические трудности — уже не остается времени?

— Совершенно справедливо. Достигнув перигелия, Рама сбавит скорость и перейдет на стационарную орбиту с афелием [Ссылка17](#) примерно в

районе Земли. Еще один тормозной маневр — и корабль подойдет к нашей планете вплотную.

Все это звучало настолько веско, что Нортону стало не по себе. Если Рама действительно пожелает остаться в Солнечной системе, Борис Родриго описал рациональный путь к цели: подойти к Солнцу на минимальное расстояние и выполнить тормозной маневр именно там, Если в теории космохристианина и во всевозможных ее вариантах есть хоть капля истины, это станет известно скоро, очень скоро...

— Есть один вопрос. Какая сила управляет Рамой?

— На этот счет у меня еще не сложилось окончательного мнения. Может быть, просто робот. А может быть — дух. Оба толкования вполне объясняют отсутствие следов биологической жизни...

«Призраки на астероиде» — почему из глубин памяти вдруг всплыла эта фраза? Потом капитану вспомнился дурацкий рассказ, читанный многие годы назад; не стоило, наверное, и спрашивать, попался ли он когда-нибудь Борису. Сомнительно, чтобы вкусы Родриго позволяли ему снисходить до литературы такого сорта.

— Вот что мы сделаем, Борис, — сказал Нортон, круто меняя тон разговора. Он решил прекратить аудиенцию, пока Бориса не занесло слишком далеко, и, кажется, нашел приличный компромисс. — Сумеете вы изложить свою идею в пределах тысячи битов?

— Думаю, да.

— Тогда оформите ее в виде научной гипотезы, и я pošлю внеочередную радиограмму в адрес Комитета по проблемам Рамы. Копию можете направить своим единоверцам, и да будут они счастливы.

— Спасибо, командир. Поверьте, я ценю вашу доброту.

— Только не воображайте, что я сделал это, дабы спасти свою душу. Просто мне интересно подразнить мудрецов из комитета. Я отнюдь не согласен с вашей логикой, но вдруг им удастся выудить из нее что-нибудь действительно важное?

— Доживем до перигелия — увидим.

— Вот именно. Доживем до перигелия...

Как только Борис Родриго ушел, Нортон позвонил в рубку и отдал необходимые распоряжения. Надо полагать, из положения он выпутался неплохо — и потом, что если Борис хоть чуточку прав?

Недурно было бы затесаться в число избранных.

Пробираясь по знакомому коридору шлюзового комплекса Альфа, Нортон думал: «Не поторопились ли мы? Проявили ли должную осторожность?..» Готовые при первой опасности к немедленному старту, они выждали на борту «Индевора» сорок восемь часов — драгоценные двое суток. Но за это время ровным счетом ничего не случилось, приборы, оставленные внутри Рамы, не обнаруживали никаких необычных явлений. А телекамера, к величайшему их сожалению, ослепла из-за тумана, который снизил видимость буквально до пяти метров и лишь недавно начал рассеиваться.

Когда они справились с последним повторным шлюзом и выплыли в паутину канатов, Нортон поразил прежде всего перемена в освещении. Оно утратило резкую голубизну, стало мягче, приятнее и напоминало теперь марево над земными просторами в ясный день.

Бросив взгляд вдоль оси, он увидел лишь сверкающий белый тоннель с размытыми сводами, простирающийся вплоть до диковинных гор Южного полюса. Внутренняя поверхность Рамы была сплошь занята облаками — нигде ни малейшей прогалинки. Верхняя их граница, обозначенная очень четко, и формировала этот тоннель, цилиндр внутри цилиндра, много более узкий — пять-шесть километров в поперечнике — и совершенно чистый, исключение составляли лишь отдельные заблудившиеся перистые облачка.

Исполинскую облачную трубу подсвечивали со всех сторон шесть искусственных солнц Рамы. Местоположение тех трех, которые горели на ближнем, Северном континенте, угадывалось по расплывчатым светлым полосам, но по ту сторону Цилиндрического моря полосы сливались в беспрерывное круговое сияние.

«Что там, под облаками? — спросил себя Нортон. — Надо думать, шторм, раскрутивший облачные покровы до полной симметрии по отношению к оси, теперь угас. Может, Рама заготовил и другие сюрпризы, но, не спустившись вниз, о них и не узнаешь...»

Казалось целесообразным послать сейчас в разведывательный поход ту же группу, которая первой дерзнула проникнуть в тайны Рамы. Тем паче, что сержант Майрон, как и все другие члены экипажа, теперь полностью удовлетворял требованиям корабельного врача; он даже с подкупающим

простодушием утверждал, что того и гляди вывалится из старого обмундирования.

Наблюдая за Мерсером, Колвертом и Майроном, быстро и умело «плывущими вниз по трапу, Нортон отмечал про себя происшедшие здесь, на Раме, перемены. Тогда они спускались среди тьмы и стужи, теперь двигались навстречу свету и теплу. И еще: во всех прежних экспедициях они пребывали в уверенности, что Рама мертв. В биологическом смысле это, видимо, оставалось справедливым и сейчас. Но что-то, здесь неуловимо изменилось, и идея Бориса Родриго объясняла суть перемен не хуже, чем любая другая. Дух Рамы ожил.

Когда они достигли площадки у основания трапа и уже собирались начать спуск, Мерсер провел стандартную проверку атмосферы. Состав воздуха принадлежал к числу данных, которые никто никогда не принимал на веру: люди вокруг могли ничтоже сумняшеся дышать без кислородных масок, а Мерсер все равно бы не снял шлема, не сделав соответствующих измерений. Если его спрашивали, не мнительность ли это, он отвечал:

— Наши ощущения — ненадежная штука. Вам кажется, что все в порядке, а может статья, еще один вдох — и протянете ноги...

На сей раз он взглянул на шкалу и буркнул:

— Черт!

— В чем дело? — осведомился Колверт.

— Анализатор вышел из строя и показывает несусветно много. Странно, я и не слышал, чтобы он когда-нибудь портился. Ну-ка, проверим его на наших кислородных баллонах...

Он подключил миниатюрный анализатор к вентилю трубки, подающей кислород в скафандр, и застыл в недоуменном молчании. Товарищи следили за ним озабоченно и даже тревожно: если Карлу что-то не нравилось, к этому следовало отнестись со всей серьезностью. Затем Мерсер отключил анализатор от своего скафандра, вновь опробовал им воздух Рамы и, наконец, вызвал капитана:

— Шкипер! Посмотрите, пожалуйста, на свой прибор. Каков у вас процент молекулярного кислорода?

Последовала пауза — слишком долгая для ответа на такую просьбу. Затем Нортон радировал:

— Кажется, анализатор приказал долго жить.

Лицо Мерсера медленно расплылось в улыбке.

— Показывает пятьдесят с гаком?

— Точно, но что это значит?

— Это значит, что можно обойтись совсем без масок. Замечательно, не

правда ли?

— Н-не знаю, — откликнулся Нортон, уловив сарказм в голосе помощника. — Слишком уж замечательно, чтобы спешить с выводами...

Говорить дальше не было нужды. Как все космонавты, капитан Нортон не испытывал особого доверия к явлениям, внешне слишком заманчивым.

Мерсер отстегнул защелку лицевой маски, приподнял ее и принюхался. Впервые на такой высоте воздух казался бесспорно годным для дыхания. Затхлый, мертвенный привкус исчез, исчезла и излишняя сухость, от которой першило в горле. Влажность достигла поразительной цифры — восьмидесяти процентов; это несомненно явилось следствием таяния моря. Пожалуй, теперь даже слегка парило, но духоты не ощущалось. «Словно к вечеру на побережье в тропиках», — подумал Мерсер. Климат Рамы за последние несколько дней решительно изменился к лучшему...

Но почему, почему? Возросшая влажность тайны не составляла, а вот объяснить резкий кислородный взлет было значительно труднее. Возобновив спуск, Мерсер проделал в уме целую серию вычислений, но удовлетворительного решения так и не нашел.

Когда они добрались до облачного слоя, переход совершился почти мгновенно. Только что они скользили в полной прозрачности, придерживаясь за гладкий металл поручня, чтобы не разогнаться, — тяготение достигало в этом районе четверти g, — как вдруг окунулись в вязкий белый туман; видимость упала до нескольких метров. Мерсер затормозил так резко, что Колверт едва не налетел на него, а Майрон налетел-таки на Колверта, чуть не сбив того с перил.

— Спокойнее, — сказал Мерсер. — Подтянитесь поближе, чтобы не терять друг друга из виду. И не увлекайтесь скоростью на случай, если мне придется притормозить снова...

Спуск в облаках продолжался в жутковатом безмолвии. Колверт едва различал Мерсера, маячившего смутной тенью в десяти метрах под ним, на таком же расстоянии сзади виднелся Майрон. Пожалуй, это было даже каверзнее, чем спуск в абсолютной тьме раманской ночи: тогда по крайней мере лучи фонариков высвечивали хоть что-то вокруг. А теперь они словно ныряли в открытом, океане, да еще при нулевом обзоре.

Нельзя было даже угадать, далеко ли они продвинулись, — Колверт полагал, что почти до четвертого уровня, как вдруг Мерсер внезапно опять остановился. Они сгрудились вместе, и Мерсер прошептал:

— Прислушайтесь! Вы ничего не улавливаете?

— Что-то есть, — отозвался Майрон после долгой паузы. — Вроде

ветер шумит...

Колверту это отнюдь не представлялось очевидным. Он покрутил головой, пытаясь определить, в какой стороне находится источник слабого шороха, долетавшего до них сквозь туман, однако все попытки пришлось оставить из-за полной их безнадежности.

Они скользили дальше и дальше, достигли четвертой площадки и, снова тронулись в путь. Звук непрерывно усиливался, становясь назойливо знакомым. Они уже одолели почти половину четвертой лестницы, когда Майрон воскликнул:

— Ну а теперь-то вы узнаете?

Они опознали бы этот шум давным-давно, но он принадлежал к числу тех звуков, которые не отождествлялись ни с каким другим миром, кроме Земли. Откуда-то из тумана — то ли, издалека, то ли с близкого расстояния, не угадаешь — до них доносился устойчивый шум падающей воды.

Через две-три минуты облачный покров оборвался так же неожиданно, как и начался. Они вновь очутились среди слепящего блеска раманского дня, еще более яркого благодаря нависшим над головами облакам. Под ними привычно изгибалась равнина, однако сейчас ее изгиб принять было много легче — ведь полная окружность теперь не просматривалась. Не составляло труда притвориться, что видишь широкую долину, а берег моря изгибается отнюдь не вверх, а вдаль.

На пятой, предпоследней площадке они задержались, чтобы доложить по радио, что облачный слой пройден, а заодно провести тщательный осмотр местности. Насколько они могли судить, на равнине ничто не изменилось, зато здесь, под Северным куполом, Рама породил новое чудо.

Так вот где таился источник звука! Километрах в четырех от них из какого-то скрытого за облаком источника низвергался водопад; несколько долгих минут они молча взирали на него, не в силах поверить собственным глазам. Логика подсказывала им, что в этом вращающемся мире ни одно свободно падающее тело не движется по прямой, но слишком уж неестественное, чудовищно неестественное впечатление производил водопад, который, выгнувшись на параболе, уходил, на много километров в сторону от места, где должен был бы закончиться по земным представлениям.

— Родись Галилей здесь, на Раме, — заявил Мерсер наконец, — он неминуемо сошел бы с ума, пытаясь сформулировать законы динамики...

— Уж я-то думал, что знаю их, — перебил Колверт, — и то, кажется, вот-вот рехнусь. А вас, профессор, это зрелище не смущает?

— Нисколько, — ответил сержант Майрон. — Превосходная

демонстрация эффекта Кориолиса, жаль, что я не могу показать этот водопад своим студентам...

Мерсер в задумчивости перевел взгляд на опоясавшую мир ленту Цилиндрического моря.

— Обратили вы внимание, как оно изменилось?

— Как не обратить — море больше не синее, а скорее травянисто-зеленое. Что бы это значило?

— Вероятно, то же, что и на Земле. Лаура говорила, что море — органический суп, перемешайте его — и он пробудится к жизни. Именно это, видимо, и произошло.

— За какие-то два дня? На Земле это заняло миллионы лет.

— Триста семьдесят пять миллионов, согласно новейшим данным. Вот откуда, значит, берется кислород... Рама стремглав промчался сквозь анаэробную стадию к фотосинтезу — и все за сорок восемь часов. Что-то он готовит нам завтра?..

ЧТОБЫ МОРЕ ПЕРЕПЛЫТЬ

Добравшись до подножия лестницы, они пережили новое потрясение. В первый момент им показалось, что в их отсутствие кто-то обыскал лагерь, перевернув все снаряжение, а предметы помельче подобрал и унес. Но стоило присмотреться, как на смену тревоге пришла досада на самих себя.

Виновником беспорядка оказался просто-напросто ветер; хотя они перед уходом и привязали все, что не было упаковано, часть веревок, по-видимому, не выдержала напора урагана. Еще несколько дней им попадались собственные пожитки, разбросанные по равнине.

Других серьезных перемен они не обнаружили. После скоротечных весенних штормов на Раме вновь воцарилась тишина. А у края равнины спокойное море готовилось принять первый за миллионы лет корабль.

Полагалось бы разбить о борт нового судна бутылку шампанского...

— Даже если на «Индеворе» и нашлось бы шампанское, я ни за что не допустил бы подобного мотовства. Да, пожалуй, и поздновато: на воду-то мы его уже спустили...

— На плаву оно, во всяком случае, держится. Ты выиграл пари, Джимми. Расплачусь, когда вернемся на Землю...

— Надо дать нашей посудине какое-то имя. У кого есть предложения?..

Объект всех этих не слишком лестных комментариев покачивался у лесенки, исчезающей под водой. Это был небольшой плот, который составили из шести пустых складских ящиков, связанных легким металлическим каркасом. Экипажу потребовалось несколько дней, чтобы построить плот, собрать его в лагере Альфа, а затем транспортировать волоком по равнине, И вот настал час решающего испытания.

Игра стоила свеч. Загадочные башни Нью-Йорка, блистающие в лучах незакатных солнц в каких-то пяти километрах, дразнили людей с тех самых пор, как те впервые проникли в пределы Рамы. Никто не сомневался, что город — чем бы он ни оказался вблизи — представляет собой сердце этого мира. Может, им и не удастся ничего добиться, но достигнуть Нью-Йорка они обязаны.

— А корыто наше до сих пор без имени. Ваше мнение, шкипер?

Нортон рассмеялся — и вдруг стал очень серьезным.

— Имя есть. Назовем его «Резолюшн».

— С какой стати?

— Так назывался один из кораблей Кука. Это славное имя — да будет наш плот достоин его [Ссылка18](#).

Воцарилось молчание; потом сержант Барнс, давно уже назначенная ответственной за это предприятие, вызвала трех добровольцев. Подняли руку все, кто был рядом на берегу.

К сожалению, у нас лишь четыре спасательных жилета. Борис, Джимми, Питер, вам троим доводилось плавать и раньше. Назначаю вас испытателями.

Никто из присутствующих ни в малой мере не удивился тому, что Руби Барнс сейчас взяла командование на себя. Руби, единственная из всего экипажа, была дипломированным моряком дальнего плавания — это и решило дело. Она проводила гоночные тримараны через Тихий океан, и маловероятно, чтобы считанные километры воды при мертвом штиле стали для нее непреодолимым препятствием.

А что до нее — она задумала предпринять такую экспедицию с той самой секунды, как только увидела Цилиндрическое море. За тысячи лет, что человек ведет спор с водными просторами Земли, ни одному моряку не случалось столкнуться с чем-либо, хотя бы отдаленно похожим на это. Последние два-три дня в голове у Руби неотвязчиво звучал глупый детский стишок, от которого она никак не могла избавиться: «Чтобы море переплыть, надо очень храбрым быть...» Ну что же, она как раз и собирается переплыть море.

Пассажиры заняли свои места на импровизированных сиденьях — опрокинутых ведрах, — и Руби потянула за дроссель. Взревел мощный двадцатикиловаттный мотор, звеня цепной передачи слились в туманную полосу и «Резолюшн», под встревоженные крики зрителей, отдал швартовы.

Втайне Руби надеялась развить скорость до пятнадцати километров в час, но вполне удовольствовалась бы и любой цифрой выше десяти. Вдоль обрыва была отмерена дистанция ровно в полкилометра — плот прошел туда и обратно за пять с половиной минут. С учетом времени на разворот скорость оказалась равной двадцати километрам, и Руби была совершенно счастлива.

Если даже мотор откажет, то с тремя мускулистыми гребцами и таким умелым рулевым, как она, плот наберет примерно четверть предельной скорости, и они доплывут обратно до берега часа через два, не больше. Емкость одного аккумулятора была достаточной, чтобы совершить здесь,

на Раме, кругосветное путешествие, а Руби для полной уверенности взяла на борт еще два. При всей своей осмотрительности она не боялась выйти в море без компаса — туман рассеялся окончательно.

Поднявшись на берег, она отдала щегольский салют.

— Пробное плавание корабля прошло успешно, сэр. Жду ваших приказаний.

— Превосходно, адмирал. Готовы ли вы к отплытию?

— Как только припасы будут погружены на борт, и начальник гавани даст добро.

— Тогда выходим на рассвете.

— Есть, сэр!..

— Пятикилометровая водная преграда на карте выглядит не слишком значительной, но воспринимается совсем по другому, когда вы сами находитесь посреди нее. Они плыли только десять минут, а обрыв — форпост Северного континента — уже казался удивительно далеким. Однако — необъяснимая вещь — Нью-Йорк тоже вроде бы ни на йоту не приблизился...

Но, по правде говоря, они не обращали особого внимания на берега, вновь охваченные чудом Цилиндрического моря. Даже нервные шуточки, которыми они обменивались в начале плавания, — и те скоро кончились: все вокруг было чересчур необыкновенным.

«И так всегда, — внушал себе Нортон, — едва померещится, что привыкаешь, у Рамы уже наготове новое диво...» По мере того как «Резолюшн» с рокотом продвигался вперед и вперед, все чаще возникало ощущение, что они попали во впадину между исполинскими волнами, и гребни этих волн с обеих сторон нависают над головой, нависают, пока не сомкнутся жидкой аркой на шестнадцатикилометровой высоте. Вопреки доводам рассудка, вопреки всякой логике никто из путешественников не сумел избавиться от ощущения, что с минуты на минуту миллионы тонн воды могут обрушиться на них с небес.

И все же чувство опасности отступало перед чувством радостного возбуждения. Ведь непосредственной опасности не было — если, разумеется, море не припасло для них неприятных сюрпризов. А такая возможность не исключалась: Мерсер не ошибся — в море теперь кишела жизнь. В каждой пригоршне воды обитали тысячи шариков — одноклеточных организмов, сходных с теми древнейшими видами планктона, какие некогда населяли океаны Земли.

Но сходство сходством, а под микроскопом обнаруживались и непонятные отличия: у раманских микроорганизмов не было ядра, не было

и многого другого, что присуще самым примитивным формам семейной жизни. И хотя Лаура Эрнст, совмещавшая обязанности врача с научными исследованиями, со всей определенностью доказала, что эти организмы выделяют кислород, их было все-таки слишком мало, чтобы объяснить столь быстрое обогащение атмосферы.

Впоследствии Лаура установила, что число микроорганизмов быстро сокращается и что в первые послерассветные часы оно, вероятно, было много выше. Жизнь на Раме, по-видимому, сверкнула кратковременной вспышкой, повторив древнейшую историю Земли, но в триллионы раз скорее. А теперь она, похоже, исчерпала себя, и плавучие микроорганизмы постепенно растворялись в воде, возвращая накопленные химические вещества прародителю — морю.

— Если вдруг придется добираться до берега вплавь, — предупреждала доктор Эрнст мореплавателей, — плотно сожмите губы. Капелька-другая, возможно, и не сыграет роли, если сразу же ее выплюнуть. Но все эти странные соли металлоорганических соединений, да еще в ядовитой оболочке, — не хотелось бы мне искать для них противоядие...

К счастью, угроза такого рода представлялась почти неправдоподобной. «Резолюшн» мог держаться на поверхности даже в том случае, если бы два из шести ящиков-поплавков оказались пробиты. (Когда об этом сообщили Джо Колверту, он ответил невразумительной фразой: «Вспомните "Титаник"...») И даже окажись мореплаватели в воде, головы их останутся над поверхностью: на то и были предусмотрены грубые, но вполне эффективные спасательные жилеты. Как ни уклонялась Лаура от прямого ответа, но все же должна была признать, что простое погружение в море, даже на несколько часов, вряд ли окажется смертельным, однако злоупотреблять такими ваннами она не рекомендовала...

Двадцать минут равномерного движения — и город-мираж начал обретать реальность; детали, различимые прежде всего лишь в телескопы или на крупномасштабных снимках, выросли до размеров массивных, прочных сооружений. И становилось до крайности очевидным, что «город», как и многое другое на Раме, трижды повторяет сам себя: над вытянутым овальной формы основанием поднимались три одинаковых круглых комплекса циклопических зданий или конструкций. А на фотографиях, сделанных группой наблюдения сверху, было заметно, что каждый комплекс в свою очередь делится на три сектора, как пирог, разрезанный на три равные части. Это безмерно облегчало задачу исследователей; достаточно было осмотреть одну девятую часть Нью-

Йорка, чтобы представить его себе целиком. Впрочем, одна девятая тоже потребовала немало напряжения сил: попробуйте облазить более квадратного километра зданий и машин, иные из которых возносятся в высоту на сотни метров!

Искусство страховать себя трижды, рамане, судя по всему, довели до полного совершенства. Они продемонстрировали его в системе воздушных шлюзов, в конструкции лестниц, в расположении искусственных солнц. А там, где это было жизненно важно, они предприняли и следующий логический шаг. Нью-Йорк являл собой образец трижды тройной надежности.

Руби направилась в «Резолюшн» к центральному комплексу, где от воды к вершине стены, а точнее, дамбы, окружающей остров, поднималась лесенка. Вблизи лесенки удобно располагалось и некое подобие причальной тумбы: заметив ее, Руби пришла в неистовое возбуждение. Теперь-то уж она ни за что не успокоится, пока не сыщет хоть какое-нибудь суденышко, на котором рамане плавали по своему необыкновенному морю.

Нортон ступил на берег первым и, оглянувшись на товарищей, сказал:

— Пока я не поднимусь на стену, оставайтесь на плоту. По моему сигналу Питер и Борис догонят меня. Вы, Руби, будете ждать нас у штурвала, чтобы можно было отчалить в любой момент. Если со мной что-нибудь случится, доложите Карлу и следуйте его распоряжениям. Надеюсь на ваш здравый смысл — и, пожалуйста, без бравады. Понятно?

— Так точно, шкипер, желаю удачи.

Ни в какую удачу капитан Нортон, в сущности, не верил: он попросту не ввязывался ни в одно предприятие, не взвесив предварительно все возможные факторы и не обеспечив себе путь к отступлению. И вот — в который раз! — Рама вынуждал его нарушать установленные им самим правила. Здесь все или почти все факторы оставались неизвестными — он был в положении своего любимого героя, когда тот исследовал Тихий океан и Большой Барьерный риф три с половиной века назад... Да, удача, любая удача — и в главном и в мелочах — ему сейчас отнюдь не помешала бы...

Лесенка была точным повторением той, по которой они спускались к морю. Друзья Нортон, несомненно, смотрят сейчас на него в телескоп прямо через пролив. Вот когда слово «прямо» стало наконец безупречно точным: в этом направлении, строго параллельно оси Рамы, море было в самом деле идеально плоским. Наверное, во всей Вселенной не нашлось бы другого водного бассейна, отвечающего такой характеристике, — ведь на всех иных мирах любое море или озеро лежит на сферической поверхности, а следовательно, имеет выпуклую форму.

— Я уже почти наверху, — говорил Нортон, адресуясь в равной мере к записывающему устройству и к ближайшему своему помощнику, жадно слушающему этот репортаж по радио, — все по-прежнему спокойно, радиация в норме. Поднимаю счетчик как можно выше над головой на случай, если стена служит щитом от какого-то излучения. А если по другую сторону прячутся враждебные аборигены, пусть счетчик явится для них первой мишенью.

Он, конечно, шутил. И все же — зачем рисковать, если можно без труда избежать риска?

Последний шаг — и он очутился на гладком гребне дамбы. Гребень достигал метров десяти в ширину, а с внутренней его стороны уклоны и лестницы, чередуясь, вели на улицы города, протянувшиеся в двадцати метрах ниже. Он стоял как бы на крепостной стене, кольцом охватывающей Нью-Йорк, а может, смотрел на него с высокой трибуны...

Картина, которая открылась ему, была столь головокружительно сложной, что он первым делом схватился за камеру и передал панорамное ее изображение. Затем помахал своим компаньонам и сообщил по радио:

— Никаких признаков жизни, все спокойно. Поднимайтесь ко мне, начинаем осмотр.

Это был не город — это была машина. Нортон пришел к такому выводу за десять минут и не изменил своего мнения и после того, как пересек остров из конца в конец. Любой город, какова бы ни была природа его обитателей, должен предоставлять им хоть какие-то удобства — здесь не удавалось найти ничего подобного, разве что все это пряталось где-то в глубине. И даже если так — где же входы, лестницы, подъемники? Он не в силах был обнаружить ничего, хоть отдаленно напоминающего обыкновенную дверь...

Если уж искать аналогию, исходя из земных представлений, то Нью-Йорк отчасти смахивал на гигантский химический комбинат. Но в таком случае, где запасы исходного сырья, где хоть намек на транспортные средства для его перевозки? Не легче понять, куда подается готовый продукт, и тем паче — что это за продукт. Они чувствовали себя совершенно сбитыми с толку и не на шутку разочарованными.

— Есть ли у кого-нибудь какие-нибудь догадки? — спросил наконец Нортон, обращаясь сразу ко всем своим слушателям. — Если это завод, то что он производит? И откуда он берет сырье?

— У меня есть гипотеза, шкипер, — откликнулся Карл Мерсер с противоположного берега. — Предположим, что он использует морскую воду. Наш эскулап утверждает, что в ней содержится почти все известные нам элементы...

Ответ звучал вполне правдоподобно — Нортон уже и сам взвешивал в уме такую возможность. Скрытые где-то под ногами трубы могут соединять производство с морем, да что там могут — должны соединять: любой мыслимый химический процесс требует очень много воды. Но капитан не доверял правдоподобным ответам — слишком часто они оказывались неверными.

— Идея недурна. Но что делает Нью-Йорк из морской воды?

Довольно долго никто — ни на корабле, ни у шлюзов, ни на Северной равнине — не произносил ни слова. Потом раздался голос, который Нортон ожидал услышать меньше всего:

— Но это же просто, шкипер. Только, боюсь, вы поднимете меня на смех...

— И не подумаем, Рэви. Говори смело.

Кто-кто, а сержант Рэви Макэндрус, старший стюард и попечитель супершимпанзе, в нормальных условиях никогда не позволил бы себе связаться в научный спор. Собственный его КИ был скромным, а знания весьма умеренными, однако он был отнюдь не дурак и обладал прирожденной смекалкой, достойной всяческого уважения.

— Ну что же, это и в самом деле завод, и вполне возможно, что море поставляет ему сырье... В конце концов, именно так было и у нас на Земле, хотя и в несколько другом смысле... По-моему, Нью-Йорк — завод, изготавливающий раман.

Кто-то хихикнул, но тут же прикусил язык и предпочел не называть себя.

— Знаешь, — сказал капитан, помолчав, — твоя теория достаточно безумна, чтобы оказаться правильной. И я, пожалуй, не хотел бы, чтобы она подтвердилась... по крайней мере до тех пор, пока мы не переберемся обратно на «большую землю».

В ширину небесный Нью-Йорк был почти таким же, как остров Манхэттен, но по планировке не имел с ним ничего общего. Прямолинейные артерии встречались редко, их заменяла путаница коротких концентрических дуг, соединенных между собой радиальными спицами. К счастью, заблудиться внутри Рамы было практически нельзя: один взгляд на небо — и направление оси на север — юг определялось с полной непреложностью.

Чуть ли не на каждом перекрестке они останавливались, чтобы выполнить очередную панорамную съемку. Разложи эти сотни панорам по порядку — и будет несложно, хотя, пожалуй, и скучновато, воссоздать точную модель города в любом масштабе. И что получится? Нортон сильно подозревал, что, над этой головоломкой ученые будут корпеть столетиями.

Над Нью-Йорком висела тишина, и вынести ее здесь, казалось, еще труднее, чем на равнине. Город-машина обязан был издавать хоть какие-то шумы, и тем не менее — ни намек на гудение электрических проводов, ни шороха, сопровождающего механическое движение. Несколько раз Нортон прикинул ухом к мостовой или к стене здания и сосредоточенно вслушивался. Но не мог различить ничего, кроме стука собственного сердца.

Машины спали — не работали на холостом ходу, а именно спали. Проснутся ли они когда-нибудь — и если да, то зачем? Как и везде, все здесь содержалось в полном порядке, И верилось, что достаточно замкнуть одну-единственную цепь в каком-нибудь потаенном многотерпеливом

компьютере, как весь этот лабиринт заново пробудится к жизни.

Когда они наконец вышли к дальнейшей границе города, то опять поднялись наверх круговой дамбы и увидели южный пролив. Нортон долго не мог отвести взгляд от пятисотметрового утеса, который отсекал от них почти половину Рамы — и, судя по данным телескопической разведки, более вычурную и разнородную ее половину. Под таким углом утес выглядел зловеще, угрожающе черным — напрашивалось сравнение с тюремной стеной, оцепившей целый континент. И нигде по всей ее окружности не видно было ни лестницы, ни какого-либо иного пути наверх.

«Ну а как сами рамане, — подумал он, — как они добирались из Нью-Йорка до своего Южного материка?» Допустим, по системе тоннелей подо дном моря, но у них наверняка существовали воздушные суда — в городе немало открытых пространств, которые можно использовать как посадочные площадки. Найти хоть бы один раманский экипаж — это стало бы огромным достижением, особенно если удалось бы научиться управлять им. (Однако мыслимо ли, чтобы мотор заработал после простоя, длившегося сотни тысяч лет?) Многие сооружения вокруг выглядят как ангары или как гаражи, но все они гладкостенные, без окон, будто облитые непрозрачным пластиком. «Рано или поздно, — добавил Нортон про себя в мрачной решимости, — Рама вынудит нас применить взрывчатку или лазеры...» Но он давно уже знал, что не отдаст такого приказа, пока не исчерпает все другие возможности.

Упорное нежелание прибегнуть к грубой силе было продиктовано отчасти самолюбием, а отчасти страхом. Нортону никак не хотелось прослыть техническим варваром, который попросту сокрушил то, чего не понял. В конце концов, он пришел в этот мир незванным гостем и должен вести себя соответственно.

Что же касается страха — выражение, пожалуй, было слишком крепким, слово «осторожность» нравилось капитану гораздо больше. Ведь рамане, кажется, предусмотрели все, и он отнюдь не жаждал выяснить, какие меры они приняли, чтобы оградить свою собственность от посягательств. Но на «большую землю» сегодня придется вернуться с пустыми руками.

Лейтенант Джеймс Пэк был самым младшим из всех офицеров «Индевора» и вышел в дальний космический рейс лишь в четвертый раз в жизни. Он был честлюбив и ожидал повышения, в то же время допустил серьезное нарушение устава. Неудивительно, что ему понадобилось определенное время на то, чтобы собраться с духом.

Обстоятельства вынуждали Пэка сыграть ва-банк — проигрыш означал для него большие неприятности. Он рисковал не только карьерой, но, быть может, и головой. Правда, в случае выигрыша он стал бы героем. Однако ни один из приведенных доводов в последнем счете не повлиял бы на лейтенанта, если бы не уверенность, что упусти он свой шанс — и потом ему до самой смерти не избавиться от душевных мук. В конце концов он обратился к капитану с просьбой принять его для личной беседы, однако от колебаний это его не избавило.

«Что-то уготовано мне на сей раз?» — спросил себя Нортон, уловив нерешительность на лице юного офицера. Он еще не забыл своего щекотливого разговора с Борисом Родриго; ну нет, с Джимми ничего подобного не произойдет. Джимми никак не может оказаться религиозным — помимо служебных обязанностей, его обычно интересовали лишь два предмета: спорт и любовь, желательно в сочетании друг с другом.

«Едва ли речь у нас пойдет о спорте, — решил Нортон, — но не дай Бог о женщине...» В своей капитанской практике он уже встречался с любыми каверзными ситуациями, кроме единственной — ни одна из женщин «Индевора» еще не рожала в полете. Острили на эту тему без счета, но не рожали никогда, возможно, впрочем, что исправить свою промашку для них лишь дело времени...

— Ну, Джимми, выкладывай, что у тебя?

— У меня идея, командир. Я придумал, как добраться до Южного континента, даже до Южного полюса.

— Слушаю. Так как же?

— Мм... по воздуху.

— Джимми, я уже выслушал по крайней мере пять предложений на этот счет — больше, если считать сумасбродные проекты, переданные с Земли. Мы пытались реконструировать наши ранцевые реактивные

двигатели, но сопротивление воздуха делает всю затею безнадежной. Топлива не хватает даже на десяток километров.

— Знаю. Но у меня возникла другая мысль...

Поведение лейтенанта Пэка являло собой забавную смесь совершенной уверенности в себе и плохо скрытой нервозности. Нортон это окончательно сбивало с толку: что же такое, черт побери, так разволновало мальчишку? Без сомнения, Джимми уже достаточно знал своего командира, чтобы понимать, что ни одно разумное предложение не будет поднято на смех.

— Ну продолжай, продолжай. Если из твоей идеи выйдет толк, я позабочусь, чтобы твое повышение стало свершившимся фактом...

Но и это полушутливое обещание не подействовало в той мере, в какой ожидал Нортон. Джимми вяло улыбнулся, несколько раз раскрывал рот и тут же смолкал и наконец решил подойти к вопросу окольным путем.

— Вам известно, командир, что в прошлом году я выступал на Лунных Олимпийских играх?

— Разумеется. Жаль, что не одержал победы.

— Аппарат подвел, но я понял, в чем загвоздка. И мои друзья на Марсе втайне сконструировали для меня новый аэропед. Мы хотели преподнести болельщикам сюрприз...

— На Марсе? Вот уж не думал...

— Немногие это знают — спорт там еще внове, летают только на спортодроме Ксанте. Но лучшие спецы по аэродинамике живут именно там: если аппарат способен летать в марсианской атмосфере, то в любой другой он полетит и подавно. Короче, если марсиане при их сноровке сделали бы мне новую машину, то уж на Луне она не подкачала бы — ведь сила тяжести на Луне еще вдвое ниже...

— Пока все вполне ясно, но какое это имеет отношение к нам?

Нортон и сам начал догадываться какое, но хотел помочь Джимми выпутаться из сложного положения.

— Я вошел в долю с несколькими друзьями из Лоуэлл-Сити, и они построили аэропед для высшего пилотажа, внося в конструкцию ряд усовершенствований, до каких пока никто не додумывался. При лунном тяготении, под Олимпийским куполом, это произвело бы сенсацию...

— И ты завоевал бы золотую медаль.

— Надеюсь.

— Давай проверим, правильно ли я тебя понял. Аэропед, предназначенный для Лунных Олимпийских, то есть для одной шестой g, еще лучше показал бы себя в условиях Рамы, где тяготения нет вообще. И

ты мог бы пролететь вдоль оси от Северного до Южного полюса и обратно.

— Вот именно. Полет в одну сторону занял бы часа три, если без остановки. Но разумеется, можно и отдыхать, если захочется, — достаточно держаться вблизи оси...

— Идея великолепная, поздравляю. Жаль, что аэропеды не входят в состав стандартного космического снаряжения.

Казалось, у Джимми начисто вылетели из головы все слова. Он опять несколько раз подряд открывал рот, но безрезультатно.

— Ладно уж, Джимми. Прости мое нездоровое любопытство, и не для протокола, — как ты ухитрился протащить эту штуку на борт?

— Мм... по статье «Грузы для отдыха экипажа».

— Ну что ж, хоть не соврал. А как насчет веса?

— Всего двадцать килограммов.

— Всего? Хотя, честно сказать, не так плохо, как я опасался. Даже удивительно, как тебе удалось уложиться в двадцать килограммов.

— Иные аэропеды весили по пятнадцать, но оказывались слишком хрупкими и при разворотах складывались пополам. Со «Стрекозой» такого случиться не может. Я уже говорил — она создана для высшего пилотажа.

— «Стрекоза». Хорошее название. Теперь рассказывай, как применить ее здесь. Тогда мне легче будет решить, представить ли тебя на повышение или отдать под суд. А может, и то и другое.

ПРОБНЫЙ ПОЛЕТ

«Стрекоза» — название было действительно подходящее. Длинные, суживающиеся к концам крылья оставались почти невидимыми, пока свет не падал на них под строго определенным углом. Словно мыльный пузырь обернули вокруг изящного узора несущих поверхностей — маленький летательный аппарат окружала органическая пленка толщиной лишь в четыре-пять молекул, но достаточно прочная для того, чтобы контролировать и направлять воздушные потоки на скоростях до пятидесяти километров в час.

Пилот — он же силовая установка и навигационное устройство — сидел слегка откинувшись, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, на крохотном сиденье, установленном в центре тяжести аппарата. Управление осуществлялось при помощи одной-единственной ручки, которую можно было двигать вперед и назад, вправо и влево, а единственным «прибором» в распоряжении летчика была тесемка с гирькой, закрепленная на передней кромке крыла и указывающая примерное направление ветра.

Как только аэропед доставили внутрь Рамы и собрали, Джимми Пэк стал на страже, не позволяя никому прикоснуться к своему детищу. Неуклюжее движение могло бы оборвать любую из тоненьких тяг, связывающих конструкцию воедино, а блистающие крылышки притягивали к себе любопытные пальцы точно магнитом. Слишком трудно было поверить, что они в самом деле вещественны...

Наблюдая за Джимми, влетающим на сиденье своей машины, капитан Нортон поневоле усомнился в успехе всего предприятия. Достаточно хотя бы одной проволочной тяге лопнуть, когда «Стрекоза» окажется по ту сторону Цилиндрического моря, и Джимми никогда не вернется назад, даже если сумеет благополучно совершить посадку. Они нарушают едва ли не самый священный завет исследователей космоса: человек отправляется в неизведанный мир в полном одиночестве, и случись что-нибудь, никто не сможет ему помочь. Оставалось лишь искать утешения в том, что Джимми все время будет у них на виду и на двусторонней связи, и, если он попадет в беду, они точно узнают, когда и в какую.

И тем не менее шанс был слишком драгоценным, чтобы его упустить: верь капитан в бога или в судьбу, он мог бы сказать, что не хочет прогневить их, отказавшись от уникальной возможности достичь дальней стороны Рамы, присмотреться вблизи к тайнам Южного полюса. А Джимми — Джимми знал, на что идет, лучше, чем кто бы то ни было из экипажа. Да, риск существовал, но встречаются обстоятельства, когда не рисковать просто нельзя, таковы уж правила игры. Никому еще не удавалось никогда не проигрывать...

— Слушайте меня внимательно, Джимми, — обратилась к пилоту Лаура Эрнст. — Важнее всего для вас не допустить переутомления. Помните, кислорода вблизи оси все еще маловато. Если собьетесь с дыхания, немедленно стоп. И сразу несколько глубоких-глубоких вдохов — и так полминуты, но не дольше...

Джимми рассеянно кивал, проверяя рули. Смонтированные в едином блоке на конце пятиметровой стрелы позади кабины-недомерка, они послушно шевельнулись на шарнирах; щитки элеронов, врезанных в середину крыльев, задвигались попеременно вверх и вниз.

— От винта! — воскликнул Джо Колверт, неспособный отрешиться от воспоминаний о военных фильмах двухсотлетней давности. — Зажигание! Контакт!..

Вероятно, никто, кроме Джимми, даже отдаленно не представлял себе, о чем идет речь, но разрядить напряжение Колверту все же удалось.

Медленно, очень медленно Джимми принялся жать на педали. Широкие и тонкие, словно папиросная бумага, лопасти винта — как и крылья, блестящая пленка на хрупком каркасе — приподнялись и повернулись. Сделав несколько оборотов, лопасти совершенно исчезли — и «Стрекоза» взлетела.

Сначала она шла строго по прямой, постепенно перемещаясь вдоль оси Рамы. Отдалившись на двести-триста метров, Джимми бросил педали; странно было видеть аппарат явно аэродинамических форм недвижно висящим в воздухе. Такое случилось, пожалуй, впервые за всю историю авиации, разве что в ограниченных масштабах тот же эффект наблюдался на самых крупных космических станциях.

— Ну и как, слушается? — осведомился Нортон.

— Маневренность неплохая, устойчивость так себе. Но я догадался, в чем дело, — здесь «Стрекоза» ничего не весит. Лучше спуститься километром ниже...

— Постой, постой, а не опасно ли это?

Потеряв высоту, Джимми утратит главное свое преимущество. Пока он

держится точно на оси, он — и «Стрекоза» вместе с ним — остаются полностью невесомыми. Он может зависнуть на месте, не затрачивая усилий, может при желании даже поспать. Но едва он сдвинется с оси вращения Рамы, вновь неизбежно проявится действие центробежной силы. И потому, если он не сумеет держаться на заданной высоте, он будет падать — и в то же время набирать вес. Процесс пойдет с нарастающей скоростью и закончится скорее всего катастрофой. Сила тяжести внизу на равнине вдвое выше той, на какую рассчитана «Стрекоза». Можно еще надеяться, что Джимми сумеет благополучно посадить машину, но взлететь он уже не сможет наверняка.

Однако сам пилот взвесил все обстоятельства и ответил довольно уверенно:

— С одной десятой я справлюсь без хлопот. Да и вести машину в более плотном воздухе отнюдь не трудней, а легче.

«Стрекоза» описала в небе пологую неторопливую спираль и поплыла вниз к равнине, примерно следуя изгибу лестницы Альфа. Если смотреть под углом, крохотный аэропед был почти невидимым, казалось, что Джимми уселся прямо в воздухе и знай себе яростно крутит педали. Время от времени он двигался рывками до тридцати километров в час, потом сбрасывал скорость до полной остановки, проверяя чувство руля, прежде чем разогнаться снова. И внимательно следил за тем, чтобы сохранять безопасную дистанцию от вогнутого торца Рамы.

Вскоре стало очевидным, что на меньших высотах «Стрекоза» слушается куда лучше: она теперь не крутилась как попало, а шла вполне устойчиво, неся крылья параллельно равнине, что лежала в семи километрах внизу. Джимми заложил несколько широких виражей и начал взбираться обратно. В конце концов он завис метрах в десяти над поджидающими его товарищами — и тут слегка поздновато осознал, что не вполне понимает, как посадить свое сотканное из паутины суденышко.

— Бросить тебе веревку? — спросил Нортон полушутя, полусерьезно.

— Не надо, шкипер, я должен как-то выкарабкаться сам. На той стороне мне никто не поможет.

Минуту он сидел, соображая, затем принялся пододвигать «Стрекозу» к цели короткими сильными рывками. В промежутках между ними аэропед послушно тормозил — сопротивление воздуха тут же гасило инерцию. Когда расстояние сократилось до пяти метров и «Стрекоза» снова двинулась вперед, Джимми неожиданно покинул свой корабль. Он в прыжке дотянулся до ближайшего из страховочных канатов, опоясывающих площадку у оси, ухватился за него и повернулся как раз

вовремя, чтобы принять подплывающий аэропед руками. Маневр был выполнен столь безупречно ловко, что вызвал аплодисменты.

— Следующим номером... — начал Джо Колверт.

Джимми поспешил отречься от всякой славы.

— Это была нечистая работа, — оповестил он. — Зато теперь я знаю, как поступить. Возьму с собой присоску на двадцатиметровом шнуре — тогда смогу пристать в любой точке, где заблагорассудится.

— Дайте-ка мне руку, Джимми, — вмешалась Лаура. Эрнст, — и подуйте в этот мешок. Придется также сделать анализ крови. Не было ли вам трудно дышать?

— Только на высоте оси. Слушайте, а зачем вам понадобилась моя кровь?

— Содержание сахара — по нему я смогу определить, сколько энергии вы потратили. Нужно проверить, хватит ли у вас сил на задуманное путешествие. Между прочим, каков мировой рекорд продолжительности полета на аэропед?

— Два часа двадцать пять минут три и шесть десятых секунды. Установлен, разумеется, на Луне — по двухкилометровому кругу под Олимпийским куполом.

— И вы полагаете, что продержитесь шесть часов?

— Запросто — ведь я смогу отдыхать, когда захочу. На Луне летать по меньшей мере вдвое труднее, чем здесь.

— Ладно, Джимми, идем в лабораторию. Один анализ — и сразу же станет ясно, разрешу я вам вылет или нет. Не люблю давать преждевременных обещаний, но, по-моему, вы справитесь.

Довольная улыбка расплылась по лицу Джимми, вытесняя наигранное спокойствие. Следуя за старшим корабельным врачом к воздушному шлюзу, он бросил через плечо:

— Пожалуйста, держите руки подальше. Мне вовсе не хочется, чтобы кто-нибудь проткнул крыло кулаком.

— Я лично пригляжу за этим, Джимми, — пообещал капитан. — «Стрекоза» объявляется неприкосновенной для всех, включая меня самого.

Подлинный размах предстоящего приключения как-то не доходил до самого Джимми Пэка, пока он не достиг берега Цилиндрического моря. Вплоть до этой минуты он летел над знакомой территорией; в случае любой поломки, кроме по-настоящему катастрофической, он всегда мог совершить посадку и пешком вернуться на базу за несколько часов.

Теперь такая возможность отпала. Окажись он в море, он, вполне очевидно, утонет в его ядовитых водах — не самая приятная смерть. И даже приземлившись он благополучно, но на Южном континенте товарищи, пожалуй, не успеют спасти его, прежде чем «Индевору» придется расстаться с Рамой, выходящим на окоლოსолнечную орбиту.

В то же время он отчетливо сознавал, что предвидимые несчастья — отнюдь не самые вероятные. Абсолютно неисследованный район, над которым ему предстояло пройти, мог преподнести сколько угодно сюрпризов: вдруг, допустим, там обитают летающие создания, которым его вторжение придется не по нутру? Он ничуть не жаждал схватиться врукопашную с какой бы то ни было тварью крупнее голубя. Два-три удачных удара клювом — и «Стрекоза» с ее аэродинамикой развалится ко всем чертям.

Однако кто не рискует, тот не выигрывает, и какое же это приключение, если оно не сопряжено с риском? Миллионы мужчин были бы счастливы поменяться с ним сейчас местами. Он ведь держит путь не просто туда, куда никто не попадал, а туда, куда никто и не попадет. Он останется первым и единственным в истории человеком, посетившим южные области Рамы. И если из глубин сознания вдруг начнет подниматься страх, не лишне будет напомнить себе об этом.

Он уже привык восседать в центре мира, охватывающего его со всех сторон. Поскольку он отклонился на два километра от центральной оси, у него выработались четкие понятия «верха» и «низа». «Земля» была в шести километрах под ногами, арка неба — в десяти километрах над головой. «Город» Лондон висел где-то вблизи зенита, зато Нью-Йорк оставался на своем «законном месте» — впереди прямо по курсу.

— «Стрекоза», — забеспокоилась группа наблюдения, — вы теряете эшелон [Ссылка19](#). Две тысячи двести от оси.

— Спасибо, — ответил Джимми. — Набираю высоту. Дайте мне знать, когда вновь будет ровно две тысячи.

За этим надлежало следить не переставая. Аэропед имел вполне естественную тенденцию терять высоту, а у пилота не было приборов, чтобы определить потерю. Слишком удалившись от оси, он уже не сможет вернуться обратно в невесомость. К счастью, пределы, в которых отклонение не сказалось бы роковым образом, были довольно широки, и за продвижением «Стрекозы» непрерывно наблюдали в телескоп.

Над открытым морем он крутил педали с тем расчетом, чтобы выдержать постоянную скорость двадцати километров в час. Через пять минут он окажется над Нью-Йорком — остров уже стал похож на корабль, без усталости бороздящий воды Цилиндрического моря.

Долетев до Нью-Йорка, он описал над ним круг, то и дело притормаживая, чтобы с помощью миниатюрной телекамеры передать на «Индевор» четкое и устойчивое изображение острова сверху. Панорама зданий, башен, заводских цехов, электростанций — или как там их называть — была завораживающей, но начисто лишённой смысла. Камера уловит куда больше деталей, чем глаза, и в один прекрасный день, — быть может, годы спустя — какой-нибудь студентик возьмет да и отыщет в них ключ к секретам Рамы.

Дальнюю половину моря, за Нью-Йорком, он пересек всего за четверть часа. Не отдавая себе в том отчета, он летел над водой быстрее, а достигнув южного берега, помимо воли расслабился, и скорость тут же заметно упала. Может, он и вторгся на враждебную территорию, но по крайней мере находился над сушей.

Едва перелетев исполинский утес, замыкающий море с юга, он обвел телекамерой побережье по всей его окружности.

— Великолепно! — отозвалась группа наблюдения. — Картографы умрут от счастья. Как чувствуете себя?

— Хорошо, чуть-чуть устал, но не более того. Далеко ли еще до полюса?

— Пятнадцать и шесть десятых километра.

— Сообщите мне, когда останется десять, тогда я немного отдохну. И проследите, чтобы я не терял высоту. Километрах в пяти от цели мне предстоит опять подняться к оси...

Через двадцать минут мир начал смыкаться вокруг него: он прошел основную часть пути и попал в пределы южной полусферы. Джимми, бывало, часами разглядывал этот дальний конец Рамы в телескоп и знал его топографию наизусть. И тем не менее оказалось, что к подобному зрелищу

подготовиться загодя невозможно.

Почти во всех отношениях Северный и Южный полюсы Рамы были разительно не похожи друг на друга. Здесь, на юге, не было ни величественной триады лестниц, ни узких концентрических площадок, ни вогнутого, устремленного к равнине склона. Их заменял расположенный по оси чудовищный пик протяженностью более пяти километров. Вокруг него равномерно размещались шесть вполовину меньших пиков, и вся конструкция напоминала компанию сталактитов замечательно правильной формы, свисающих со свода пещеры. Или, если предпочесть противоположную точку зрения, остроконечные пагоды камбоджийского храма.

Связывая эти стройные конусообразные пики между собой и плавно изгибаясь вниз к цилиндрической равнине, от них во все стороны отходили навесные опоры, с виду достаточно прочные, чтобы выдержать тяжесть целого мира. И не исключено, что именно таково и было их назначение — если правы те, кто видел в конструкциях Южного полюса контуры какого-то необыкновенного двигательного устройства.

Лейтенант Пэк осторожно приблизился к центральному пику, метров за сто до него отпустил педали и дал «Стрекозе» плыть по инерции до полной остановки. Проверил, нет ли излучений, но обнаружил лишь обычный для Рамы слабый радиационный фон. Возможно, здесь действовали силы, неуловимые для созданных человеком приборов, но подобный риск также был совершенно неизбежен.

— Что видите? — встревоженно спросила группа наблюдения.

— Просто-напросто рог, большой и абсолютно гладкий, никаких отметин, а кончик острый, как игла. Чуть не в дрожь бросает, когда подумаешь о том, чтобы подойти поближе...

Шутил ли он? Он и сам не знал. Никак не укладывалось в сознании, что столь массивный объект может заканчиваться таким идеальным острием. Джимми вспомнил, как коллекционеры нанизывают на булавки насекомых, и ему стало не по себе от мысли, что его дороговую «Стрекозу» может постичь та же участь.

Он опять слегка нажал на педали, продвигаясь вдоль пика, и притормозил только тогда, когда гигантский рог утолщился до четырех-пяти метров в диаметре. Открыв небольшой контейнер, Джимми бережно извлек оттуда шарик размером с бейсбольный мяч и метнул этот шарик в сторону пика. Удаляясь, шарик потянул за собой чуть заметную леску.

Присоска шлепнулась о мягко выгнутую поверхность и не отскочила. Опыта ради Джимми подергал за леску, а потом рванул ее посильнее.

Словно рыбак, подтаскивающий свою добычу к лодке, он сматывал леску, подводя «Стрекозу» к верхушке Большого рога, как он удачно окрестил центральный пик. Сматывал до тех пор, пока не сумел коснуться рога рукой.

— Наверное, при желании это можно назвать посадкой, — доложил он группе наблюдения. — На ощупь вещество напоминает стекло, трения почти нет, но чувствую слабое тепло. Присоска сработала отлично. Попробуем с микрофоном..., посмотрим, удержится ли он..., так, включаю..., слышно вам что-нибудь?

Последовала долгая пауза, и наконец кто-то из группы наблюдения ответил недовольным тоном:

— Ни черта не слышно, кроме обычных термальных шумов. Стукните по нему какой-нибудь железкой. По крайней мере узнаем, полый ли пик внутри.

— Сделано. Что дальше?

— Мы просили бы вас пролететь вдоль конуса, передавая обзорные панорамы через каждые полкилометра. Обращайте внимание на все необычное. Затем, если сочтете неопасным, можете перелететь к одному из малых рогов. Но только в том случае, если будете уверены, что вернуться в невесомость не составит труда.

— Три километра от оси — сила тяжести чуть выше лунной. «Стрекоза» на это и рассчитана. Просто надо будет приналечь посильнее.

— Джимми, говорит капитан. Я передумал. Судя по переданным тобой кадрам, малые пики ничем не отличаются от большого. Отними их как можно детальнее длиннофокусным объективом. Покидать район низкой гравитации не разрешаю — разве что увидишь что-то из ряда вон выходящее. Тогда свяжись со мной снова.

— Слушаюсь, шкипер, — отвечал Джимми, пожалуй, с некоторым облегчением в голосе. — Остаюсь вблизи Большого рога. Продолжаю движение.

Чувство было такое, будто он падает почти отвесно в узкую долину, зажатую меж невероятно высоких островерхих гор. Большой рог возносился уже на километр над ним, а шесть малых рогов угрожающе топорщились справа и слева. Лабиринт опор и висячих арок, окружающий склоны у основания, приближался все быстрее, и он поневоле усомнился в том, сумеет ли «Стрекоза» найти место для посадки среди этих циклопических сооружений. Садиться непосредственно на Большой рог теперь не представлялось возможным: сила его притяжения в этой расширенной части была слишком велика.

Чем ближе подлетал он к Южному полюсу, тем больше напоминал себе воробышка, затерявшегося под сводами огромного собора, — но ведь ни один из всех когда-либо построенных соборов не достигал и сотой доли таких размеров. Джимми мимоходом подумал даже, не занесло ли его действительно в храм или в некое подобие храма, но тут же отогнал эту мысль. Нигде на Раме они не встретили никаких намеков на художественное самовыражение, все было предельно функциональным. Может, рамане, познав тайны Вселенной, не вдохновлялись более мечтами и стремлениями, движущими человечество?

Мысль была жутковатой и отнюдь не свойственной Джимми, который не отличался философским складом ума, Он понял, что должен срочно выйти на связь и доложить обстановку своим далеким друзьям.

— Повторите, «Стрекоза», — ответила группа наблюдения. — Вас не поняли, повторите. Сильные помехи...

— Повторяю: нахожусь у подножия Малого рога номер шесть, собираюсь выбросить присоску и подтянуться поближе.

— Поняли лишь частично. Вы меня слышите?

— Прекрасно слышу. Повторяю: слышу вас хорошо.

— Прошу провести отсчет.

— Раз, два, три, четыре...

— Поняли плохо. На пятнадцать секунд дайте маяк, потом возобновляйте голосовую связь.

— Пожалуйста...

Джимми включил индивидуальный радиомаяк, способный указать местонахождение своего владельца где бы то ни было в пределах Рамы, и сосчитал про себя до пятнадцати. Когда пришло время вновь подать голос, он жалобно спросил:

— Что происходит? Теперь-то вы меня слышите?

Очевидно, у противоположного полюса ничего не слышали, поскольку оператор вместо ответа попросил на пятнадцать секунд включить телекамеру. Вопрос повторяли еще дважды, чтобы из наушников наконец донеслось:

— Рады, что хоть вы слышите нас. Джимми, но у вас там творится что-то очень странное. Судите сами.

Он услышал по радио знакомый писк собственного маяка, повторенный в записи. Секунду-другую писк был совершенно нормальным — и вдруг начал претерпевать дикие искажения. Свист с частотой во много тысяч герц прервался густым пульсирующим рогом слышимости, каким-то свербасом, в пении которого различалась каждая отдельная вибрация. И

это искажение в свою очередь подвергалось искажениям: бас нарастал и стихал, нарастал и стихал примерно каждые пять секунд.

Джимми даже в голову не пришло усомниться в исправности своего передатчика. Гул проникал извне, но откуда и почему, он не мог себе и представить.

Группа наблюдения знала не больше, но по крайней мере предложила хоть какое-то объяснение.

— Мы думаем, что вы попали в очень сильное поле неизвестного происхождения, — скорее всего магнитное, с частотой порядка десяти герц. Поле настолько интенсивно, что может представлять опасность. Предлагаем немедленно возвращаться — не исключено что действие поля имеет лишь местный характер. Включите снова свой маяк, а мы будем ретранслировать его вам. Тогда вы сами услышите когда удастся выйти из зоны помех.

Джимми поспешно оторвал присоску, отказавшись от мысли о новой посадке. Он повел «Стрекозу» обратно по широкой спирали, прислушиваясь к звуку, трепещущему в наушниках. И буквально через несколько метров интенсивность помех начала быстро падать, группа наблюдения угадала — звук был четко локализован.

Он задержался на миг на последнем рубеже, где еще различал слабое биение, отдававшееся глубоко под черепом. Так невежественный дикарь мог бы вслушиваться в гудение могучего трансформатора. Но даже дикарь, наверное, догадался бы, что звук, который он слышит, — лишь побочное следствие работы титанических сил, полностью контролируемых, но выжидающих своего часа...

Что бы ни означал этот звук, Джимми был рад от него избавиться. Ошеломляющие конструкции Южного полюса не самое подходящее окружение для того, чтобы в одиночестве внимать голосу Рамы.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ВЕТЕР

Повернуть-то он повернул, но северный конец Рамы казался таким чудовищно далеким... Даже исполинские лестницы различались как тусклый трилистник, едва нацарапанный на замыкающем мир куполе. А лента Цилиндрического моря представлялась широким грозным барьером, готовым проглотить «Стрекозу», если ее хрупкие крылья, словно крылья Икара, не оправдают надежд.

Однако Джимми один раз уже покрыл без затруднений это расстояние, и хотя ощущал теперь легкое утомление, но полагал, что беспокоиться больше не о чем. Он даже не притрагивался пока ни к пище, ни к воде и был слишком возбужден, чтобы отдыхать. На обратном пути он сможет расслабиться и не торопиться. Ободряла и мысль о том, что дорога домой будет для него на двадцать километров короче, чем дорога от дома: надо лишь перетянуть через море и — можно идти на вынужденную посадку в любой точке Северного континента. Как ни досадно было бы добираться пешком, как ни жаль бросить «Стрекозу» на произвол судьбы, но получить дополнительную гарантию безопасности все равно приятно.

Он набирал высоту, поднимаясь вдоль склона центрального пика; остроконечная вершина Большого рога все еще торчала в километре впереди, и подчас лейтенант почти физически ощущал ее как ось, вокруг которой вращается целый мир.

Он почти поравнялся с вершиной, когда его пронизало другое странное чувство, вернее предчувствие, но с явным оттенком физического, а не просто психологического дискомфорта. Ни с того ни с сего припомнилась — отнюдь не прибавив бодрости — вычитанная где-то фраза: «Некто бродит над вашей могилой...»

Джимми попытался стряхнуть с себя подавленность и продолжал равномерно крутить педали. Само собой разумеется, он не собирался докладывать группе наблюдения о таких пустяках, как смутное недомогание, но оно упорно усиливалось, побуждая его выйти на связь. Невероятно, чтобы недомогание такой силы было чисто психологическим: если да, то мозг лейтенанта Пэка обладал способностями, о которых его хозяин и не подозревал. По коже ползли мурашки — буквально по каждой ее клеточке...

Обеспокоенный всерьез, он остановился в воздухе и принялся обдумывать ситуацию. Самое странное заключалось в том, что тяжкое давящее ощущение не воспринималось как абсолютно новое: где-то когда-то он уже испытывал подобное, только где и когда?

Он осмотрелся. Ничто не изменилось. От верхушки Большого рога его отделяли все те же двести-триста метров, дальняя сторона Рамы все также перекрывала небо. В восьми километрах под ногами все тем же лоскутным одеялом стелился Южный континент, полный чудес, каких никогда более не увидят глаза человека. И во всей этой беспредельно чуждой, но уже знакомой картине он, не улавливал никаких причин для беспокойства.

Что-то пощекотало тыльную сторону ладони, сначала он решил, что это насекомое, и попытался не глядя смахнуть его. Но, не завершив движения, спохватился и замер, слегка сконфуженный. В самом деле, откуда взяться насекомым на Раме?

Потом он поднял руку и начал ее разглядывать: как ни удивительно, а щекотка не проходила. Тут-то он и заметил, что каждый отдельный волосок на запястье стоит дыбом. И не только на запястье, но и выше до самого предплечья, и точно также на голове — стоило коснуться висков, чтобы убедиться в этом.

Так вот в чем дело! Он находится в электрическом поле огромной напряженности; тяжкое чувство подавленности, которое он испытывал, сродни тому, какое бывает подчас на Земле перед грозой...

В тот миг, когда Джимми внезапно осознал всю сложность своего положения, он едва не поддался панике. Никогда прежде он не встречался лицом к лицу со столь непосредственной угрозой для жизни. Как и любому космонавту, ему случалось переживать неприятные минуты, когда подводило оборудование, когда вследствие ошибки или по неопытности та или иная ситуация оценивалась — чаще всего необоснованно — как смертельно опасная. Но ни один из таких эпизодов не продолжался дольше трех-пяти минут, а обычно страхи исчезали почти мгновенно и оставалось лишь посмеяться над ними.

На этот раз мгновенного выхода не было. Джимми чувствовал себя слишком одиноким и незащищенным в этом вдруг оскалившемся враждей небе, в царстве титанических сил, готовых разрядить свой гнев с секунды на секунду. «Стрекоза», и без того достаточно хрупкая, теперь казалась эфемерной, как осенняя паутина. Первый же удар надвигающегося шторма разнесет ее в клочья...

— Группа наблюдения, — позвал он испуганно. — Вокруг меня накапливаются статические заряды. По-моему, вот-вот разразится гроза...

Не успел он докончить фразу, как позади что-то сверкнуло; он сосчитал до десяти — и его нагнал сухой грохот. Три километра — значит, вспышка произошла в районе малых рогов. Оглянулся и увидел, что каждая из шести игл-верхушек охвачена пламенем. Разряды по двести-триста метров длиной танцевали на остриях вершин, словно рога были гигантскими громоотводами.

То, что происходило позади, могло в любой момент и с большим размахом начаться и в районе большого пика. Лучшим решением в таких обстоятельствах было убраться подальше от опасного соседства на вольный простор. Он принялся крутить педали еще сильнее, с предельной скоростью, какую только могла выдержать «Стрекоза». Одновременно он стал терять высоту — пусть это означало, что он вступает в область более высокой гравитации, он соглашался идти на риск. Восемь километров от земли — цифра слишком суровая для того состояния духа, в каком он сейчас находился.

Зловещая черная вершина Большого рога была пока еще свободной от видимых разрядов, но Джимми не сомневался, что она в свою очередь накапливает чудовищный электрический потенциал. Позади то и дело слышались новые удары грома, перекатывающиеся, казалось, по всему континенту. Джимми пришло на ум, что это до крайности странно — шторм посреди ясного неба; потом он понял, что к метеорологии это явление никакого отношения не имеет. Скорее всего просто утечка энергии из источника, скрытого где-то в глубине южного торца Рамы. Но почему такая утечка началась именно сейчас? И другой вопрос, еще серьезнее: *что дальше?*

Наконец он оставил вершину позади и уже надеялся, что скоро будет вне досягаемости для любых разрядов. Однако теперь он столкнулся с другой проблемой: в воздухе возникли завихрения, управлять «Стрекозой» стало намного труднее. Откуда-то — вернее, ниоткуда — налетел ветер, и если ветер еще усилится, хрупкому каркасу аэропеда придется плохо. Джимми мрачно налегал на педали и пытался компенсировать толчки, меняя силу тяги и наклон туловища. Отчасти ему удавалось справиться с задачей — ведь «Стрекоза» была как бы продолжением его самого, — но ему вовсе не нравился протестующий скрип лонжеронов, не нравилось и то, как вздрагивают концы крыльев при каждом порыве ветра.

Беспокоил его и слабый, неровный, но постепенно нарастающий звук, который шел, пожалуй, со стороны Большого рога. Словно газ под большим давлением сочился из вентиля — интересно, не с этим ли звуком связаны завихрения, с которыми боролась «Стрекоза»? Так или иначе, а

оснований для тревоги было более чем достаточно.

Время от времени Джимми, торопясь и задыхаясь, докладывал группе наблюдения о том, что творится вокруг. Никто не мог ничего ему посоветовать, никто не догадывался, что происходит, но он находил утешение хотя бы в том, что слышал голоса друзей, которых ему, возможно, никогда уже не придется увидеть.

Воздушные потоки текли все стремительнее. Он будто попал в реактивную струю — однажды на Земле он изведal это острое ощущение в погоне за рекордом на высотном планере. Но откуда взялась реактивная струя здесь, на Раме?

Стоило Джимми точно сформулировать вопрос — и сразу пришел ответ.

Звук, наполняющий все вокруг, — это электрический, уносящий прочь чудовищную ионизацию, которая скапливается вблизи Большого рога. Заряженные частицы воздуха выбрасываются в пространство вдоль оси, а сюда, в область низкого давления, снизу поступают новые. Он опять оглянулся на исполинскую, и теперь вдвойне опасную, иглу: не удастся ли определить границы бури на глаз? Вероятно, лучшей тактикой здесь будет полет «на слух» — уходить как можно дальше от зловещего свиста.

Но принять еще одно решение он не успел — Рама опередил его. За спиной Джимми, заслонив небо, встала стена пламени. Времени у него осталось ровно столько, чтобы увидеть, как стена разделилась на шесть огненных лент — от вершины Большого рога к каждому из малых. А затем последовал страшный удар.

Едва Джимми Пэк успел радировать: «Крыло переламывается.., я падаю.., я падаю!», как «Стрекоза» начала грациозно складываться вдвое. Левое крыло с треском лопнуло точнехонько пополам, и внешняя половина не спеша поплыла прочь, словно опавший лист. С правым крылом случилось нечто еще более невообразимое. Оно надломилось и вывернулось у самого основания под таким острым углом, что запуталось концом в хвостовом оперении. Джимми теперь сидел верхом на раненом мотыльке, неотвратно падающем с небес.

И все-таки он не был совершенно беспомощен: винт все еще вращался, и, пока у пилота не иссякли силы, он отчасти сохранял контроль над положением. Но в его распоряжении оставалось не больше пяти минут.

Была ли у него хоть малейшая надежда добраться до моря? Нет, оно лежало слишком далеко. Потом он сообразил, что до сих пор не отрешился от земных представлений: пловец он хороший, но, прежде чем его спасут, пройдут часы, а тем временем ядовитые воды преспокойно убьют его. Единственный для него шанс заключался как раз в том, чтобы сесть на сушу; о проблеме отвесного южного утеса он подумает позже — если понятие «позже» не утратит для него всякий смысл.

Падал он медленно — в этой зоне сила тяжести равнялась лишь одной десятой g , но по мере удаления от оси падение неизбежно ускорится. Соппротивление воздуха еще более усложнит картину, однако, может статься, спасет его от слишком опасных ускорений. «Стрекоза», даже неуправляемая, сработает как грубый парашют. А те десять килограммов тяги, которые он добавит к ее собственным усилиям, возможно, как раз и окажутся решающими в схватке между жизнью и смертью. Решающими, как он надеялся, в пользу жизни.

Группа наблюдения хранила молчание: друзья видели, что произошло с Джимми, и понимали, что словами здесь не поможешь. Ему предстоял летный маневр, самый хитроумный во всей его практике. «Жаль, — подумал он» с мрачным юмором, — что мало зрителей и некому оценить мое искусство по достоинству...»

Он шел вниз по широкой кривой, и, пока удавалось удерживать аэропед от резкого крена, шансы на выживание оставались довольно

высокими. Педалями он помогал «Стрекозе» сохранять определенные летные качества, хотя и боялся нажимать в полную силу, чтобы сломанные крылья не оторвались окончательно. И каждый раз, когда его поворачивало лицом на юг, он мог воздать должное фантастическому представлению, которое Рама устроила в его честь.

Струи молний по-прежнему били с вершины Большого рога в более низкие пики, но теперь — теперь они еще и вращались! Шестизубая огненная корона раскручивалась против хода вращения Рама — один оборот за те же несколько секунд. Джимми почудилось, что он наблюдает в действии исполинский электромотор, и, пожалуй, он был не далек от истины.

Он прошел уже полпути к равнине, продолжая спуск по плоской спирали, когда фейерверк неожиданно иссяк. Джимми физически ощутил, как спало напряжение, висевшее в воздухе, и знал не глядя, что волосы уже не стоят торчком. Хотя в эти последние минуты ничто не отвлекло его, не мешало ему бороться за жизнь.

Как только ему стало ясно, в какой примерно зоне он упадет, Джимми принялся внимательно ее изучать. Большая часть района представляла собой как бы шахматную доску с клетками, решительно непохожими одна на другую, словно какому-то сумасшедшему садовнику дали полную свободу действий, нет, приказали воплотить в натуре все, что может быть подсказано больным воображением. Квадраты размером приблизительно километр на километр, всевозможных цветов и структур, были, как правило, гладкими, но твердыми ли? Джимми решил повременить с выбором до последней минуты — если, конечно, у него останется хоть какой-нибудь выбор.

На высоте порядка трехсот метров он послал друзьям прощальный привет.

— Все еще сохраняю минимальную устойчивость.., сяду через полминуты, потом вызову вас снова.

Оптимизм его был наигранным, и все это знали. Но он категорически не мог произнести: «Прощайте», он хотел, чтобы товарищи слышали: Джимми не поддастся страху, он борется до конца.

И действительно, он почти не чувствовал страха, чему немало удивлялся сам — он никогда не считал себя особенным храбрецом. Словно он со стороны наблюдал за поступками совершенно незнакомого человека и лично в них никак не участвовал. Вернее, словно ему предложили хитрую задачу из области аэродинамики, и он решал ее, подставляя различные параметры и экспериментально проверяя, что получается.

Единственным сохранившимся чувством было смутное сожаление об утраченных надеждах — и о главной из них, о предстоящих Лунных Олимпийских играх. При любом исходе борьбы одно было несомненным: никогда уже «Стрекозе» не показать свою прыть на Луне.

Осталось сто метров, посадочная скорость казалась приемлемой, но не слишком ли быстро он снижается? Ему повезло — участок попался абсолютно ровный. Теперь вложить все силы в финальный рывок... внимание... пошел!..

Правое крыло, исполнив свой долг, наконец отлегло у самого основания. «Стрекоза» начала опрокидываться, и он попытался удержать ее в равновесии, бросив тело в противоположную сторону. Его глаза были устремлены на вогнутый свод ландшафта в шестнадцать километрах над головой, когда путешествие окончилось.

Невероятно и несправедливо, но небесный свод оказался на поверку твердым, как камень.

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Первое, что он ощутил, приходя в себя, — жестокую головную боль. Он почти обрадовался ей: по крайней мере она доказывала, что он еще жив.

Затем он попробовал шевельнуться и убедился, что болит буквально все — болевые ощущения поражали своим разнообразием. Но, насколько он мог судить, явных переломов не было.

Наконец, он рискнул открыть глаза и тут же зажмурился снова: выяснилось, что он уставился прямехонько на полосу света, перечеркивающую потолок. Вряд ли подобное зрелище можно было рекомендовать как лекарство от головной боли.

Он все еще лежал, восстанавливая силы и размышляя, не пора ли вновь взглянуть на окружающий мир, когда услышал где-то совсем неподалеку громкий хруст. Он медленно-медленно повернул голову к источнику звука, посмотрел — и едва снова не впал в беспамятство.

В каких-то пяти метрах от него огромный зверь, похожий на краба, с аппетитом пожирал останки бедной «Стрекозы». Когда Джимми слегка оправился от шока, он неторопливо и бесшумно откатился подальше от чудовища, поневоле ожидая, что оно вот-вот унюхает более лакомую пищу и запустит в него свои когти. Однако краб почему-то не удостоил человека вниманием, и, увеличив дистанцию до десяти метров, Джимми осторожно приподнялся и сел.

С такого расстояния зверь уже не казался порождением кошмара. Длинное плоское тело двухметровой длины и метровой ширины покоилось на шести суставчатых лапах по три сочленения в каждой. Джимми ошибся, сочтя, что чудовище решило пообедать «Стрекозой», — пристальный осмотр не обнаруживал даже подобия пасти. В действительности оно старательно разрезало аэропед на части, используя когти как ножницы. А манипуляторы, мучительно похожие на крохотные человеческие руки, непрерывно собирали обрезки и складывали у зверя на спине — там их уже накопилась целая куча.

Но полноте, зверь ли это? Первое впечатление было именно таково, а теперь Джимми стал теряться в догадках. В движениях краба чувствовалась целеустремленность, свидетельствующая о довольно высоком уровне интеллекта, да и зачем животное, руководимое слепым

инстинктом, стало бы собирать измельченные части аэропеда — разве что для своего логовища?

Не в силах отвести взгляд от краба, который по-прежнему совершенно его игнорировал, Джимми с трудом поднялся на ноги. Сделав несколько неуверенных шагов, он убедился, что может ходить, но отнюдь не был уверен, что обгонит шестиногое диво. Затем он включил рацию, даже не задав себе вопроса, будет ли она работать. Если катастрофа не расплющила его самого, то электронные печатные схемы такой катастрофы вообще не заметили.

— Группа наблюдения, — тихо позвал он. — слышите меня?

— Слава богу! Ты жив?

— Жив, хотя меня и тряхнуло. Взгляните-ка на эту картинку...

Он направил телекамеру на краба — как раз вовремя, чтобы снять того за уничтожением «Стрекозы».

— Это что за дьявольщина? И почему оно решило закусить твоим аэропедом?

— Хотелось бы знать! Со «Стрекозой» оно уже покончило. Я, пожалуй, отойду — а вдруг оно захочет взяться за меня...

Джимми постепенно отступал, ни на секунду не спуская с краба глаз. Тот двигался теперь вкруговую, по все расширяющейся спирали, видимо, разыскивая случайно пропущенные обломки, и впервые предоставил Джимми возможность осмотреть себя со всех сторон.

Оправившись от первоначального потрясения, лейтенант пришел к выводу, что столкнулся со зверюгой прямо-таки красивым. Название «краб», которое он дал ему не думая, было, пожалуй, не вполне точным: не будь эта тварь столь непомерно велика, ее лучше бы, наверное, именовать жуком. Панцирь у нее отливал чудесным металлическим блеском — Джимми, в сущности, готов был поклясться, что это именно металл и ничто другое.

Любопытная идея: а что, если краб — вовсе не зверь, а робот? Он пристально взглянул на шестиногого с этой новой точки зрения, анализируя в деталях его строение. На месте рта был набор манипуляторов, живо напомнивший Джимми большой многоцелевой перочинный нож — мечту всякого уважающего себя мальчишки: клещи, щупы, напильники и даже нечто похожее на сверло. Но все это еще ничего не доказывало. Земные насекомые тоже владеют подобными инструментами — и множеством других. Зверь или робот? Оба предположения оставались по-прежнему равновероятными.

Глаза, которые могли бы, кажется, разом решить проблему, тем не

менее лишь осложняли ее. Они были так глубоко утоплены под защитными выростами, что никак не позволяли судить о свойствах их линз — кристаллических либо студенистых. К тому же они были лишены всякого выражения, хотя светились поразительно ясной голубизной. Несколько раз они устремлялись прямо на Джимми, но и тогда в них не мелькало ни искорки интереса. По мнению самого Джимми, пожалуй, слегка предвзятому, такое поведение отнюдь не свидетельствовало о могучем уме. Любое создание — животное или робот, — способное не заметить человека вблизи, нельзя считать чересчур смышленным.

Краб наконец перестал описывать круги и на секунду-другую замер на месте, будто прислушиваясь к некоему безмолвному голосу. Затем он пустился прочь, смешной походкой враскачку, примерно в направлении моря. Двигался он по идеальной прямой с постоянной скоростью четыре-пять километров в час и прошел уже метров двести, прежде чем Джимми, еще не совсем оправившийся от контузии, сообразил, что негодная тварь уносит с собой все, что осталось от его возлюбленной «Стрекозы». Сообразил, вознегодовал и бросился в погоню.

Поступок этот не был совершенно бессмысленным. Краб двигался к морю — спасение, если оно вообще возможно, придет именно с этой стороны. И отнюдь не безынтересно попутно узнать, как намерено чудовище распорядиться своим трофеем, — это прольет определенный свет на мотивы его действий и уровень развития.

Тело все еще болело, ноги не слушались, и понадобилось целых пять минут, чтобы нагнать целеустремленно вышагивающего краба. Некоторое время Джимми держался на почтительном расстоянии, пока не удостоверился, что тот не возражает против преследования. Собственно, именно тогда лейтенант заметил в куче обломков «Стрекозы» свой пищевой рацион и фляжку с водой — и сразу почувствовал острый голод и жажду.

Подумать только — от него со скоростью пешехода уносили всю пищу и все питье, какие имелись налицо в этой половине мира! Не считаясь с риском, он должен был снова завладеть ими.

Он осмотрительно приблизился к крабу сзади справа. Держась наравне с «противником», пригляделся к сложному ритму ног, пока не получил точного представления, где окажется любая из них в каждый следующий момент. Проведя такую подготовку, Джимми сдавленно пробормотал: «Извините», и молниеносным броском выхватил свою собственность из кучи. Ему и во сне не снилось, что в один прекрасный день придется обучаться искусству кражи, и успешное ее завершение привело его в

восторг. Вся операция не заняла и секунды, а краб даже не замедлил шага.

Джимми отскочил на десяток метров, смочил губы из фляжки и принялся жевать ломтик мясного концентрата. Одержанная им пусть маленькая, но победа резко подняла его настроение; теперь он мог позволить себе даже призадуматься о невеселом будущем.

Пока живу — надеюсь [Ссылка20](#); и тем не менее он не видел путей к собственному спасению, совсем не видел. Допустим, его товарищи переплывут море, но он-то как доберется до них, как преодолет полукилометровый утес? «Мы что-нибудь придумаем, — обещала группа наблюдения. — Утес не может тянуться вокруг всего мира, хоть где-нибудь да есть разрыв...» — «Почему же не может?» — едва не ответил он, но вовремя прикусил язык.

Одна из самых примечательных особенностей Рамы заключалась в том, что, куда бы вы ни держали путь, вы всегда ясно видели цель своего назначения. Изгиб поверхности здесь ничего не прятал, а, напротив, выявлял. И Джимми довольно скоро понял, куда направляется краб: впереди на склоне — изогнутая поверхность казалась склоном — виднелась яма поперечником в полкилометра. На Южном континенте таких ям насчитывалось три, судить об их глубине на расстоянии было невозможно. Их назвали по именам самых известных лунных кратеров, и теперь он приближался к «Копернику». Название выбрали не совсем удачно: здесь не было ни кольцевых возвышенностей, ни центрального пика. «Коперник» представлял собой просто-напросто глубокую шахту, а может быть, колодец с вертикальными стенками.

Подойдя поближе и заглянув через край, Джимми различил на глубине где-то около пятисот метров лужицу неприветливой серо-зеленой воды. Полкилометра — значит, вода стоит на уровне моря; интересно, сообщаются ли колодец и море между собой?

Завиваясь в спираль, к воде вел наклонный спуск, утопленный в стенке колодца; у Джимми мелькнула мысль, что он заглянул в нарезной ствол исполинского ружья. Нарезка делала немалое число витков. Джимми попытался проследить их, отсчитал с десяток оборотов, сбился — и только тут понял, что видит не один, а три независимых спуска, развернутых по отношению друг к другу на 120 градусов. В любом другом мире это показалось бы редкостным архитектурным излишеством — в любом, только не на Раме.

Все три спуска косо вонзались в воду и исчезали под ее мутноватым зеркалом. Впрочем, чуть ниже поверхности Джимми приметил выходы каких-то темных тоннелей или пещер, выглядели эти темные норы

довольно мрачно, и он еще задал себе вопрос, обитаемы ли они. Что если рамане — земноводные?..

Когда краб приковылял к краю колодца, Джимми решил, что тот намерен спуститься по виткам и, может статься, предъявить обломки «Стрекозы» некоему высшему существу, способному оценить их. Вместо этого зверь просто подошел к обрыву, не колеблясь свесил почти половину панциря над бездной, хотя ошибка буквально в несколько сантиметров могла оказаться для него роковой, и резко встряхнулся всем телом. Обломки «Стрекозы» посыпались, подрагивая, вниз, а у Джимми на глазах выступили невольные слезы. «Вот тебе и разумная тварь...» — горько подумал он.

Избавившись от ноши, краб внезапно повернулся и двинулся прямо на Джимми, который стоял всего-то в десятке метров. «Неужто и меня туда же?» — изумился он. Оставалось надеяться, что камера не слишком дрожала в его руках, когда он наводил ее на приближающееся чудовище.

— Что посоветуете? — нерешительно спросил он у группы наблюдения, по правде говоря, не надеясь на толковый ответ.

Утешением, хотя и небольшим, служило сознание, что он входит в историю, и он спешно перебрал в памяти рецепты, выработанные на случай подобной встречи. Все они до этого самого дня были чисто теоретическими. Ему первому выпало проверить их на практике.

— Не беги, пока не удовлетворишься, что он настроен враждебно, — шепнули далекие друзья.

«А куда бежать?» — спросил себя Джимми. Разумеется, он обставил бы эту тварь на стометровке, но на дальней дистанции она наверняка загонит его.

Не торопясь, Джимми вытянул навстречу крабу обе руки. Вот уже добрые два века люди спорили целесообразен ли такой жест, повсюду ли во Вселенной его истолкуют как «Смотрите, я безоружен»? Но увы, лучшего никто так и не предложил.

А краб — краб вообще не реагировал на дружеский жест, даже не замедлил шага. Не удостоив Джимми вниманием, он прошествовал мимо и с деловым видом направился на юг. Понимая, что остался в дураках, полномочный представитель провожал его взглядом, а герой несостоявшегося первого контакта удалялся по раманской равнине, безразличный к человеку и к его разочарованию.

За всю свою жизнь Джимми не испытывал такого унижения. Потом на помощь ему пришло врожденное чувство юмора. В конце концов не велика беда не удостоиться приветствия со стороны одушевленной

мусоросборочной машины. Было бы хуже, если бы она вознамерилась обнять его как долгожданного брата...

Он вернулся к кромке «Коперника» и уставился в мутные воды. На этот раз он заметил, что там, в глубине, лениво снуют какие-то зыбкие тени, иные из них весьма солидных размеров. Вот одна из теней переместилась к ближайшему спиральному спуску, и наверх поползло нечто похожее на многоногий танк. По скорости движения Джимми вычислил, что на подъем танку потребуется около часа; если танк и являл собой угрозу, то надвигалась она крайне медленно.

Чуть позже у выходов из темных нор, что прятались под самой поверхностью, мелькнула другая тень, более быстрая. Что-то стремительно метнулось вдоль нарезки, но он не сумел ни разглядеть это «что-то», ни хотя бы понять, какие оно имеет очертания. Словно там внизу пронесся небольшой смерч, пылевой столб величиной с человека.

Джимми зажмурился и потряс головой. Когда он открыл их снова, видение исчезло.

Вероятно, падение потрясло его сильнее, чем он предполагал, — до сих пор он не страдал галлюцинациями. Группе наблюдения он на всякий случай не сказал ни слова. Но и исследовать спиральные спуски, на что уже почти отважился, тоже не стал. Решил не расходовать понапрасну энергию.

Вращающийся фантом, который ему привиделся, отношения к этому не имел. Ни малейшего отношения — во что, во что, а в призраки Джимми не верил.

Напряжение вызвало жажду, и Джимми остро осознал, что вокруг нет пригодной для питья воды. На том, что оставалось во фляжке, он продержится, быть может, неделю, но, собственно, зачем? Лучшие умы Земли вскоре станут биться над «проблемой Джимми»; капитана Нортон, вне всякого сомнения, забросают проектами. Но сам он, как ни тщился, не мог найти способа спуститься по срезу полукилометрового утеса. Даже будь у него веревка такой длины, к чему ее привязать?

И все-таки глупо — и не по-мужски — сдаваться без борьбы. Всякая возможная помощь может прийти только со стороны моря, и он будет двигаться в ту сторону, а попутно делать свое дело, словно ничего не случилось. Ведь никто и никогда больше не увидит и не сфотографирует территорию, по которой ему предстоит пройти, и одно это уже гарантирует ему память в веках. Он, конечно, предпочел бы иные, прижизненные блага, но уже лучше посмертная слава, чем вообще ничего.

Если бы он мог летать, как погибшая «Стрекоза», от моря его сейчас отделяло бы всего три километра, но подойти к морю по прямой — задача вряд ли выполнимая: некоторые участки впереди представляют собой слишком серьезное препятствие. Однако маршрутов в его распоряжении сколько угодно. И Джимми мог в любой момент окинуть их взглядом: вот они, расчерчены перед ним как на гигантской карте, с обеих сторон уходящей ввысь и вдаль.

Времени ему не занимать, и начнет он с самого интересного, даже если это уведет его от кратчайшего пути. Примерно в километре вправо простирался квадрат, сверкающий так, будто его усыпали осколками стекла или драгоценными камнями. Мысль о последних, пожалуй, и подстегнула Джимми. Даже приговоренный к смерти не может не проявить известного интереса к тысячам квадратных метров драгоценностей.

Впрочем, он не слишком огорчился, выяснив, что заманчивый блеск создают всего-навсего кристаллы кварца. Зато клетка рядом оказалась намного примечательнее: ее сплошь покрывали пустотелые металлические колонны, расположенные без всякого видимого порядка, но очень близко друг к другу. Высоты они были самой различной — одни не достигали и метра, другие вытянулись с трехэтажный дом. Пройти между ними нечего

было и надеяться — не всякий танк смог бы пробраться сквозь эти заросли труб.

Двигаясь между квадратом, покрытым кристаллами, и квадратом с колоннами. Джимми вышел на перекресток. Теперь квадрат по правую руку напоминал ковер или гобелен из крученой пряжи — Джимми попытался оторвать хотя бы ниточку, но не сумел. По левую руку располагалась мозаика из шестигранных плиток, плотно пригнанных друг к другу. Она казалась бы монолитной, не окрась рамане плитки во все цвета радуги. Джимми потратил немало времени в поисках двух сопредельных плиток одного цвета — хотел узнать, различима ли граница между ними, — но не нашел ни одного случая подобной небрежности.

Передавая панораму перекрестка, он пожаловался группе наблюдения:

— Ну, а вы-то хоть что-нибудь понимаете? У меня чувство, словно я заперт в гигантском лабиринте. Или это раманская картинная галерея?

— Мы озадачены не меньше твоего, Джимми. Пока что мы не замечали, чтобы рамане интересовались искусством. Но не будем спешить с выводами — подождем, понаблюдаем еще...

Квадраты, лежащие за следующим перекрестком, ничего не прояснили. Один был совершенно пуст — жесткая гладкая поверхность безликого серого цвета. Второй — заполнен мягким губчатым веществом, усеянным миллионами и миллионами крошечных пор. Джимми попробовал его ногой, и вещество тут же омерзительно колыхнулось.

На очередном перекрестке его поджидало нечто, поразительно похожее на вспаханное поле, с бороздами одинаковой метровой глубины, а материал, по которому они шли, имел насечки наподобие напильника или рашпиля. Но он не обратил особого внимания на этот квадрат, потому что квадрат рядом дразнил воображение, как ни один из предыдущих.

Наконец-то он встретил нечто доступное пониманию — и вместе с тем вызывающее нешуточное беспокойство.

Этот квадрат был обнесен забором, настолько заурядным, что на Земле Джимми не удостоил бы его повторным взглядом. Метрах в пяти друг от друга стояли столбики — очевидно металлические, — а между ними тянулись шесть рядов туго натянутой проволоки.

За первым забором следовал второй — двойник первого, а дальше и третий. Новый типичный образчик надежности по-рамански: что бы ни содержали в этом загоне, оно ни при каких обстоятельствах не вырвалось бы на свободу. Входа вообще не было — никаких ворот, которые можно распахнуть, чтобы ввести животное или животных, — предполагаемых узников. Зато в центре квадрата темнела дыра, копия «Коперника», только

сильно уменьшенная.

Даже при других обстоятельствах Джимми, вероятно, не колебался бы, а сейчас ему просто нечего было терять. Он быстро перемахнул через все три забора, подошел к дыре и заглянул в нее.

Не в пример «Копернику», этот колодец достигал в глубину лишь пятидесяти метров. На дне виднелись жерла трех тоннелей, достаточно широких, чтобы пропустить слона. И все.

Присмотревшись, Джимми решил, что вся конструкция может означать только одно: дно колодца представляет собой подъемник. Но для кого предназначен этот подъемник, он наверняка не узнает никогда, хотя нетрудно догадаться, что «кто-то» очень велик и, похоже, очень опасен.

За последующие три-четыре часа он прошагал параллельно берегу моря более десяти километров, и клетки шахматной доски начали сливаться в его сознании. Были квадраты, от края до края накрытые ячеистым проволочным тентом, словно гигантские вольеры для птиц. Попадались и другие, напоминающие застывшие озера со вмержшими в след водоворотами: осторожно потрогав «лед», Джимми убедился, что он чрезвычайно прочен. А один квадрат был совершенно черным, черным настолько, что цвет уже не воспринимался глазом и только осязание доказывало, что пространство заполнено веществом.

И наконец вновь встретился вариант, доступный разумению. Вытянувшись одно за другим, к югу простирались — другого слова не подобрать — поля. Будто Джимми очутился на какой-то экспериментальной земной ферме: перед ним, квадрат за квадратом, лежала ровная, хорошо взрыхленная почва, первая, какую ему довелось увидеть среди металлических пейзажей Рамы.

Огромные поля были девственными, безжизненными, истомившимися по зерну, которого никогда не питали. Джимми искренно удивился: зачем они, ведь не может же быть, чтобы рамане, достигшие таких высот развития, всерьез интересовались агротехникой; даже на Земле сельское хозяйство являлось теперь не более чем хобби да еще служило поставщиком некоторых дорогих экзотических продуктов. Но он мог поклясться, что это именно фермы, и притом старательно подготовленные к севу. Никогда и нигде не встречал Джимми почвы столь чистой на вид: каждый квадрат был накрыт упругой пленкой прозрачного пластика. Он попытался прорезать пленку и добыть образец почвы, но его нож лишь оставил на пленке чуть заметный след.

Дальше вглубь еще и еще тянулись поля, и на многих из них красовались сложные конструкции из прутьев и проволоки,

предназначенные, видимо, для поддержки вьющихся растений. Выглядели эти конструкции унылыми и заброшенными, как деревья без листьев в середине зимы. И правда, поля познали действительно долгую и жестокую зиму, и выпавшие им сейчас немногие недели света и тепла были только краткой передышкой перед новым ее приходом...

Джимми и сам не понял, что заставило его вдруг остановиться и пристально взглянуть в уходящие на юг металлические дебри. Наверное, его мозг продолжал подсознательно отмечать все, что происходит вокруг; именно мозг скомандовал «стоп», когда в фантастически враждебном окружении появилось нечто невозможное.

За четверть километра от Джимми, в глубине проволочных шпалер, сверкала одинокая цветная искорка. Она была так мала и неприметна, так неразлично далека, что на Земле никто не обратил бы на нее внимания. И тем не менее одной из причин, по которым он вообще заметил эту искорку, было, без сомнения, то, что она напоминала о Земле...

Он не сообщал ни слова группе наблюдения до тех пор, пока не убедился, что не ошибается и не принимает желаемое за действительное. Только когда до цели остались буквально считанные метры, он наконец поверил, что жизнь — настоящая, неоспоримая жизнь — все-таки сумела прорваться в бесплодный асептический мир Рамы. Здесь, на задворках Южного континента, в гордом одиночестве рос прекрасный цветок.

Приблизившись, Джимми понял со всей очевидностью, что в расчеты раман вкралась нечаянная ошибка. В оболочке, защищавшей квадрат от проникновения непрошенных форм жизни, образовалась дыра. И сквозь нее пробился зеленый стебель толщиной с мизинец, обвивший одну из шпалерных стоек. На мертвой высоте стебель взрывался букетом синеватых листьев, очень похожих на перья, — Джимми не видел таких ни у одного из знакомых растений. А на уровне глаз стебель венчало то, что лейтенант поначалу принял за один цветок. Теперь он рассмотрел без особого удивления, что на самом деле это три цветка, плотно прильнувших друг к другу.

И лепестки были вовсе не лепестки, а ярко окрашенные трубки сантиметров по пять длиной; в каждом соцветии их насчитывалось не меньше пятидесяти, и они переливались такой металлической синевой, амарантом и зеленью, что напоминали скорее уж крылья бабочки, чем подданных растительного царства. Познания Джимми в ботанике равнялись практически нулю, но и он был озадачен полным отсутствием чего-либо похожего на тычинки и пестики. Ему даже пришло в голову, что сходство с земными цветами — не более чем совпадение: может стать,

перед ним дальний родственник колонии полипов. Так или иначе, строение цветка вроде бы подразумевало существование мелких летающих насекомых, хотя оставалось неясным, зачем они нужны растению — то ли для опыления, то ли в качестве пищи.

Но какое это, в сущности, имело значение! Каким бы ни оказалось строго научное определение, для Джимми это был просто цветок. Незъяснимое чудо, распутившееся вопреки всем ухищрениям раман, цветок напомнил юному пилоту о том, чего он, вероятно, никогда уже не увидит, и Джимми твердо решил завладеть им.

Легко решить — труднее выполнить. До цветка оставалось более десяти метров, и на этих метрах располагалась решетчатая конструкция из тонких прутьев. Получалась как бы череда полых кубиков со стороной около сорока сантиметров, а то и меньше. Не будь Джимми худым и гибким, он не летал бы на аэропедах, и проползти сквозь перекрестья решетки ему удастся. А вот выбраться назад — другое дело: развернуться в ее тенетах немислимо, так что возвращаться придется задним ходом.

Группа наблюдения пришла в восхищение, когда он описал цветок и заснял его во всех возможных ракурсах. Никто не возразил и когда он сообщил: «Полезу, сорву». Он и не ожидал возражений: жизнь его теперь всецело принадлежала ему самому, он был вправе распорядиться ею, как заблагорассудится.

Он снял с себя всю одежду, ухватился за гладкие металлические прутья и принялся ужом ввинчиваться между ними. Со всех сторон его сжали тугие тиски, он чувствовал себя словно арестант, протискивающийся сквозь решетку в оконце камеры. Забравшись в частокол с ногами, он сделал попытку сдвинуться назад, просто ради того, чтобы проверить, реально ли это. Да, движение назад было намного сложнее — приходилось не подтягиваться на вытянутых руках, а отталкиваться ими, — сложнее, однако отнюдь не невозможно.

Джимми был человеком порыва, человеком действия, никак не склонным к самоанализу. Извиваясь в тесном строе прутьев, он не тратил времени на раздумья о том, что толкнуло его на столь донкихотский поступок. До сих пор он не интересовался цветами, а сейчас тратил остатки сил в погоне за одним-единственным цветком.

Разумеется, этот цветок был уникальным, представлял собой неизмеримую научную ценность. Но если разобраться, Джимми рвался к нему только потому, что цветок напоминал о живой природе, о родной планете. Тем не менее, когда осталось лишь протянуть руку, чтобы коснуться его, Джимми внезапно испытал приступ неуверенности. Ведь

цветок был наверняка единственным во всем исполинском пространстве Рама — вправе ли он, Джимми, сорвать его?

Если бы лейтенант стал искать оправданий, он утешил бы себя мыслью, что сами рамане в своих планах не предусматривали этого цветка. Чистейшая игра случая, которая совершилась к тому же на тысячелетия позже или на тысячелетия раньше, чем нужно. Но Джимми не искал оправданий, колебания его оказались мимолетными. Он протянул руку, сжал стебель и рванул на себя.

Цветок подался довольно легко; Джимми сорвал еще парочку листьев, а затем медленно пополз сквозь решетку назад. Одна рука у него теперь была занята, это еще более осложняло задачу, двигаться стало не только трудно, но и больно, и он вскоре приостановился, чтобы передохнуть. Именно тогда он и заметил, что листья-перья начали съеживаться, а обезглавленный стебель медленно раскручивался со шпалер. Не то зачарованный, не то испуганный, Джимми понял, что растение постепенно уходит в почву, как смертельно раненная змея, заползающая обратно в нору.

«Я убил красоту», — упрекнул себя Джимми. Но в конце концов Рама посягнул на его собственную жизнь! И сейчас он лишь взял то, что принадлежало ему по праву.

Капитан Нортон никогда не терял людей и не имел намерения открывать счет потерям. Еще до того, как Джимми вылетел к Южному полюсу, капитан уже изыскивал пути его спасения в случае аварии, однако задача оказалась столь трудной, что к ней так и не нашлось ответа. Все, чего удалось добиться, — это безжалостно забраковать предлагаемые решения.

Как вскарабкаться по полукилометровому отвесному утесу, пусть даже при пониженной гравитации? С соответствующим снаряжением и сноровкой это, видимо, довольно легко. Но на борту «Индевора» не было альпинистских скальных пистолетов, и никто не додумался, каким другим способом вогнать в твердую, зеркально-гладкую поверхность сотни стальных клиньев — а меньшим числом было не обойтись.

Нортон рассматривал и другие фантастические проекты, иные из них граничили с безумием. Допустим, обезьяна, снабженная присосками на лапах, сумела бы забраться наверх. Но даже если это в принципе осуществимо, сколько дней уйдет на то, чтобы изготовить и испытать нужное снаряжение, а главное, научить обезьяну пользоваться им? У человека же на подобное восхождение просто не хватит сил.

Привлечь на помощь технику? Напрашивалась мысль использовать ранцевые реактивные двигатели, но они предназначались для условий невесомости и давали слишком слабую тягу. Справиться с притяжением, даже с таким умеренным, как на Раме, да еще и поднять человека они не могли.

Однако нельзя ли запустить ранцевый двигатель в автоматическом режиме с грузом — бухтой спасательного каната? Нортон высказал такую идею сержанту Майрону, и тот не замедлил разнести ее вдребезги. Возникнут сразу же, указал Майрон, серьезные трудности со стабилизацией; их, конечно, можно преодолеть, но на это потребуется время — гораздо больше времени, чем у них осталось.

Ну а воздушный шар? Здесь проглядывалась какая-то зыбкая возможность — если бы они придумали, из чего соорудить оболочку и как создать не слишком громоздкий источник тепла. Во всяком случае, воздушный шар был единственной надеждой, которую Нортон еще не

успел отбросить к моменту, когда проблема из чисто теоретической превратилась в вопрос жизни и смерти и заняла главенствующее место в сводках новостей во всех населенных мирах.

Пока Джимми путешествовал вдоль берега моря, добрая половина всех безумцев Солнечной системы лихорадочно изобретала, как его спасти. Штаб космического флота принимал и рассматривал любые предложения и примерно одно из тысячи передавал на «Индевор». Предложение, с которым выступил Карлайл Перера, было передано дважды — через сеть Службы Солнца и непосредственно через Планетком от имени Комитета по проблемам Рамы. Ученому это предложение стоило пяти минут раздумий и одной миллисекунды компьютерного времени.

Капитан Нортон решил было, что это шутка весьма дурного толка. Затем прочитал имя отправителя, увидел приложенные расчеты и поспешно их проверил, после чего вручил послание Карлу Мерсеру.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он самым обыденным тоном.

Карл быстро пробежал радиограмму глазами.

— Будь я проклят! Он прав, разумеется.

— Ты уверен?

— Он оказался прав на счет шторма, не так ли? Ей-ей, мы и сами могли бы догадаться об этом. Теперь я поневоле чувствую себя дураком.

— Могу составить тебе компанию. Следующий вопрос — как сообщить эту новость Джимми?

— По-моему, не надо ничего сообщать до самой последней минуты. Будь я на его месте, я определенно предпочел бы молчание. Скажи ему просто, что мы плывем.

Хотя Джимми без труда охватывал взглядом всю ширину Цилиндрического моря и представлял себе примерно направление, откуда ждать «Резолюшн», он не мог различить крохотное суденышко до тех пор, пока оно не миновало Нью-Йорк. Не верилось, что оно способно выдержать шесть человек да еще какое-то снаряжение для спасательных работ.

Когда до плота остался километр, Джимми узнал капитана Нортон и принялся махать ему. Чуть позже шкипер в свою очередь заметил Джимми и помахал в ответ.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Джимми, — добавил он по радио. — Я же обещал, что мы не оставим тебя в беде. Теперь-то ты мне веришь?

«Ну, положим, не совсем», — подумал Джимми. Вплоть до последней

секунды он задавал себе вопрос: не дружеский ли это заговор с целью поддержать его настроение? Но командир не стал бы пересекать море лишь затем, чтобы проститься; наверное, они действительно что-то придумали.

— Поверю, шкипер, — ответил Джимми, — когда буду у вас на палубе. Ну а вы — вы хоть теперь-то скажете мне, как именно я до вас доберусь?

«Резолюшн» замедлил ход в сотне метров от подошвы утеса; насколько Джимми мог судить, на плоту не было никакого необычного снаряжения, а впрочем, он не очень-то твердо знал, чего ожидать.

— Извини, Джимми, но заранее мы не хотели тебя слишком волновать...

Слова капитана звучали зловеще; черт побери, что он имеет в виду?

«Резолюшн» остановился в пятидесяти метрах от утеса и в пятистах от Джимми — по вертикали, и лейтенант видел, как командир обращается к нему, видел с высоты птичьего полета.

— Значит, так, Джимми. Ты останешься цел и невредим, но от тебя потребуются изрядное мужество. Мы уверены, что мужества тебе не занимать. Тебе придется прыгнуть.

— Что-о? С высоты пятисот метров?!

— Не забудь — при половине g.

— Ну и что? Вам случалось на Земле падать с высоты двухсот пятидесяти?

— Замолчи, или я отменю тебе очередной отпуск. Можешь проверить вычисления сам... весь вопрос в величине конечной скорости. В атмосфере Рамы нельзя разогнаться до скорости, большей чем девяносто километров в час, безразлично, падаешь ли ты с высоты двести или две тысячи метров. Девяносто километров в час — это, пожалуй, многовато для полного спокойствия, но эту скорость можно еще чуть-чуть уменьшить. Вот что тебе надо сделать, слушай внимательно...

— Слушаю, — ответил Джимми. — Внимательнее некуда...

Больше он капитана не перебивал и не проронил ни слова, пока тот не закончил. Да, это было не лишено смысла и в то же время до смешного просто, настолько просто, что додуматься до такого решения мог только гений. И конечно, при условии, что означенному гению не придется проверять свой рецепт на себе...

Джимми никогда не доводилось ни нырять с большой высоты, ни выполнять затажные прыжки с парашютом — эти виды спорта могли бы дать определенную психологическую подготовку к тому, что ему сейчас предстояло сделать. Можно битый час уверять человека в том, что перейти

по досочке через пропасть — плевое дело, можно предъявить ему безупречные расчеты, а он все равно не способен будет и шагу ступить. Джимми наконец понял, почему капитан так долго избегал обсуждения плана спасения. Нортон хотел, чтобы у него не осталось времени на раздумья, а тем более на возражения.

— Не буду тебя торопить, — убеждал капитан. — Но чем скорее, тем лучше...

Джимми бросил взгляд на свой бесценный сувенир — единственный цветок Рамы. Аккуратно завернул его в грязный носовой платок, завязал платок узелком и швырнул с края утеса. Узелок планировал вниз с успокоительной медлительностью, но это продолжалось так долго — пятнышко становилось меньше, и меньше, и меньше, пока не исчезло совсем. Потом «Резолюшн» рванулся вперед, и Джимми понял, что узелок подобрали.

— Великолепно! — воскликнул Нортон с преувеличенным восторгом. — Уверен, что этот цветок назовут в твою честь. Ну давай, мы ждем...

Джимми снял с себя рубашку — другой верхней одежды в этом климате, ныне тропическом, они не носили — и задумчиво ее расправил. Несколько раз за время своих странствий он едва не бросил ее; теперь она, не ровен час, спасет ему жизнь.

В последний раз он оглянулся на пустынный мир, который ему привелось исследовать в одиночку, на дальние грозные острия Большого рога и его малых собратьев. Крепко сжав рубашку правой рукой, он разбежался и прыгнул с утеса — так далеко, как только сумел.

Теперь спешить было некуда: в его распоряжении оставалось добрых секунд двадцать, чтобы проанализировать свои ощущения. Но он не тратил времени зря — вокруг крепчал ветер, «Резолюшн» постепенно вырастал в размерах. Захватив рубашку обеими руками, он вытянул их над головой, чтобы мчащийся навстречу воздух наполнил ткань и превратил ее в удлиненный купол.

Едва ли это стоило рассматривать как парашют: снижение скорости на четыре-пять километров в час приносило, конечно, определенную пользу, но ничего не решало. Рубашка играла другую, и притом более важную, роль — удерживала его тело в вертикальном положении, чтобы оно врезалось в воду под прямым углом.

Впечатление было по-прежнему такое, что сам он вовсе не движется, зато вода стремительно несется ему навстречу. Как только он отважился на прыжок, чувство страха исчезло без следа; он даже испытывал известное раздражение — какого черта шкипер так долго держал его в неведении?

Неужели Нортон и вправду опасался, что он, Джимми, побоится прыгнуть, если будет слишком долго раздумывать?

В самую последнюю секунду он выпустил рубашку, сделал глубокий вдох и зажал нос и рот руками. Как ему и советовали, он напрягся всем телом и плотно сомкнул ноги. В воду он должен войти чисто, как падающее копьё...

— Это не труднее, — поучал его капитан, — чем на Земле прыгнуть с вышки. Ничего особенного — если сумеешь правильно войти в воду...

— А если нет? — осведомился Джимми.

— Тогда придется вернуться и попробовать снова. Что-то ударило его по ногам — сильно, но не чересчур. Миллион скользких рук вцепились ему в тело, в ушах заревело, их стиснуло давлением — и даже сквозь плотно сомкнутые веки он ощутил, как на него по мере погружения в глубины моря наваливается темнота.

Тогда он принялся изо всех сил грести вверх, по направлению к гаснущему свету. Попытался открыть глаза, но мгновенно закрыл их снова: ядовитая вода жгла, как кислота. Подъем, казалось, тянулся столетия, и его не однажды посещало кошмарное подозрение, что он потерял ориентировку и плывет в действительности не вверх, а вниз. В таких случаях он шел на риск и вновь приоткрывал глаза — и с каждым разом вокруг становилось светлее.

Но когда голова наконец вырвалась на поверхность, веки как на грех были плотно сжаты. Он вдохнул всей грудью драгоценный воздух, перевернулся на спину и огляделся. «Резолюшн» шел к нему полным ходом; десять секунд спустя энергичные руки подхватили его и втащили на борт.

— Не наглotalся воды? — был первый вопрос командира.

— Не думаю.

— Все равно прополощи рот вот этим. Достаточно. Как ты себя чувствуешь?

— Еще не знаю. Потерпите минутку — разберусь и скажу. Пока что спасибо вам всем... — Минута отнюдь не кончилась, когда Джимми внезапно понял, как именно он себя чувствует, и грустно признался: — Меня тошнит...

Участники спасательной экспедиции просто не поверили своим ушам.

— Это при мертвом штиле, на море, плоском как доска? — воскликнула Руби Барнс, расценившая, по-видимому, состояние Джимми как прямую жалобу на свое искусство.

— Ну, плоским я бы это море не назвал, — откликнулся капитан,

указав рукой на полосу воды, опоясавшую небо. — Тебе нечего стыдиться, Джимми, ты, должно быть, все-таки глотнул этой дряни. Так избавься от нее, если можешь...

Джимми еще не кончил корчиться, отнюдь не героически и совершенно безуспешно, когда небо позади них внезапно озарила яркая вспышка. Все повернули головы к Южному полюсу, а Джимми мгновенно забыл про тошноту. Начиналось новое действие огненного спектакля.

Километровые потоки пламени устремились, танцуя, с Большого рога к малым. Затем они вновь пришли в размеренное вращение, словно танцоры-невидимки взмахивали своими лентами вокруг электрического майского дерева [Ссылка21](#). Но на этот раз танцоры кружились все быстрее и быстрее, пока ленты не слились в искрящийся конус огня.

Зрелище рождало благоговейный страх, как ни одно из величественных зрелищ, которых здесь было немало; к тому же оно сопровождалось отдаленным грохочущим громом, еще усугублявшим впечатление неукротимой силы. Спектакль продолжался около пяти минут — и оборвался так резко, будто кто-то где-то повернул выключатель.

— Хотел бы я знать, как истолкуют это в Комитете по проблемам, — проговорил Нортон, не обращая ни к кому в отдельности. — Кто рискнет выдвинуть какую-нибудь теорию?

Ответить никто не успел — в разговор ворвались возбужденные голоса группы наблюдения:

— «Резолюшн»! У вас все в порядке? Вы заметили?..

— Что мы должны были заметить?

— Мы решили, что это землетрясение. В ту самую минуту, как прекратился фейерверк.

— Причинен ли ущерб?

— Вряд ли. Оно не отличалось особой силой, просто нас слегка потрянуло...

— Мы ничего не почувствовали. Да и не могли почувствовать — мы же в открытом море.

— Ну конечно, это был глупый вопрос. Теперь у нас вроде все спокойно... до следующего происшествия.

— Вот именно, до следующего происшествия, — откликнулся Нортон.

Тайны Рамы множились час от часу; чем больше люди открывали здесь нового, тем меньше понимали. Внезапно с кормы донесся крик:

— Шкипер, взгляните! Вон туда, на небо!.. Нортон поднял глаза и поспешно обвел взглядом окрестность моря. Но ничего особенного не

заметил, пока не запрокинул голову и не увидел ту часть моря, что висела над ними в зените.

— Мой Бог, — только и прошептал он, поняв, что «следующего происшествия» долго ждать не придется.

По дуге Цилиндрического моря мчалась приливная волна.

Даже в эту минуту величайшего потрясения первой мыслью Нортон было убедиться в безопасности своего корабля.

— «Индевор»! — вызвал он. — Доложите обстановку!

— Все в порядке, шкипер, — последовал спокойный ответ старшего помощника. — Был легкий толчок, но он не мог причинить вреда. Наблюдается небольшое изменение ориентации, — по докладу штурмана, примерно ноль целых две десятых градуса. Он предполагает также, что несколько изменилась скорость вращения: точные данные будут через две-три минуты.

«Итак, началось, — сказал себе Нортон, — и гораздо раньше, чем мы ожидали: до перигелия, до наиболее логичной точки перемены орбиты, еще далеко... Тем не менее начался какой-то маневр — это несомненно, и не исключено, что последуют новые толчки...»

Результат первого толчка был с определенной очередностью запечатлен на изогнутой водной глади, которая, казалось, неустанно падает с неба. До волны оставалось около десяти километров, и она шла на них, развернувшись во всю ширину моря от северного до южного берега. Вблизи суши волна поднималась стеной белой пены, а в открытом море снижалась до еле видимой синей линии, движущейся куда быстрее, чем буруны на флангах. Тормозящее действие прибрежных отмелей изгибало волну дугой, и центральная ее часть убегала все дальше и дальше вперед.

— Сержант, — властно произнес Нортон, — это по вашей части. Что можно предпринять?

Руби Барнс замедлила ход до полной остановки и впилась в волну оценивающим взглядом. Нортон порадовался, заметив, что лицо отражает не тревогу, а заинтересованность, своего рода предвкушение, как у опытного борца перед схваткой.

— Жаль, что у нас нет эхолота, — отозвалась она. — Если мы в глубокой воде, то и беспокоиться не о чем.

— Значит, мы в безопасности? До берега четыре километра...

— Надеюсь, что да, но еще присмотрюсь...

Руби вновь дала суденышку ход, развернула «Резолюшн» и направила его навстречу приближающейся волне. По оценке Нортон, от

центральной, самой стремительной ее части их отделяло теперь меньше пяти минут, но и он уже понял, что как раз эта часть не представляет опасности. Просто-напросто рябь, не достигающая и метровой высоты, — плот разве что покачнется. Подлинная угроза заключается вовсе не в ней, а в горах пены, что остались далеко позади.

И тут — тут буруны внезапно появились и в центре моря. Волна, по-видимому, уперлась в подводную стену протяженностью в несколько километров, верхний край которой почти достигал поверхности. А буруны на флангах как по команде опали — там теперь была, очевидно, глубокая вода.

«Волноломы, — догадался Нортон. — В точности такие же, как в топливных баках „Индевора“, только в тысячу раз крупнее. Наверное, их здесь множество по всему морю, чтобы как можно быстрее гасить любую возникшую на нем волну. Существенный вопрос: не находимся ли мы точно над таким же волноломом?..»

Руби Барнс опередила его ровно на одно мгновение. Она опять остановила «Резолюшн» и выбросила якорь. Якорь нащупал дно в каких-то пяти метрах.

— Вытягивайте! — крикнула она товарищам. — Надо убираться отсюда!

Нортон охотно согласился с ней, однако если уходить, то в каком направлении? Руби двинулась полным ходом навстречу волне, до которой оставалось всего пять километров. Теперь капитан не только видел, но и слышал ее приближение — этот отдаленный рокот он не спутал бы ни с чем, хотя никак не ожидал услышать столь земной звук в пределах Рамы. Но вот звук изменился, стих — в центре волна опала снова, зато поднялась по сторонам.

Он попытался определить интервал между волнами, исходя из догадки, что они размещены равномерно. Получалось, что впереди есть еще один; если удалось бы удержать плот в глубокой воде, вдали от искусственных мелей, они были бы в безопасности.

Руби застопорила винт и опять вытравила якорь. Цепь ушла под воду на тридцать метров, а дна так и не коснулась.

— Порядок, — заявила морячка со вздохом облегчения. — Но мотор глушить я все-таки не буду...

И вновь пена вздымалась лишь вдали у побережий, а посредине море совсем успокоилось, если не считать бегущей навстречу плоту невинной синенькой полоски ряби. Осторожный кормчий, Руби Барнс удерживала «Резолюшн» на поперечном курсе, готовая в любую секунду дать полный

ход.

Затем в каких-то двух километрах от них море начало пениться с новой силой. Оно горбатилось яростными белыми гривами, и рев его, казалось, заполнил весь мир. Во всю ширину Цилиндрического моря, словно лавина, грохочущая по горному склону, неслись валы, самый малый из которых был достаточен, чтобы прикончить их утлое суденышко.

Руби, похоже, уловила на лицах своих спутников невольный страх и, перекрывая грохот, прокричала:

— Ну, чего испугались? Я каталась на волнах повыше этих... — Ее заявление не вполне соответствовало действительности; кроме того, она не упомянула, что в ее распоряжении была тогда добротная доска для спортивного серфинга, а отнюдь не импровизированный плот. — Но если придется прыгать за борт, ждите моей команды. Проверьте свои спасательные жилеты...

«Она восхитительна, — подумал Нортон, — упивается каждым мгновением, как древний воин каждой минутой боя. И не исключено, что она права, если только мы не ошиблись в расчетах...»

Волна продолжала расти, выгибая и закручивая свой гребень. Вогнутая поверхность моря, вероятно, преувеличивала ее высоту, но выглядела она чудовищной, неодолимой силой, способной смести на своем пути все и вся.

И спустя секунды волна опала, будто из-под нее выдернули опору. Она прошла очередной барьер и вновь покатила по глубокой воде. Когда она минутой позже достигла их, «Резолюшн» лишь качнулся вверх и вниз, и Руби тут же развернула плот и погнала его полным ходом на север.

— Спасибо, Руби, прекрасная работа. Но успеем ли мы добраться до берега, прежде чем волна догонит нас во второй раз?

— Может, и не успеем, она вернется минут через двадцать. Но к тому времени потеряет всю свою мощь — мы ее, пожалуй, и не заметим...

Одолев волну, они, казалось, должны были бы вздохнуть посвободнее и воздать должное красотам моря, но теперь никто не чувствовал себя в безопасности, пока не ступит на сушу. На поверхности моря вода крутилась множеством крошечных воронок, а над водой стоял странный кислый запах — «будто муравейник раздавили», как удачно определил Джимми. Запах был неприятным, но вопреки ожиданию не вызывал даже намека на морскую болезнь, видно, есть явления настолько чуждые, что человеческая натура не способна на них реагировать.

Еще минутой позже волна, удаляясь от плота и карабкаясь в небо, ударилась о следующий подводный барьер. С тыла зрелище казалось

совсем не впечатляющим, и путешественники устыдились пережитых страхов. Они уже почти возомнили себя хозяевами Цилиндрического моря.

Тем сильнее было потрясение, когда в какой-то сотне метров от плота из воды высунулось нечто вроде лениво вращающегося колеса. Отливающие металлом спицы, по пяти метров каждая, взмывали в воздух, роняя капли, неспешно поворачивались в слепящем сиянии раманского дня и с плеском падали в море. Словно на поверхность поднялась исполинская морская звезда с трубчатыми лучами.

Животное или машина? Ответить на этот вопрос по первому впечатлению не представлялось возможным. Но тут «звезда» завалилась набок и осталась лежать в полупогруженном состоянии, мягко покачиваясь на зыби — наследнице прошумевшей волны.

Теперь люди разглядели, что у «звезды» девять щупалец, вероятно суставчатых, которые радиально расходятся от центрального диска. Два щупальца были сломаны, крайние суставы отсутствовали. Семь здоровых заканчивались сложными наборами манипуляторов, живо напомнившими Джимми встреченного им краба. Оба существа принадлежали, видимо, к одной эволюционной ветви — или вышли из одного конструкторского бюро.

В середине диска возвышался вырост с тремя большими глазами. Два из них были закрыты, третий открыт, но казался мутным и незрячим. Несомненно, им выпал случай наблюдать смертные муки диковинного чудовища, вытолкнутого на поверхность подводным штормом, который только что миновал.

Потом они заметили, что чудовище не одиноко. Около него кружила, то и дело подплывая вплотную к еле шевелящимся щупальцам, пара тварей помельче, похожих на раков-переростков. Эти твари весьма целеустремленно уничтожали большое чудовище, а оно и не думало сопротивляться, хотя по всем признакам могло бы справиться с десятком таких разбойников.

И снова Джимми поневоле вспомнил краба — могильщика «Стрекозы». Он присмотрелся внимательнее и понял, что не заблуждается.

— Взгляните, шкипер, — прошептал лейтенант. — Видите, они и не думают пожирать его. У них и ртов-то нет. Они просто режут его на части. В точности то же произошло и со «Стрекозой».

— Ты прав. Они демонтируют его, как... как сломанную машину. Но, — добавил Нортон, поморщившись, — до сих пор я никогда не сталкивался с металлоломом, который испускал бы такой смрад... — Тут его внезапно осенила новая мысль. — Мой Бог, а если они вздумают так же разделаться

и с нашим плотом! Руби, давайте как можно скорее к берегу!..

«Резолюшн» устремился вперед, нимало не заботясь о сохранности своих батарей. А за его кормой девять спиц исполинской «морской звезды» — лучшего названия никто так и не предложил — все укорачивались и укорачивались, пока остатки «звезды» и оба рака не исчезли вновь в морской пучине.

За плотом никто не гнался, однако люди вздохнули лишь тогда, когда «Резолюшн» подошел к причалу и они, возблагодарив судьбу, взобрались наверх. Бросив прощальный взгляд на водное кольцо, исполненное тайн и — как теперь казалось — скрытого зла, капитан Нортона мрачно решил, что больше никто из экипажа не пересечет его. Слишком много неизвестного, слишком много опасностей...

Он оглянулся на башни и валы Нью-Йорка, на темный утес континента на том берегу. Впредь они застрахованы от назойливого человеческого любопытства.

Он не станет вновь гневить раманских богов.

Отныне, согласно приказу Нортона, в лагере Альфа должно было всегда находиться не менее трех человек и один из них — постоянно стоять на часах. Такой же порядок был введен и в других поисковых группах. На Раме завелись потенциально опасные существа, и, хотя они не обнаруживали пока враждебных намерений, благоразумный командир не собирался искушать судьбу.

Еще один часовой наблюдатель, вооруженный мощным телескопом, круглосуточно дежурил у шлюза. С этой выгодной позиции он мог обследовать любой уголок Рамы — даже Южный полюс казался удаленным лишь на какие-нибудь триста-четыре метра. А территории, примыкающие к районам, где действовали группы, надлежало держать под неустанным контролем: так и только так капитан надеялся избежать любых неожиданностей. План был хорош, но, увы, с треском провалился.

В промежутке между ужином и отбоем в 22.00 Нортон, Родриго, Колверт и Лаура Эрнст сидели и смотрели вечерний выпуск последних известий, специально переданный через ретранслятор Инферно на Меркурии. Особенный интерес у них вызвал фильм о Южном континенте, снятый Джимми, и возвращение через Цилиндрическое море — эпизод, взбудораживший всех телезрителей. Ученые, комментаторы, члены Комитета по проблемам Рамы выступали с пояснениями, в большинстве своем противоречивыми. Они никак не могли договориться, считать ли крабообразную тварь, которую встретил Джимми, животным, машиной, разумным раманином или чем-то еще, не подпадающим ни под одну из перечисленных категорий.

Только что с чувством, весьма похожим на тошноту, они наблюдали, как хищники раздирают на части «морскую звезду», и вдруг обнаружили, что не одни. В лагерь проник непрошенный гость.

Первой его заметила Лаура Эрнст. Она на секунду оцепенела, потом шепнула:

— Не двигайся, Билл. Теперь осторожно посмотри направо.

Нортон повернул голову. В десяти метрах от них стоял тонконогий треножник, увенчанный сферическим тельцем размером с футбольный мяч. По окружности мяча располагались три больших, лишенных всякого

выражения глаза — поле зрения существа составляло, очевидно, все триста шестьдесят градусов, — а за телом волочились три хлыстообразных щупальца. Ростом треножник был ниже человека и выглядел слишком хрупким, чтобы относиться к нему с опаской, но это еще не оправдывало их беспечности: факт был налицо, ему позволили проникнуть в лагерь незамеченным. Нортону он напомнил не более чем безобидного паучка-сенокосца, хотя и о трех ногах, и еще капитан заинтересовался тем, как это создание решает проблему, неведомую живым существам Земли, — как оно передвигается, имея три точки опоры.

— Что скажешь, док? — прошептал Нортон, приглушая голос теледиктора.

— Обычная для Рамы тройственная симметрия. Не вижу, как оно может нам повредить, разве что хлысты могут быть неприятными на ощупь или даже ядовитыми, подобно бахроме у медузы. Давайте посидим тихо и посмотрим, что оно станет делать.

Понаблюдав за людьми с полным бесстрашием две-три минуты, трехногий паук внезапно тронулся с места — и теперь они поняли, почему прозевали его появление. Он двигался так быстро и, главное, таким необычным способом, что глаз и мозг человека воспринимали это движение с огромным трудом.

Насколько Нортон мог судить — а окончательную ясность могла бы внести лишь замедленная киносъемка, — каждая из трех ног поочередно служила осью, вокруг которой поворачивалось все тело. И он не был вполне уверен, что ему почудилось, что через каждые несколько «шагов» направление вращения меняется на противоположное; три хлыста мелькали буквально с быстротой молнии. «На всем скаку» существо развивало скорость — точно подсчитать опять-таки не представлялось возможным — не менее тридцати километров в час.

Паук вихрем обежал вокруг лагеря, обследуя каждый предмет снаряжения, осторожно прикасаясь к наскоро устроенным постелям, столам и стульям, аппаратуре связи, контейнерам с пищей, электрическим туалетам, камерам, бачкам с водой, инструментам, — не было, пожалуй, ни одной мелочи, которой он не удостоил бы вниманием, не считая лишь самих четырех наблюдателей. Напрашивался вывод, что паук достаточно разумен, чтобы провести грань между людьми и их неодушевленной собственностью; все его действия оставляли несомненное впечатление осмысленного любопытства и даже любознательности.

— До смерти хочется посмотреть, что у него внутри, — воскликнула Лаура, с сожалением провожая глазами существо, продолжающее

выделывать свои стремительные пируэты. — Не попытаться ли его поймать?

— Как? — резонно осведомился Колверт.

— Да так же, как первобытные охотники ловили самых быстрых зверей, — накидывая им на лапы веревку с грузилами на концах. Зверю это не причиняло никакого вреда.

— Сомневаюсь, — ответил Нортон. — Даже если бы подобный фокус и удался, мы не вправе идти на риск. Нам неизвестно, насколько этот треножник разумен, а веревка с грузилом вполне способна перебить ему ноги. Тогда нам не избежать действительно серьезных неприятностей — здесь на Раме, на Земле и где угодно еще...

— Но мне необходим такой экземпляр!

— Придется тебе довольствоваться цветком, который сорвал Джимми, разве что одно из этих созданий изъявит готовность к сотрудничеству. Насилие исключается. Как бы тебе понравилось, если бы кто-то высадился на Земле и решил, что ты — прекрасный экземпляр для анатомирования?

— Но я вовсе не собираюсь его анатомировать, — возразила Лаура не слишком убежденно. — Я хотела бы только посмотреть его...

— Ну что ж, у пришельцев по отношению к тебе могли бы быть именно такие намерения, но, уверяю тебя, ты провела бы немало неприятных минут, прежде чем им поверить. Нельзя допускать никаких действий, которые можно истолковать как угрожающие.

Нортон просто цитировал предписания, полученные перед посадкой на Раме, и Лаура знала об этом. Требования науки, как всегда, приносились в жертву требованиям космической дипломатии. Да, в общем-то, привлекать столь возвышенные соображения, наверное, и не было нужды: вопрос легко сводился к хорошим манерам. Все они были здесь посетителями, проникшими в помещение без спроса...

Паук как будто закончил свой осмотр. Он сделал, не снижая темпа, еще один круг по лагерю, а затем по касательной устремился в сторону лестницы.

— Интересно, как он будет взбираться по ступенькам? — подумала вслух Лаура.

Ответа на ее вопрос долго ждать не пришлось: паук не обратил на лестницу никакого внимания и пустился вверх прямо по вогнутому склону, даже не снизив скорости.

— Группа наблюдения, — вызвал Нортон, — к вам вскоре, видимо, пожалует гость. Следите за лестницей Альфа, шестой пролет. И кстати, большое спасибо за то внимание, с каким вы нас охраняете...

Потребовалась целая минута, чтобы дежурный уловил сарказм и начал сбивчиво оправдываться:

— Мм... вот теперь, шкипер, когда вы мне сказали, я действительно что-то такое вижу. Но что это?

— Знаю не больше вашего, — ответил Нортон, нажимая кнопку общей тревоги. — Лагерь Альфа вызывает все группы. Нас только что навестило существо, похожее на трехногого паука. Небольшое сферическое тело на очень тонких ногах передвигается вращаясь, притом очень быстро. Внешне безобидное, но крайне любопытное существо. Может подкрасться к вам, прежде чем вы его заметите. Подтвердите прием...

Первым отозвался Лондон:

— У нас без происшествий, шкипер.

Затем откликнулся Рим — подозрительно сонным голосом:

— У нас тоже. Хотя погодите-ка...

— Что там еще?

— Я отложил ручку всего минуту назад — ее нет! Что за... о-о!

— Говорите связно!

— Вы не поверите, шкипер. Я делал тут кое-какие заметки... вы ведь знаете, я люблю писать, от этого никому никакого вреда... писал я своей замечательной шариковой ручкой, ей без малого двести лет... ну, в общем, теперь она валяется в пяти метрах отсюда.. Я ее поднял — славу Богу, она не повреждена.

— А как она, по-вашему, туда попала?

— Мм... я, должно быть, задремал на минутку. День выдался тяжелый...

Нортон вздохнул, но от комментариев воздержался: их было так немного и у них оставалось так мало времени на то, чтобы обследовать целый мир! Энтузиазм помогал побороть переутомление, но, к сожалению, не всегда, и капитану уже приходило в голову, что он рискует сверх меры. Не следовало бы, пожалуй, разбивать людей на такие мелкие группы, пытаясь охватить столь необъятную территорию. Но его не покидала мысль о быстротечных днях и неразгаданных тайнах, которые обступали со всех сторон. В то же время он исподволь проникался уверенностью иного рода: готовится нечто чрезвычайное, и им придется покинуть Раму задолго до перигелия, задолго до момента, якобы предназначенного для перемены орбиты.

— Вызываю группу наблюдения, Рим, Лондон — слушайте все, — произнес он. — В течение ночи прошу докладывать мне обстановку каждые полчаса. Будем исходить из того, что гости могут пожаловать к нам

в любой момент. Иные из них могут оказаться опасными, но инцидентов следует избегать любой ценой. Вам известны указания на этот счет...

Что правда, то правда: это составляло неотъемлемую часть их профессиональной подготовки. Но вряд ли кто-нибудь из них всерьез верил, что давняя страсть теоретиков — «контакт с инопланетными разумными существами» — может обрести реальный смысл при их жизни. Еще менее вероятным казалось, что честь стать участником такого контакта выпадет на долю их самих.

Теория и практика — вещи разные: кто поручится, что в критических обстоятельствах не возобладает древнейший человеческий инстинкт самосохранения? И тем не менее задача первостепенной важности — считать любое существо, встреченное здесь, на Раме, вполне лояльным.

Капитану Нортону вовсе не улыбалась перспектива прославиться в веках в качестве безумца, развязавшего первую межпланетную войну.

Через два-три часа сотни пауков наводнили всю равнину. В телескоп было видно, что Южный континент также кишит ими — континент, но только не остров Нью-Йорк.

На людей они больше не обращали внимания, да и люди спустя недолгое время почти перестали замечать их, хотя капитан Нортон порой улавливал в глазах своего старшего врача плотоядный блеск. Ничто, наверное, не доставило бы ей большего удовольствия, чем несчастный случай с каким-то из пауков; однако капитан отнюдь не жаждал потворствовать возникновению такого инцидента даже в интересах науки.

В сущности, не вызывало сомнения, что разумными пауков считать нельзя: их тело просто не могло вместить достаточно крупного мозга, трудно было даже понять, где они накапливают энергию, необходимую для движения. И в то же время их действия представлялись до странного осмысленными и согласованными: они побывали всюду и везде, но никогда не посещали одного и того же места дважды. У Нортонa нередко возникало впечатление, что они ищут что-то вполне определенное. Но каков бы ни был предмет поисков, его, по-видимому, не нашли.

Они поднимались и на самый верх к Северному полюсу, все так же словно не видя гигантских лестниц. Как они умудрялись преодолевать вертикальный участок, даже при условии почти полной невесомости, оставалось неясным; Лаура предположила, что они пользуются присосками.

И тут, к совершенному ее восхищению, она наконец обрела свой желанный подопытный экземпляр. Группа наблюдения доложила, что один из пауков свалился с вертикальной стены и лежит, то ли мертвый, то ли

выведенный из строя, на первой площадке. Лаура буквально взлетела по лестнице, установив рекорд, какого никому никогда не победить.

Добравшись до площадки, она увидела, что существо, о котором шла речь, несмотря на небольшую скорость падения, сломало себе все три ноги. Глаза его оставались открытыми, но оно не реагировало ни на какие внешние раздражители. «Даже свежий труп и тот проявлял бы больше признаков жизни», — решила Лаура и, едва доставив свой трофей на «Индевор», приступила к анатомированию.

Паук оказался так хрупок, что распадался на части почти без ее вмешательства. Она отделила ноги от туловища, потом взялась за тонкий панцирь; три круговых разреза — и он снялся, как кожура с апельсина.

Секунд пять—десять она провела в тупом оцепенении — у паука не нашлось ни единого органа, который можно было бы опознать. Затем она сделала серию крупномасштабных снимков и, наконец, подняла скальпель.

С чего начать? Ей захотелось зажмуриться и полоснуть ножом наугад, однако такое решение вряд ли украсило бы ее как ученого.

Лезвие рассекло ткань практически без сопротивления. Спустя мгновение старший корабельный врач Лаура Эрнст издала не по-женски звучный вопль, эхом раскатившийся по «Индевору».

Сержанту Макэндриусу понадобилось добрых двадцать минут, чтобы хоть немного успокоить перепуганных обезьян.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО КРАЙНЕ СОЖАЛЕЕТ

— Как вам известно, господа, — заявил председатель, — со времени нашей последней встречи произошло множество событий. Нам предстоит сегодня многое обсудить и вынести соответствующее решение. Поэтому я в особенности огорчен отсутствием нашего уважаемого коллеги — представителя Меркурия...

Заявление доктора Боуза не совсем соответствовало истине. Отсутствие меркурианина его ни капельки не огорчало. Гораздо правильнее было признать, что оно его тревожило. Дипломатический инстинкт подсказывал ему, что назревают какие-то катаклизмы, но, несмотря на превосходные источники информации, он даже отдаленно не подозревал какие.

Послание меркурианина было вежливым и совершенно невразумительным. Его превосходительство выражал глубокое сожаление по поводу того, что крайне срочное и неотложное дело не позволяет ему присутствовать на данном заседании ни лично, ни по видеоканалам. Доктор Боуз при всем желании не представлял себе, что же такое может оказаться более срочным и более важным, чем Рама.

— Двое из членов комитета выразили желание выступить с сообщениями. Первое слово я предоставляю профессору Дэвидсону...

По рядам ученых, кооптированных в комитет, пронесся возбужденный шорох. Большинство из них полагали, что астроном с его широко известными космогоническими воззрениями не самая подходящая фигура для того, чтобы возглавлять Космический консультативный совет. Подчас возникало впечатление, что проявления разумной жизни профессор расценивает лишь как печальное недоразумение на фоне величественных звезд и галактик и считает дурным тоном уделять этому недоразумению чрезмерное внимание. Это вовсе не прибавляло ему любви экзобиологов, в том числе Карлайла Переры, которые придерживались, естественно, противоположной точки зрения. По их убеждению, главный смысл существования Вселенной заключался именно в том, чтобы стать колыбелью разума; о чисто астрономических явлениях они если и говорили, то с насмешкой. «Просто мертвая материя» — такова была

излюбленная их фраза на этот счет.

— Господин председатель, — начал ученый, — я проанализировал курьезные события, имевшие место на Рапе за последние дни, и хотел бы поделиться с вами своими выводами. Некоторые из этих выводов довольно неприятны...

Карлайл Перера удивленно поднял глаза, потом издал довольный смешок. Он от души приветствовал все, что было неприятно профессору Дэвидсону.

— Прежде всего, я имею в виду примечательные события, сопровождавшие полет юного лейтенанта в Южное полушарие. Электрические разряды сами по себе хотя и представляют собой впечатляющее зрелище, но не столь важны; нетрудно убедиться, что они содержат относительно небольшой энергетический потенциал. Они совпали с изменением скорости вращения Рапы и его ориентации, то есть положения в пространстве. Вот это требовало колоссальных затрат энергии, а разряды, едва не стоившие жизни мистеру... мм... Пэку, в сущности, не более чем побочное и, возможно, нежелательное явление, каковое конструкторы и свели к минимуму с помощью гигантских громоотводов Южного полюса.

Из сказанного можно сделать два вывода. Когда космический корабль меняет ориентацию — а мы должны впредь считать Рапу космическим кораблем, невзирая на его фантастические размеры, — то это обычно означает, что он намерен перейти на другую орбиту. Поэтому следует всерьез прислушаться к мнению тех, кто верит, что Рапа отнюдь не собирается возвращаться к звездам, а готовится стать новой планетой нашего Солнца.

Если так, то «Индевор» тоже должен быть готов отдать швартовы — подходит здесь такое выражение? — в любой момент. Оставаясь с Рапой единым целым, наш корабль подвергается серьезной опасности. Думаю, что капитан Нортон уже принял это обстоятельство в расчет, но, по-моему, наш долг — послать ему дополнительное предостережение.

— Благодарю вас, профессор Дэвидсон. А что скажет доктор Соломонс?

— А вот что, — произнес историк. — Рапа, по-видимому, изменил скорость своего вращения без использования каких бы то ни было реактивных двигателей. Это означает, на мой взгляд, одно из двух.

Во-первых, можно предположить наличие встроенных гироскопов. Гироскопы должны быть колоссальными — где же они?

Во-вторых, хоть это и перевернет всю нашу физику вверх тормашками,

на Раме может использоваться система неактивных двигателей. Так называемый гипердвигатель, в возможность которого не верит профессор Дэвидсон. Но в этом случае от Рамы можно ожидать чего угодно. Мы просто не в состоянии предсказать режим работы гипердвигателя даже в самом грубом приближении...

Дипломаты были откровенно сбиты с толку, однако астроном и не думал сдаваться. Для одного дня он уже сделал уступок более чем достаточно.

— С вашего разрешения, я предпочитаю придерживаться общепризнанных законов физики, пока не получу доказательств, что они неверны. Мы не нашли гироскопов на Раме, но мы их специально и не искали, а если и искали, то не там, где надо...

Боуз ясно видел, что Карлайл Перера теряет терпение. До сих пор экзобиолог ввязывался в отвлеченные споры с не меньшим пылом, чем все остальные, но теперь наконец-то в его распоряжении оказались точные факты. Его наука, влачившая доселе жалкое существование, за последние дни сказочно разбогатела.

— Ну что ж, если у присутствующих нет возражений, то доктор Перера располагает важной информацией...

— Благодарю вас, господин председатель. Все вы знаете, что мы наконец добыли экземпляр одной из форм раманской жизни, а другие формы наблюдали с близкого расстояния. Старший врач «Индевора» Лаура Эрнст представила нам подробный доклад о паукообразном существе, которое анатомировала.

Должен сразу сказать, что полученные ею данные настолько необыкновенны, что в любых других обстоятельствах я сам, наверное, им бы не поверил.

Паук состоит из тканей, которые определенно следует назвать живыми, хотя их биохимия отличается от нашей во многих отношениях, — они содержат в значительных количествах легкие металлы. Тем не менее я не могу причислить паука к животным, не могу по нескольким серьезным причинам.

Прежде всего, у паука нет ни рта, ни желудка, ни кишечника и вообще никакого пищеварительного тракта. Нет также и дыхательных путей, нет легких, нет крови, нет органов размножения...

Вы спросите — что же у него есть? Есть простая мускулатура, управляющая тремя ногами и тремя хлыстообразными щупальцами или усиками. Есть мозг, и довольно развитый, что обеспечивает способность к триокулярному зрению. Однако четыре пятых тела состоит из крупных

ячеистых клеток — именно они и преподнесли доктору Эрнст столь болезненный сюрприз, когда она приступила к вскрытию. Ей просто не повезло, что она не догадалась о назначении этих клеток вовремя, ведь они оказались едва ли не единственным на Раме приспособлением, существующим и на Земле, правда лишь у горсточки морских животных.

Большая часть тела паука — это высокоразрядная батарея, в сущности такая же, как у электрических угрей и скатов. Но предназначена она в данном случае, видимо, не для самообороны. Это непосредственный источник энергии для движения. Вот почему у паука нет органов пищеварения и дыхания — он не нуждается в таких примитивных устройствах. Между прочим, это значит также, что паук будет превосходно чувствовать себя даже в глубоком вакууме...

Итак, перед нами существо, представляющее собой фактически просто подвижный глаз. Трудиться оно не может, щупальца его слишком слабы. Учитывая всю совокупность признаков, я назвал бы это существо пауком-разведчиком.

Поведение его, безусловно, отвечает подобному определению. Единственное, что пауки делают, — это носятся с места на место, рассматривая все, что встретится на пути. Ничего другого они и не могут...

Зато другие животные могут. Краб, морская звезда, акулы — лучших названий никто не предложил — могут активно воздействовать на окружающую среду и, видимо, специализированы для выполнения различных операций. Думаю, что питание они также получают от батарей, поскольку рта у них, как и у паука, нет и в помине.

Уверен, что вы отдаёте себе отчет в том, какие биологические проблемы возникают в этой связи. Могли ли подобные существа развиваться естественным путем? Честно говоря, сомневаюсь. Мне кажется, что они сконструированы как машины для определенных работ. Заканчивая характеристику, я бы сказал, что это роботы, биологические роботы, — нечто не имеющее аналогии на Земле.

Если Рама — космический корабль, то они, может статься, часть его экипажа. Как они рождаются — или создаются, — об этом я судить не берусь. Но догадываюсь, что ответ таится где-то в хитросплетениях труб Нью-Йорка. Будь у капитана Нортон и его людей достаточно времени, они, вероятно, сталкивались бы со все большим числом все более сложных существ, чье поведение предсказать просто невозможно. И в один прекрасный день встретились бы с самими раманами, с подлинными создателями этого мира.

Заверяю вас, господа, что в этом случае никому и в голову не придет

усомниться, разумные ли они существа.

СРОЧНАЯ ДЕПЕША

Капитан Нортон крепко спал, когда личный коммутатор безжалостно оторвал его от счастливых снов. Ему привиделось, что он отправился в отпуск на Марс и как раз пролетал мимо величественного, увенчанного снежной шапкой пика Никс-Олимпика — самого мощного из всех вулканов Солнечной системы. Маленький Билли обратился к отцу с каким-то вопросом: теперь он никогда не узнает с каким.

Сон потускнел. Действительность олицетворял собой старший помощник, оставшийся на «Индеворе».

— Извините, что разбудил вас, шкипер, — сказал капитан-лейтенант Кирчофф. — «Молния» из штаба. Тройное А...

— Передавайте, — нехотя ответил Нортон.

— Не могу. Зашифровано вашим личным шифром.

Сна как не бывало. Такие депеши Нортон получал всего три раза за всю свою карьеру, и каждый раз за ними следовали серьезные неприятности.

— Проклятие! — произнес он. — Что же делать?

Старший помощник даже не потрудился ответить. Оба слишком хорошо понимали суть возникшей проблемы — одной из тех, что не предусматриваются уставом. Ведь обычно командиру нужно не более двух минут, чтобы добраться до своей каюты и до книги шифров в персональном сейфе. Если даже отправиться без промедления, он будет на корабле через четыре-пять часов. Но вряд ли такой срок подходит для депеш класса ААА...

— Джерри, — позвал он наконец, — кто дежурит в радиорубке?

— Здесь никого нет, я один.

— Запись отключена?

— По странному стечению обстоятельств, да.

Нортон улыбнулся. Джерри был лучшим старшим помощником из всех, с кем ему доводилось работать. Джерри позаботился обо всем...

— Хорошо. Ты знаешь, где ключ от сейфа. Потом вызовешь меня снова.

Минут десять он ждал, призвав на помощь все свое терпение и стараясь — увы, безуспешно — думать о вещах посторонних. Он терпеть

не мог без толку тратить умственную энергию: угадать, о чем идет речь в послании, все равно не удастся, и так или иначе он скоро узнает это наверняка. Вот тогда можно начинать волноваться, но с пользой для дела.

Когда старший помощник снова вышел на связь, голос его звучал очень напряженно:

— Дело не слишком спешное, шкипер, час, во всяком случае разницы не составит. Но предпочитаю обойтись без радио. Высылаю депешу с нарочным.

— Какого черта... Ну хорошо, хорошо, верю тебе. Кто доставит ее сквозь шлюзы?

— Я сам. Вызову тебя, когда пройду их.

— За старшего, значит, остается Лаура?

— На час — самое большее. Я сразу же вернусь на корабль.

Врачей, разумеется, не готовили к тому, чтобы исполнять обязанности капитанов, как и капитанов — к тому, чтобы оперировать больных. В обстоятельствах чрезвычайных кому только не приходилось меняться ролями, однако устав этого не рекомендовал.

Ну что ж, одно из требований устава сегодня уже нарушено...

— Согласно вахтенному журналу, ты не оставлял «Индевор» ни на секунду. Лауру ты разбудил?

— Да. Она в восхищении.

— Счастье, что доктора приучены хранить тайны. Да, а расписку в получении ты послал?

— Конечно, от твоего имени.

— Тогда жду...

Теперь-то уж отрешиться от тревожных ожиданий стало и вовсе невыносимо. «Дело не слишком спешное, но предпочитаю обойтись без радио...»

Одно было совершенно ясно: спать капитану в эту ночь больше не придется.

Сержант Питер Руссо и сам понимал, отчего вызвался на эту работу: во многих отношениях она была воплощением его детской мечты. Телескопы заворожили его еще в детстве, когда ему было шесть или семь лет от роду; большую часть юности он провел собирая линзы всех форм и размеров. Он монтировал эти линзы в картонных трубках и делал все более и более сильные инструменты, пока не познакомился с Луной и планетами, с ближайшими космическими станциями и с окрестностями собственного дома в пределах добрых тридцати километров.

Ему посчастливилось родиться в горах Колорадо — почти во все стороны перед ним открывались неистощимые в своей красоте виды. Он проводил часы обследуя из безопасного далека грозные вершины, что ни год взимавшие тяжкую дань с беспечных восходителей. Видел он немало, но воображение уносило его еще дальше, ему казалось, что за гребнями гор скрыты волшебные страны, полные удивительнейших существ. И многие годы спустя он избегал тех мест, сознавая, что мечта не выдержит столкновения с действительностью.

Сегодня отсюда, от центральной оси Рамы, он мог лицезреть чудеса, далеко превосходящие самые необузданные фантазии юности. Перед ним расстился целый мир, пусть небольшой — четыре тысячи квадратных километров, — но его изучению, даже если он мертв и неизменен, стоило отдать себя.

А теперь на Раму пришла жизнь, жизнь в своем бесконечном многообразии. Если биологические роботы и не были живыми существами, то очень неплохо их имитировали.

Неизвестно, кто первым изобрел словечко «биот», но его как по наитию принял весь экипаж. Окопавшись в своей обсерватории, Питер присвоил себе титул главного наблюдателя за биотами и понемногу начал — по крайней мере так ему казалось — разбираться в особенностях их поведения.

Пауки были подвижными органами чувств, предназначенными осматривать — и, вероятно, ощупывать — внутреннюю поверхность Рамы. Одно время их насчитывалось несколько сотен, и они сломя голову носились везде и всюду, но не прошло и двух дней — и пауки как по

команде исчезли; не стало даже одиночек.

На смену паукам пришел целый зверинец более внушительных существ: непросто было придумать каждому из них подходящее название. Появились чистильщики с широкими плоскими лапами, методично полирующие по всей длине шесть искусственных солнц Рама. Гигантские тени чистильщиков, отбрасываемые на противоположную сторону цилиндра, подчас вызывали там своеобразные затмения.

Краб, прикончивший «Стрекозу», был, видимо, мусорщиком. Компания таких же существ подобралась к лагерю Альфа и утащила весь сор, вынесенный за черту палаток; они утащили бы и все остальное, если бы Нортон и Мерсер, твердо встав на их пути, не отогнали непрошенных помощников. Столкновение было напряженным, но непродолжительным; после этого мусорщики, кажется, поняли, что им разрешается трогать, а что нет, и появлялись через определенные промежутки времени, будто осведомляясь, не нужны ли людям их услуги. Такое безмолвное и очень удобное соглашение указывало на высокий уровень интеллекта то ли самих мусорщиков, то ли существ, направляющих их деятельность откуда-то извне.

Проблема уничтожения отходов решалась на Рама до крайности просто: мусорщики сбрасывали свои трофеи в море, где их, по-видимому, измельчали до состояния, пригодного для химического использования. Процесс шел быстро — «Резолюшн», к величайшему огорчению Руби Барнс, исчез за одну ночь. Нортон утешил ее, напомнив, что плот блистательно выполнил свою миссию и что он как капитан все равно не разрешил бы воспользоваться им снова. Ведь не исключено, что акулы не столь разборчивы, как мусорщики.

Ни один астроном, обнаруживший новую планету, не упивался бы своим открытием так, как Питер, когда ему удавалось засечь новый тип биота и к тому же сделать его хороший телескопический снимок. Как на грех, самые интересные разновидности биотов концентрировались у Южного полюса — они выполняли там какую-то таинственную работу вокруг рогов. Что-то напоминающее гусеницу на присосках время от времени взбиралось по склонам Большого рога, а подле более низких вершин Питер заметил как-то массивное создание — помесь бегемота с бульдозером. Был там также и жираф с двумя шеями, вероятно игравший роль передвижного крана.

Безусловно, Рама, как и любой корабль после долгого плавания, требовал проверки, наладки и ремонта. Команда заняла места и трудилась вовсю, но когда же явятся пассажиры?

Классификация биотов отнюдь не являлась для Питера главной задачей: ему было приказано не сводить глаз с разведывательных групп, вышедших на задания, следить, все ли у них в порядке, и предупреждать о приближении незваных гостей. Каждые шесть часов Питера сменял кто-нибудь из тех, без кого можно было обойтись, но не однажды он оставался на посту по двенадцать часов. В результате он изучил топографию Рамы, как никто другой. Она была знакома ему не хуже, чем горные кряжи Колорадо в годы юности.

Когда из воздушного шлюза Альфа выплыл Джерри Кирчофф, Питер мгновенно понял, что произошло событие из ряда вон выходящее. Люди никогда не покидали «Индевор» в часы, отведенные для сна, а по корабельному времени было уже далеко за полночь. Тут Питер сообразил, что каждому отводится строго определенная роль, и был потрясен вопиющим нарушением устава.

— Джерри! Кто же командует на корабле?

— Я, — холодно ответил старший помощник, отстегивая шлем. — Не думаете же вы, что я мог оставить рубку во время вахты?

Он раскрыл сумку, притороченную к скафандру, и достал оттуда маленькую жестянку с этикеткой «Апельсиновый сок. Концентрат. Развести в пяти литрах воды».

— Вы в этом деле мастак, Питер. Шкипер ждет ее.

Питер взвесил жестянку в руке и сказал:

— Надеюсь, масса достаточно велика. Иной раз они застревают на первой площадке.

— Вам виднее...

Это была совершенная правда: наблюдатели натренировались перебрасывать вниз всякие мелочи, иногда забытые, а иногда понадобившиеся в спешном порядке. Фокус заключался в том, чтобы они благополучно миновали зону низкой гравитации, а затем на восьмикилометровом пути вниз не слишком отклонились от цели под действием эффекта Кориолиса.

Питер одной рукой ухватился покрепче за канат, а другой швырнул жестянку вниз по вертикальной плоскости. Целился он не в направлении лагеря Альфа, а почти на тридцать градусов в сторону.

Соппротивление воздуха почти тотчас лишило жестянку начальной скорости, но псевдопритяжение Рамы уже подхватило ее и покатило вниз. У основания трапа она ударилась об уступ и, совершив замедленный прыжок, благополучно преодолела первую площадку.

— Теперь все в порядке, — заявил Питер. — Хотите пари?

— Нет, — последовал быстрый ответ. — У вас все козыри на руках.

— Вы не спортсмен. Но я все равно скажу — она остановится от лагеря не далее чем в трехстах метрах.

— Не слишком-то близко.

— Попробовали бы сами. Я видел, как Джо однажды промазал на пару километров...

Жестянка уже не подпрыгивала, притяжение стало достаточным для того, чтобы припечатать ее к изгибу Северного купола. К моменту, когда она докатилась до второй площадки, скорость ее достигла двадцати-тридцати километров в час, то есть почти максимального значения.

— Теперь остается только ждать, — сказал Питер, усаживаясь у телескопа, чтобы не терять посланца из виду. — Будет на месте через десять минут. А, вот и шкипер идет... я научился узнавать людей прямо отсюда... поднял голову, смотрит на нас...

— Телескоп, наверное, дает вам своеобразное ощущение власти?

— Да, конечно. Все-таки я единственный, кто знает обо всем, что творится на Раме. По крайней мере, я считал так до этой ночи, — добавил Питер уныло, бросив на Кирчоффа укоризненный взгляд.

— Если это доставит вам удовольствие, могу сказать, что у шкипера кончилась зубная паста.

После этой реплики разговор, естественно, увял, но вот Питер произнес:

— Жаль, что вы не приняли пари... ему придется пройти всего пятьдесят метров... вот он увидел жестянку... задание выполнено.

— Спасибо, Питер, классная работа. Можете снова отправляться спать.

— Спать? Я на вахте до четырех ноль-ноль.

— Извините, но вы, должно быть, все-таки спали. Иначе как бы я вам привиделся?..

**ШТАБ КОСМОФЛОТА — КОМАНДИРУ КОРАБЛЯ «ИНДЕВОР».
КЛАСС СРОЧНОСТИ ААА. ЛИЧНО В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ.
РЕГИСТРАЦИИ НЕ ПОДЛЕЖИТ.**

**ПО ДАННЫМ «КОСМИЧЕСКОГО ПАТРУЛЯ», НА ПЕРЕХВАТ
РАМЫ ДВИЖЕТСЯ СВЕРХСКОРОСТНОЕ ТЕЛО, ЗАПУЩЕННОЕ,
ВИДИМО, С МЕРКУРИЯ ДЕСЯТЬ—ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ НАЗАД. ПРИ
СОХРАНЕНИИ ПРЕЖНЕЙ ОРБИТЫ СБЛИЖЕНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ
322-Й ДЕНЬ ГОДА 15 ЧАСОВ. ВОЗМОЖНО, ВАМ ПРЕДСТОИТ
ЭВАКУАЦИЯ ДО ЭТОГО СРОКА. ЖДИТЕ ДАЛЬНЕЙШИХ
УКАЗАНИИ.**

ГЛАВКОМ

Нортон перечитал депешу несколько раз,, чтобы твердо запомнить дату. Следить за бегом времени, сидя безвыходно внутри Рамы, — дело нелегкое; пришлось обратиться к календарнику на наручных часах, чтобы установить, что сегодня день 315-й. В их распоряжении оставалась ровно одна неделя...

От слов депеши бросало в дрожь — и не только от самих слов, сколько от того, что крылось за ними. Значит, меркуриане пошли на нелегальный запуск, что само по себе являлось грубым нарушением космического кодекса. Вывод был очевиден: запущенное ими «тело» — ракета, боевая ракета.

Но зачем им это? Невероятно — скажем, почти невероятно, — что они рискнут поставить под удар «Индевор» и его экипаж; следовательно, надо ждать еще и предупреждения от самих меркуриан. В случае необходимости он сумеет подготовиться к старту за несколько часов, но на экстренный старт он пойдет только по прямому приказу главнокомандующего.

Не спеша капитан подошел к развернутому на скорую руку комплексу жизнеобеспечения и спустил депешу в электрический туалет. Ослепительная вспышка лазерного аннигилятора, прорвавшаяся сквозь щель под сиденьем, засвидетельствовала, что требования безопасности соблюдены. «Как жаль, — сказал себе Нортон, — что со всеми другими проблемами нельзя разделаться так же быстро и гигиенично...»

До ракеты было еще пять миллионов километров, когда блеск ее плазменных тормозных двигателей стал ясно различим в главный телескоп «Индевора». К этому времени тайна сделалась общим достоянием, и Нортон скрепя сердце приказал начать вторую и, вполне возможно, окончательную эвакуацию из пределов Рамы; однако поднимать «Индевор» он не собирался до тех пор, пока не останется другого выхода.

Завершив тормозной маневр, непрощенный гость с Меркурия повис в каких-то пятидесяти километрах от Рамы и, по-видимому, повел осмотр места действия с помощью телекамер. Камеры были видны совершенно ясно — одна на носу, вторая на корме, — как видны были и антенны, несколько малых многоцелевых и одна большая остронаправленная: блюдце ее смотрело неизменно на далекую звездочку Меркурия. Нортон мог только предполагать, какие инструкции она принимает и какую информацию посылает взамен. Ведь меркуриане при всем желании не могли выдать ничего такого, чего бы уже не знали: все, что обнаружил экипаж «Индевора», открыто передавалось по всей Солнечной системе...

Ракета, побившая все рекорды скорости, чтобы прибыть сюда, выполняла волю своих создателей, служила инструментом для выполнения определенной цели. Но какой? Впрочем, это скоро станет общеизвестно: через три часа посол Меркурия должен выступить перед Генеральной Ассамблеей.

Официально ракеты все еще будто бы не существовало. На ней не было опознавательных знаков, она не излучала радиоволны ни на одной из стандартных радиочастот. Все это является серьезным нарушением закона, однако даже Космический патруль до сих пор не заявил официального протеста. Все выжидали, беспокойно и нетерпеливо, следующего шага со стороны меркуриан.

Три дня назад о ракете — и о ее происхождении — было объявлено в сводке новостей; тем не менее меркуриане продолжали хранить упорное молчание. Они великолепно умели держать язык за зубами — если и когда им это было выгодно.

Иные психологи утверждали, что по-настоящему понять ход мыслей тех, кто родился и воспитывался на Меркурии, — дело почти невыполнимое.

Навечно отторгнутые от Земли ее тройным, по сравнению с их родной планетой, притяжением, меркуриане могли прилететь на Луну и оттуда любоваться колыбелью своих далеких предков, а то и отцов, но как ни невелико было отделяющее их от Земли расстояние — преодолеть его они не могли. А раз так, неизбежно стали заявлять, что не очень-то и хочется.

Они делали вид, что презирают ласковые дожди, колышущиеся под ветром поля, озера и моря, голубое небо — все то, что знали только по видеозаписям. Их родная планета купалась в солнечной энергии, дневная температура там нередко переваливала за шестьсот, и посему они чванливо славил собственную стойкость, которая, в общем-то, не выдерживала серьезной критики. В действительности меркуриане были предрасположены к физической слабости, поскольку выжить могли лишь в условиях полной изоляции от внешней среды. И даже если бы они оказались в состоянии выдержать силу земного притяжения, то заметно приуныли бы в первый же жаркий день в любой экваториальной стране.

И тем не менее по большому счету они, несомненно, были стойкими. Психологический гнет ненасытного Солнца, до которого буквально рукой подать, повседневная необходимость вгрызаться в неподатливую планету и вырывать у нее все жизненные блага — эти тяготы породили спартанскую культуру, во многих отношениях достойную уважения. На меркуриан можно было положиться: если они обещали, то держали слово, невзирая на любые затраты. Сами они шутили, что, если Солнце когда-нибудь обнаружит симптомы превращения в сверхновую планету, они подпишут контракт с обязательством призвать его к порядку — лишь бы договориться насчет гонорара. А вне Меркурия уверяли, что всякого ребенка, проявившего склонности к искусству, философии или абстрактной математике, на этой планете незамедлительно пустят в расход. Что касается душевнобольных и преступников, то они и в самом деле признавались на Меркурии роскошью, которой эта планета просто не могла себе позволить.

Капитан Нортон побывал на Меркурии всего однажды, искренно — как и большинство новичков — поразился тому, что увидел, и завел немало друзей. Он даже влюбился в одну девицу, уроженку города Порт-Люцифер, и стал подумывать о женитьбе, но родители невесты отнеслись к его планам более чем неодобрительно. Ну что ж, что ни делается — все к лучшему...

— Тройное А с Земли, шкипер, — сообщили из рубки. — От главнокомандующего. Микрофонный текст дублирован радиограммой. Передавать?

— Радиограмму выверьте и подшейте. Дайте мне запись.

— Пожалуйста.

Голос адмирала Гендрикса звучал спокойно и сухо, словно он диктовал зауряднейший приказ по флоту, а не обсуждал ситуацию, беспрецедентную в истории космических исследований. Но в конце концов, в соседстве с бомбой находился не он...

— Главнокомандующий вызывает капитана корабля «Индевор». Разрешите кратко охарактеризовать обстановку, сложившуюся на текущий момент. Вам известно, что пленарное заседание Ассамблеи начнется в четырнадцать ноль-ноль и будет вам транслироваться. Не исключено, что от вас потребуются немедленные действия без дополнительных консультаций. Отсюда необходимость провести предварительный инструктаж.

Мы изучили присланные вами снимки. Меркурианский аппарат представляет собой обычный космический зонд, модифицированный для повышенных скоростей, вероятно с лазерным ускорителем на начальной ступени. Размеры и масса достаточны, чтобы нести водородную бомбу мощностью от пятисот до тысячи мегатонн. В своей повседневной практике на горных работах меркуриане применяют заряды до ста мегатонн, следовательно, они без труда могли собрать боеголовку любой мощности.

Наши эксперты вычислили, что пятьсот мегатонн — минимальный заряд, гарантирующий разрушение Рамы. Если бомба взорвется в наиболее тонкой части корпуса — под Цилиндрическим морем, — цилиндр расколется, и центробежная сила довершит его уничтожение.

Мы полагаем, что меркуриане, если они действительно планируют подобный акт, дадут вам время отойти на безопасное расстояние. Для вашего сведения сообщая, что гамма-излучение при взрыве такой силы может представлять для вас угрозу в радиусе тысячи километров.

Но это еще не самая большая опасность. Обломки Рамы весом в десятки и сотни тонн, выброшенные в пространство со скоростью до тысячи километров в час, могут исковеркать «Индевор» на неограниченном расстоянии. Поэтому мы рекомендуем вам взлетать в направлении оси вращения, единственном, где осколков быть не может. Удаление в десять тысяч километров даст вам должную гарантию безопасности.

Это сообщение застраховано от перехвата, оно передается с использованием многократного сдвига частот, и я могу говорить открытым текстом. Ваш ответ, напротив, могут подслушать, так что выбирайте выражения осмотрительнее, при необходимости применяйте код. Вызову вас снова сразу после пленарного заседания. Сообщение окончено.

Главнокомандующий. Конец связи.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

По утверждению историков — хотя кто им верит, — было время, когда в прежнюю Организацию Объединенных Наций входили сто семьдесят два государства. В Организации Объединенных Планет насчитывалось всего семь членов, но и этого подчас было более чем достаточно. В порядке удаленности небесных тел от Солнца семерка выглядела так: Меркурий, Земля, Луна, Марс, Ганимед, Титан и Тритон.

В списке было немало пропусков и неясностей, оставленных, очевидно, по принципу: «Будущее рассудит». Критики не уставали подчеркивать, что большинство в Организации Объединенных Планет составляют отнюдь не планеты, а спутники. И не смехотворно ли, что в список вовсе не попали четыре гиганта: Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун?

Но на газовых гигантах никто не жил и, похоже, никогда жить не будет. То же самое относилось и к пятой обойденной вниманием планете — к Венере. Даже самые отпетые энтузиасты реконструкции планет сошлись на том, что на обуздание Венеры уйдут столетия; разумеется, меркуриане не сводили с нее глаз и, несомненно, вынашивали далеко идущие планы.

Раздельное представительство Земли и Луны также служило яблоком раздора: остальные члены ООП считали, что в одном уголке Солнечной системы сосредоточивается чересчур большая власть. Однако на Луне население было больше, чем на всех других мирах, не считая самой Земли; кроме того, Луну избрали местом встреч членов организации. И по правде говоря, Земля и Луна не соглашались друг с другом никогда и ни в чем, так что возможность возникновения блока между ними казалась более чем сомнительной.

Марс осуществлял опеку над малыми планетами, за исключением астероидов типа Икара, подведомственных Меркурию, и горсточки дальних астероидов, с афелием за орбитой Сатурна, — их интересы защищал Титан. В один прекрасный день крупнейшие из астероидов, к примеру Паллада, Веста, Юнона и Церера, быть может, станут настолько значимыми, что удостоятся права иметь собственных представителей в ООП, и число членов организации достигнет двузначной цифры.

Ганимед представлял не только Юпитер — а следовательно, большую массу, чем все другие планеты, вместе взятые, — но также и остальные

пятьдесят с чем-то юпитерианских спутников (с учетом временно захваченных из пояса астероидов, что, впрочем, служило поводом для бесконечных юридических споров). В свою очередь Титан взял на себя опеку над Сатурном, его кольцами и спутниками, число которых превышало три десятка.

Положение Тритона оказывалось запутанным еще более. Самая крупная из лун Нептуна была в то же время самым дальним телом Солнечной системы, имеющим постоянное население; вследствие этого обязанностей у посла Тритона было просто не перечислить. Он представлял Уран и восемь его необитаемых лун, Нептун с тремя его спутниками, Плутон с его единственной луной и сиротливую, лишенную спутников Персефону. Отыщись за Персефой и другие планеты, они тоже подпали бы под юрисдикцию Тритона. И словно всего этого не хватало, «посол внешнего мрака», как его подчас называли, случалось, плаксиво спрашивал: «А как насчет комет?..» С общего согласия ответ на его вопрос откладывался на неопределенное будущее.

И вдруг оно, это будущее, стало весомым и зримым. По формальным признакам Раму следовало отнести к кометам — ведь иные из них также были гостями из межзвездных глубин, и многие, двигаясь по гиперболическим орбитам, подходили к Солнцу даже ближе, чем Рама. Любой знаток космического права состряпал бы из приведенных доводов хорошенькое дельце, а посол Меркурия в Организации Объединенных Планет был, вне сомнения, одним из лучших знатоков...

— Разрешите предоставить слово его превосходительству послу Меркурия...

Поскольку делегаты располагались против часовой стрелки в порядке возрастания удаленности планет от Солнца, меркурианин сидел непосредственно справа от председателя. До самой последней минуты он неотрывно вглядывался в экран своего компьютера; теперь он снял синхронизирующие очки, с помощью которых читал не ведомые никому сообщения, собрал в стопку листки с записями и проворно поднялся на ноги.

— Господин председатель, уважаемые коллеги, я позволю себе начать с краткой характеристики обстановки, сложившейся на настоящий момент...

Услышь они такое из уст иного оратора, слушатели как один отозвались бы на «краткую характеристику» единодушным стоном, однако меркуриане всегда • говорили именно то, что хотели сказать.

— Гигантский космический корабль, или искусственный астероид, получивший название Рама, был впервые обнаружен более года назад еще за орбитой Юпитера. Первое время считалось, что это естественное тело, движущееся по гиперболической орбите, и что оно, обогнув Солнце, вновь уйдет в межзвездное пространство.

Когда была выяснена истинная его природа, разведывательному кораблю «Индевор», приписанному к службе Солнца, было приказано встретиться с пришельцем. Уверен, что мы от души поздравим капитана Нортон и его экипаж с мастерским выполнением поставленных перед ними уникальных задач.

В свое время многие верили, что Рама мертв, заморожен сотни тысяч лет назад и не способен ожить ни при каких обстоятельствах. Это, быть может, действительно так, но только в строго биологическом смысле. Все, кто изучал этот вопрос, в принципе согласны, что ни один живой организм сколько-нибудь значительной сложности не в состоянии перенести гипотермический сон больше двух-трех веков. Даже при температуре абсолютного нуля остаточные квантовые эффекты сотрут столь значительную часть внутриклеточной информации, что о воскрешении не может быть и речи. Поэтому казалось, что Рама представляет собой лишь громадную археологическую ценность и не вызывает никаких политических проблем.

Сейчас для нас очевидно, что подобная позиция была более чем наивной, хотя нельзя не вспомнить тех, кто с самого начала утверждал, что Рама вышел к Солнцу слишком точно для чисто случайного совпадения.

Однако и при таком условии можно было считать — собственно, так и считали, — что мы наблюдаем результат грандиозного, но неудачного эксперимента. Рама, мол, достиг намеченной цели, а разумные существа, направившие его в полет, погибли. Но и подобная точка зрения, как выяснилось, — простодушное заблуждение, заведомая недооценка интеллекта тех, с кем мы имеем дело.

Мы не приняли во внимание одного — возможности небиологической жизни. Если согласиться с весьма убедительной теорией доктора Переры, которая, безусловно, удовлетворяет всем наблюдаемым фактам, создания, населяющие сегодня Раму, до недавнего времени просто не существовали. Их чертежи или схемы были заложены в какое-то центральное хранилище, а когда пробил час, они были изготовлены из подручных материалов, по-видимому из металлоганической взвеси Цилиндрического моря. Подобный замысел, конечно, далеко превосходит наш нынешний уровень технологии, однако не представляет теоретических трудностей. Ведь

печатные схемы, не в пример живой материи, способны хранить информацию без потерь в течение практически неограниченного времени.

Таким образом, Рама сейчас переведен в рабочий режим и выполняет волю своих создателей, кто бы они ни были. С нашей точки зрения, безразлично, погибли ли сами рамане миллионы лет назад, или они, в свою очередь, будут воссозданы и присоединятся к своим слугам в определенный момент. С участием или без участия раман, их воля будет выполнена, более того, она уже выполняется.

Доказано со всей очевидностью, что на Раме есть работоспособный двигатель. Через несколько дней корабль достигнет перигелия, где по логике вещей перейдет на другую орбиту. Возможно, мы вскоре приобретем новую планету, обращающуюся в окосолнечном пространстве, которое находится под юрисдикцией моего правительства. Или, что тоже не исключается, после дополнительных маневров Рама выйдет на иную орбиту на любом расстоянии от Солнца. Быть может, даже станет спутником одной из крупных планет, например Земли...

Следовательно, коллеги-делегаты, мы сталкиваемся с богатым ассортиментом возможностей, и некоторые из них весьма неблагоприятны. Непростительной глупостью было бы считать, что рамане непременно окажутся доброжелательными и неспособными повредить нам. Если они явились к нам в Солнечную систему, значит, им здесь что-то нужно. Даже если им нужны знания и только знания, то кто поручится, что эти знания не будут использованы нам во вред?

Нам противостоит техника, обогнавшая нашу на сотни, если не на тысячи лет, и культура, с которой у нас, возможно, вообще не найдется точек соприкосновения. Мы тщательно изучили поведение раманских биологических роботов — биотов — по пленкам, отснятым капитаном Нортоном, и пришли к определенным выводам, которыми мне и хотелось бы с вами поделиться.

Нам, меркурианам, в известном смысле не повезло — у нас нет местных форм жизни. Но мы, разумеется, располагаем самыми полными представлениями о земной зоологии, и мы нашли в этих представлениях одну пугающую параллель.

Я говорю о колонии термитов. Как и Рама, такая колония есть искусственный мир, контролирующей внешнюю среду. Как и на Раме, жизнеспособность этого мира зависит от множества специализированных биологических инструментов: от рабочих, строителей, крестьян и воинов. Нам неизвестно, существует ли в колонии раман королева, но разрешите высказать догадку, что остров, названный Нью-Йорком, играет

аналогичную роль.

Очевидным абсурдом было бы продолжать эту аналогию слишком далеко, она не выдерживает критики во многих отношениях. Но я все же решил провести ее, и вот почему.

Возможно ли сотрудничество и взаимопонимание между людьми и термитами? Пока наши интересы не сталкиваются, мы относимся друг к другу терпимо. Но если нам или им понадобится территория или ресурсы другой стороны, пощады не жди.

Спасибо нашему разуму и нашей технике, мы, когда серьезно хотим, способны одержать победу. Однако подчас она дается нам нелегко, и находятся люди, верящие, что в конечном счете победа будет принадлежать термитам...

Имея это в виду, взвесьте страшную угрозу, которую Рама может — я не сказал «должен» — представлять для человеческой цивилизации.

Какие шаги мы предприняли, чтобы парировать эту угрозу в случае, если дело повернется к худшему? Ровным счетом никаких — мы только говорили, строили умозаключения да писали ученые статьи.

Итак, разрешите сообщить вам, коллеги-делегаты, что Меркурий сделал нечто большее. Исходя из положений статьи тридцать четыре космического соглашения две тысячи пятьдесят седьмого года, уполномочивающей нас на любые шаги для защиты неприкосновенности околосолнечного пространства, мы доставили в район Рамы сверхмощное ядерное устройство. Мы будем очень рады, если нам не придется к нему прибегнуть. Но теперь мы, по крайней мере, не беспомощны, как раньше.

Нас могут упрекнуть, что мы приняли решение в одностороннем порядке, без проведения предварительных консультаций. Мы принимаем этот упрек. Но не воображаете ли вы — при всем моем уважении к организации, господин председатель, — что такого решения можно было достичь в согласованном порядке в приемлемый срок? Мы считаем, что действовали не только в собственных интересах, а и в интересах всего человечества. Настанет день, когда грядущие поколения выразят нам признательность за нашу дальновидность.

Мы отдавали и отдаем себе отчет в том, какой трагедией — чтобы не сказать преступлением — будет уничтожить столь удивительное творение разума, каким является Рама. Если существует хоть какой-то путь избежать этого, не подвергая риску все человечество, мы будем счастливы узнать о нем. Мы такого пути не нашли, а время, отпущенное нам, истекает.

До момента, когда Рама достигнет перигелия, осталось несколько дней — за эти дни надо сделать выбор. Мы, разумеется, пошлем дополнительное

предупреждение на «Индевор», но советуем капитану Нортону немедленно подготовиться к тому, чтобы стартовать в течение часа. Кто поручится, что решающие события не начнутся на Рапе с секунды на секунду?..

Я заканчиваю. Господин председатель, коллеги-делегаты, благодарю вас за внимание. Надеюсь на дальнейшее продуктивное сотрудничество.

ОТВЕТСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

— Что скажете, Борис? Укладываются ли меркуриане в вашу теологическую концепцию?

— Вполне укладываются, командир, — отвечал Родриго со сдержанной улыбкой. — Существует вечный как мир спор между силами добра и силами зла. И бывают времена, когда человек обязан определить свою позицию в этом споре.

«Ну вот, чего-то в этом роде и следовало ожидать, — сказал себе Нортон. — Для Бориса вся эта история с бомбой должна была оказаться тяжким ударом, но он и не подумал замкнуться в тупой покорности». В критических обстоятельствах космохристиане проявляли себя как люди знающие и решительные — в этом смысле они напоминали меркуриан.

— У вас сложился какой-то план?

— Да, командир. План, по существу, очень прост. Надо обезвредить бомбу.

— Неужели? И как же вы думаете это сделать?

— С помощью самых обыкновенных кусачек. Будь это кто угодно другой, Нортон решил бы, что собеседник шутит. Но Борис Родриго шутить не умел.

— Пойдите! Ракета вся оцетинилась телекамерами. Уж не рассчитываете ли вы, что меркуриане будут сидеть сложа руки и ждать, когда вы совладеете с ними?

— Вот именно. Больше им ничего не останется. Когда радиосигнал дойдет до Меркурия, будет уже слишком поздно. Я спокойно управлюсь за десять минут.

— Понимаю. И они будут грызть себе локти от гнева. А вы не боитесь, что бомба оснащена автоподрывом и ваше вмешательство попросту спустит курок?

— Это крайне маловероятно. Зачем ей такое устройство? Бомба была изготовлена специально для посылки в глубокий космос. Напротив, ракета, вероятно, битком набита предохранителями, гарантирующими, что она не взорвется без прямой команды из центра. А если риск и существует, то я иду на него — можно устроиться так, чтобы «Индевор» был вне опасности. Я все обдумал.

— Не сомневаюсь, что вы действительно все обдумали, — только и ответил Нортон.

Идея была завораживающей, почти неотразимо соблазнительной; особенно прельщала капитана мысль о том, как взбесятся меркуриане, и он дорого дал бы, чтобы увидеть их лица в момент, когда они осознают, но поздно, что случилось с их смертельной игрушкой.

Однако у медали была и обратная сторона, и она, казалось, все разрасталась по мере того, как Нортон углублялся в раздумья. Он был поставлен перед необходимостью принять самое трудное — и самое ответственное — решение во всей своей жизни. И собственно, сказать так значило преуменьшить до смешного. Решение, которое предстояло принять, было самым трудным из всех, с какими когда-либо доводилось сталкиваться любому командиру: от этого решения, возможно, зависело будущее человечества. Что если меркуриане — допустим на мгновение — хоть отчасти правы?..

Когда Родриго ушел, он включил на двери надпись: «Не беспокоить»; он даже не мог припомнить, когда пользовался ею в последний раз, и был слегка удивлен, что она зажглась. Теперь он остался один, совсем один в самом сердце полного людей корабля, — один, если не считать портрета капитана Джеймса Кука, взиравшего на Нортон сквозь бездны времени.

Посоветоваться с Землей не представлялось возможным: его уже предупредили, что любое сообщение будет непременно перехвачено, хотя бы при помощи радиоаппаратуры, обслуживающей бомбу. Вся полнота ответственности ложилась всецело на его плечи.

Где-то он читал об одном из президентов Соединенных Штатов Америки — не то Рузвельте, не то Пересе, — который поместил у себя на столе табличку: «Верховная инстанция, апеллировать не к кому». Нортон не слишком ясно понимал, что имел в виду президент, но прекрасно сознавал, что ему-то самому и впрямь переадресовать ответственность некуда.

Он мог бы ничего не предпринимать, просто ждать, пока меркуриане не предложат уносить ноги. Однако как бы это выглядело в глазах потомков? Нортон не столь уж заботила проблема посмертной славы или бесчестья, но тем не менее ему не улыбалось прослыть в веках соучастником космического преступления, которое он был в силах предотвратить.

А Борис подготовил безупречный план. Как и предполагал капитан, Родриго обдумал все детали, предусмотрел любые возможности вплоть до

той, весьма сомнительной, что бомба взорвется при первом прикосновении. Даже в этом случае «Индевор» не пострадает, прикрытый Рамой словно щитом. Что касается самого лейтенанта Родриго, перспектива мгновенного причисления к лику святых не смущала его, видимо, ни в малейшей степени.

Но и в этом случае, если бомбу удастся благополучно обезвредить, это, пожалуй, еще далеко не конец. Меркуриане могут сделать новую попытку, если никто не изыщет способа остановить их. И все же будет выиграно две-три недели, и Рама давным-давно минует перигелий, прежде чем его настигнет новая ракета. К тому времени, надо надеяться, опасения паникеров окажутся несостоятельными. Или наоборот...

Быть или не быть... Никогда ранее капитану Нортону и в голову не приходило состязаться с Гамлетом. Что бы он сейчас ни предпринял, потенциальное добро и потенциальное зло уравнивали друг друга. К какому бы решению ни пришел, этически оно остается труднейшим из трудных. Если он ошибается, ошибка выяснится очень быстро. Если окажется прав, то, может статься, никогда не докажет своей правоты...

Что толку уповать на логику, бесконечно перебирать взаимоисключающие варианты будущего? Так можно ходить по кругу до скончания веков. Пришло время прислушаться к внутреннему голосу.

— Ты прав, капитан, — прошептал он. — Человечество должно сберечь чистую совесть. Что бы ни говорили меркуриане, выжить — это еще не все.

Нажав клавишу селектора, он неторопливо произнес:

— Лейтенант Родриго, прошу ко мне.

Потом прикрыл глаза и, зацепившись большими пальцами за противоперегрузочные ремни кресла, приготовился вкусить хоть пять секунд полного покоя.

Кто знает, сколько времени пройдет, прежде чем ему представится случай побездельничать снова...

Со скутера сняли все, без чего можно было обойтись, осталась голая рама, связывающая двигатели, рули и систему жизнеобеспечения. Выбросили даже сиденье второго пилота — ведь за каждый килограмм лишнего веса пришлось бы расплачиваться драгоценными секундами полетного времени.

Это была одна из причин, хотя и не главная, почему Родриго настаивал на том, чтобы идти в одиночку. Дело, говорил он, такое несложное, что помощники просто не нужны, а полет с пассажиром займет на две-три минуты больше. Облегченный скутер мог теперь развить ускорение свыше одной трети g ; следовательно, расстояние от «Индевора» до бомбы можно покрыть за четыре минуты. В распоряжении «диверсанта» останется шесть — их хватит с избытком.

Отчалив от корабля, он оглянулся всего только раз, чтобы удостовериться, что «Индевор», как и планировалось, снялся с центральной оси и тихо перемещается к краю северного торца цилиндра. К моменту, когда он доберется до бомбы, между нею и кораблем встанет вся толща Рамы.

Над полярным диском Родриго летел не торопясь. Спешить пока не было нужды: телекамеры, установленные на бомбе, не могли засечь его здесь, и следовало побереечь горючее. Затем он перевалил за изогнутую кромку цилиндра и увидел ракету, сверкающую нестерпимым блеском: солнечные лучи были здесь яростнее, чем даже на ее родной планете.

Программу автоматическому штурману он рассчитал заранее. Теперь осталось лишь ввести ее в действие; скутер стремительно развернулся и через несколько секунд уже шел полным ходом. На миг померещилось, что обретенный заново вес раздробит все кости тела, но не прошло и минуты, как Родриго привык к нему. В конце концов, он не испытывал никаких неудобств внутри Рамы, где весил вдвое больше, а родился на Земле, где сила тяжести была в три раза выше, чем сейчас.

Скутер мчался к цели стрелой, и огромный контур пятидесятикилометрового цилиндра постепенно отодвигался все дальше и дальше. Со стороны нельзя было судить о его истинных размерах, даже трудно было сказать, вращается ли он.

Сто секунд с начала полета; пройдено почти полпути. До бомбы оставалось еще слишком далеко, чтобы различить детали, просто она все ярче горела на фоне черного как смоль неба. Небо было непривычным — ни одной звезды, ни блестящей Земли, ни ослепительной Венеры: их гасили темные светофильтры, защищавшие глаза от убийственного солнечного сияния. Родриго сильно подозревал, что ставит рекорд: еще ни один человек не отважился работать в открытом космосе так близко к Солнцу. Счастье, что солнечная активность невысока...

Через две минуты десять секунд на контрольной панели зарделся мигающий огонек, тяга упала до нуля, и скутер перевернулся на сто восемьдесят градусов. Спустя мгновение двигатели вновь включились на полную мощность, но уже не разгоняя, а тормозя суденышко в том же сумасшедшем темпе — три метра в секунду и даже, пожалуй, скорее, поскольку баки с горючим стали легче наполовину. До бомбы двадцать пять километров — это еще две минуты. Он развил скорость до полутора тысяч километров в час — цифра для космического скутера совершенно безумная, может стать рекордная. Но и выпавшая на долю Родриго миссия не какая-нибудь заурядная рекогносцировка; в чем, в чем, а в этом сомневаться не приходилось.

Бомба росла на глазах; он уже видел главную антенну, неотрывно следящую за неразличимой звездочкой Меркурия. Три минуты назад эта антенна со скоростью света послала своим хозяевам изображение приближающегося скутера. Но пройдет еще две минуты, прежде чем изображение достигнет цели.

Что же, спрашивается, предпримут меркуриане, завидя скутер? Разумеется, оцепенеют от ужаса, поняв, что он приблизился к бомбе на несколько минут раньше, чем они узнали о его существовании. Наблюдатель у экрана, вероятно, прежде всего свяжется с властями — на это уйдет еще какое-то время. Но даже в худшем случае, если дежурный офицер уполномочен дать команду на взрыв и нажмет на кнопку тотчас же, — понадобится еще пять минут, чтобы сигнал вернулся сюда.

Родриго не стал бы заключать пари, но внутренне он был совершенно уверен, что такой незамедлительной реакции не последует. Меркуриане трижды подумают, прежде чем решиться уничтожить разведчика, посланного «Индевором», даже если догадаются о его намерениях. Вначале они обязательно попытаются вступить в переговоры — и это означает новую отсрочку.

Для колебаний есть и другая, еще более веская причина: вряд ли меркуриане захотят известить гигатонную бомбу на какой-то скутер.

Взорванная так далеко от Рамы, она не причинит ему ни малейшего вреда. Значит, меркуриане обязательно попытаются пододвинуть ее поближе. Но рассчитывать все равно следует на самое худшее. Он должен действовать так, словно сигнал к взрыву придет в кратчайший возможный срок — ровно через пять минут.

На протяжении последнего километра пути Родриго торопливо сопоставлял то, что видел воочию, со снимками, сделанными с дальнего расстояния. Картинки теперь воплощались в твердый металл и гладкий пластик, умозрительные выводы становились беспощадной реальностью.

Бомба представляла собой цилиндр длиной метров десять и диаметром примерно три метра — пропорции, по странному совпадению, почти повторяли цилиндр Рамы. С ракетой-носителем бомбу связывало переплетение коротких двутавровых балок. По каким-то причинам, вероятно связанным с положением центра массы, все балки отходили от носителя точно под прямым углом, и бомба зловеще напоминала молот, поднятый для удара. Это и был молот, молот достаточно мощный, чтобы сокрушить целый мир.

С обоих концов бомбы свисали связки экранированных кабелей; они убегали под цилиндрический ее корпус и исчезали где-то в недрах носителя. Значит, все управление и контроль осуществлялись оттуда — на самой бомбе не было никаких антенн. Оставалось лишь перерезать эти две связки — и она превратится в безобидную грудку мертвого металла.

В общем-то именно этого он и ожидал, и все-таки задача выглядела слишком уж простой. Бросил взгляд на часы — пройдет еще тридцать секунд, прежде чем меркуриане узнают о его существовании, даже если они не отрывают глаз от экрана, и заметят его в тот самый момент, когда он обогнул торец Рамы. В течение целых пяти минут никто в целом мире не в силах ему помешать — и на девяносто девять процентов можно ручаться, что времени в запасе гораздо больше. Как только скутер окончательно остановился, Родриго прикрепил его к ближайшей балке, чтобы оба аппарата составили нерасторжимое целое. На это ушло всего несколько секунд, инструменты давно были наготове, и он выбросился из кресла пилота, почти не обращая внимания на жесткий противорадиационный костюм.

Первым, на что он наткнулся взглядом, оказалась небольшая металлическая пластинка с надписью:

ОТДЕЛ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

Секция Д

Западный бульвар, 47

Вулканополис, 17464

За справками обращаться к м-ру Генри К.Джонсу

Следовало предполагать, что через несколько минут мистер Джонс будет очень-очень занят.

Тяжелые кусачки рассекали кабель без труда. Отделяя первые проволочные пряди, Родриго даже на минуту не задумывался о геенне огненной, запертой в считанных сантиметрах от его рук: если ему суждено выпустить силы ада на волю, он не успеет и узнать об этом...

Он опять взглянул на часы — вся операция заняла меньше минуты, он вполне укладывался в график. Теперь хвостовой кабель — и можно отправляться домой на виду у обескураженных и разгневанных меркуриан.

Но едва он притронулся ко второму пучку кабелей, как ощутил пальцами слабую вибрацию металла. Озадаченный, он оглянулся и ощупал глазами тело ракеты. Один из вспомогательных двигателей, ведающих ее ориентацией в пространстве, был окружен характерным сине-фиолетовым ореолом раскаленной плазмы. Бомба собралась двинуться в путь.

Радиограмма с Меркурия была лаконичной и непререкаемой. Пришла она ровно через две минуты после того, как Родриго скрылся за кромкой цилиндра Рамы.

КОМАНДИРУ КОРАБЛЯ «ИНДЕВОР». КОНТРОЛЬНО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ КОСМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР МЕРКУРИЙ-ИНФЕРНОУЭСТ ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ С ПОЛУЧЕНИЕМ НАСТОЯЩЕЙ РАДИОГРАММЫ ПОКИНУТЬ ОКРЕСТНОСТИ РАМЫ. В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ОДИН ЧАС. РЕКОМЕНДУЕМ ВЗЛЕТ С МАКСИМАЛЬНЫМ УСКОРЕНИЕМ В НАПРАВЛЕНИИ ОСИ ВРАЩЕНИЯ. ПОДТВЕРДИТЕ ПРИЕМ. КОНЕЦ.

Вначале Нортон просто не поверил своим глазам, потом рассердился. Он поймал себя на ребяческом побуждении радировать в ответ, что весь экипаж работает внутри Рамы и что на эвакуацию потребуются часы и часы. Но этим он, конечно, ничего бы не добился, разве что проверил бы, сильна ли воля и крепки ли нервы у меркуриан.

Но почему, почему они решили перейти рубикон за несколько дней до перигелия? Быть может, давление общественного мнения возросло настолько, что они предпочли поставить остальную часть человечества перед свершившимся фактом? Маловероятно: подобная чувствительность, прямо скажем, не в их натуре...

Отозвать Родриго он не мог, даже если захотел бы: скутер находится в радиотени Рамы, и связи с ним не будет до тех пор, пока не восстановится

прямая видимость. А этого не случится до самого завершения «диверсии» — или до ее провала.

Придется набраться терпения; времени в распоряжении Нортонa еще много, целых пятьдесят минут. И главное, что ему сейчас предстоит, — дать на ультиматум меркуриан наиболее достойный ответ.

Наиболее достойный ответ — ничего не отвечать, а просто ждать дальнейшего развития событий.

Первым чувством Родриго, когда бомба пришла в движение, был не физический страх, а нечто большее. До сих пор он верил, что Вселенная повинуетя строгим законам, перед которыми склоняется все и вся, даже Бог, а тем паче какие-то меркуриане. Ни один приказ нельзя передать быстрее скорости света; скутер заведомо обогнал на целых пять минут любую встречную акцию, любое решение.

Значит, это все-таки совпадение — фантастическое, быть может, смертельно опасное, но только совпадение. По чистой случайности радиоимпульс, включивший двигатели, был послан примерно в то же время, когда скутер отходил от «Индевора»; пока Родриго преодолевал пятьдесят, сигнал покрывал расстояние в восемьдесят миллионов километров.

А может, это просто автоматическая коррекция с целью устранить какой-нибудь местный перегрев? Температура поверхностных слоев металла местами приближалась к полутора тысячам градусов, и Родриго неспроста старался по возможности держаться в тени...

Но вслед за первым двигателем заработал и второй, уравновешивая возникшее было вращение. Нет, дело не ограничивалось температурной коррекцией. Бомба изменяла ориентацию, нацеливаясь точно на Раму.

Бессмысленно вопрошать, отчего да почему это случилось именно в данный момент. Одно обстоятельство играло ему на руку: бомба, вне сомнения, разгонялась с невысоким ускорением. Одна десятая g, самое большее. Он не сорвется.

Родриго проверил захваты, крепящие скутер к опорным балкам, и — вдвойне тщательно — собственный страховочный пояс. В сознании вскипал холодный гнев, подкрепляя и без того твердую решимость. Означает ли этот маневр, что меркуриане намерены взорвать бомбу без предупреждения, не дав «Индевору» времени на спасение? Это казалось невероятным — не просто жестокость, а совершеннейшее безумие, сознательный вызов всей Солнечной системе. Что же заставило их преступить клятву, торжественно данную их полномочным послом?

Каков бы ни был их план, ему не исполниться.

Вторая радиограмма с Меркурия походила на первую как две капли воды, но появилась на десять минут позднее. Итак, они продлили срок ультиматума — в распоряжении Нортон по-прежнему оставался один час. И очевидно, что они, прежде чем повторить свой приказ, все-таки дали «Индевору» время на ответ.

Однако теперь в их расчеты вмешался новый фактор: теперь они уже заметили Родриго и, вероятно, предприняли какие-то решительные действия. Надо думать, их директивы уже в пути. С секунды на секунду радиоволны достигнут ракеты...

Придется готовиться к старту. В любую секунду заполняющая небо громада Рамы может раскалиться по краям и вспыхнуть недолгим яростным сиянием, затмевающим самое Солнце.

Когда заговорил главный двигатель, Родриго был привязан вполне надежно. Двигатель проработал всего двадцать секунд — и смолк. Родриго проделал в уме быстрый подсчет: приращение скорости не могло оказаться больше пятнадцати километров в час. Понадобится час с лишним, чтобы бомба подошла к Раме вплотную; пожалуй, меркуриане просто решили пододвинуть ее поближе, чтобы при необходимости быстрее поразить цель. Если так, то это разумная предосторожность. Разумная, но слишком запоздалая.

Родриго вновь взглянул на часы, хотя за последние минуты чувство времени обострилось у него настолько, что почти не нуждалось в проверке. На Меркурии уже увидели, что он целеустремленно подбирается к бомбе, что их разделяют какие-то полтора-два километра. Насчет его намерений у них наверняка не возникло и тени сомнения; скорее всего там сейчас гадают, осуществил он их или еще не успел...

Второй пучок кабелей подался так же легко, как и первый; руки у Родриго были сноровистые, а инструмент действовал без осечки. Он обезвредил бомбу или, вернее, добился того, чтобы ее нельзя было взорвать дистанционным приказом.

Но оставалась иная возможность, которой тоже не следовало пренебрегать. Отсутствие на бомбе внешних взрывателей еще не означало, что нет и взрывателей внутренних, способных на детонацию при ударе. Меркуриане все еще сохраняли контроль над движением самой ракеты и могли, если бы захотели, направить ее на столкновение с Рамой. Родриго еще не мог считать свою миссию полностью завершенной.

Пройдет пять минут — и в центре управления, скрытом где-то на Меркурии, увидят, как он сползает по балкам обратно к ракете, сжимая в руке скромных размеров кусачки, обезвредившие самое мощное оружие, которое когда-либо создавал человек. Родриго с трудом преодолел искушение помахать ими перед телекамерой, но все же решил, что это ниже его достоинства; в конце концов, он делает историю, и в грядущие годы эту сцену будут наблюдать миллионы и миллионы людей. Если, конечно, меркуриане не уничтожат запись в припадке бессильной злобы, однако он лично вряд ли вправе осуждать их.

Добравшись до большой антенны дальнего действия, он перебирал руками по стойкам, пока не подплыл к самой ее чаше. Его верные кусачки шутя справлялись со сложной подводкой, с равной легкостью перерезая кабели и волноводы. Едва он рассек последнюю из стальных нитей, антенна принялась медленно вращаться на оси; вращение испугало его своей неожиданностью, но потом он понял, что нарушил систему автоматической ориентации на Меркурий. Еще пять минут — и меркуриане потеряют всякую связь с бывшей своей служанкой. Та теперь не просто обессилела, а стала глуха и слепа...

Не торопясь, Родриго вернулся на скутер, отпустил причальные захваты и, развернув суденышко, уперся передним бампером в корпус ракеты, как можно ближе к предполагаемому центру массы. Затем дал полную тягу и поддерживал ее добрых двадцать секунд.

Вес ракеты вместе с бомбой превышал собственную массу скутера во много раз, и разгон был еле заметен. Но вот Родриго сбросил тягу до нуля и тщательно замерил новые параметры движения бомбы.

Она, бесспорно, разминется с Рамой, и разминется далеко, вместе с тем ее положение в пространстве можно вычислить с идеальной точностью в любом отдаленном будущем. В конце концов, бомба — это целый комплекс оборудования, сложного и очень дорогого.

Лейтенант Родриго был человек почти патологической честности. Он вовсе не хотел, чтобы меркуриане предъявляли ему обвинение в утере принадлежащего им имущества.

— Дорогая, — начал диктовать Нортон, — вся эта чепуха задержала нас на сутки с лишним, зато наконец-то дала мне возможность потолковать с тобой...

Я все еще на корабле, но он уже возвращается к своей стоянке у полярной оси. Час назад мы подобрали Бориса, вид у него был такой, словно он просто вернулся с дежурства после спокойной вахты. Думаю, что на Меркурии ни мне, ни ему теперь никогда не бывать, и могу только гадать, как нас встретит Земля — как героев или как негодяев. Но совесть моя чиста: внутренне я уверен, что мы поступили правильно. Интересно, дождемся ли мы хоть какой-нибудь благодарности от самих раман?..

Задерживаться здесь мы можем теперь не дольше чем на два дня: «Индевор» не Рама, у нас нет километровой брони, оберегающей нас от Солнца. Корпус корабля местами уже раскален до опасных пределов, и нам пришлось выставить защитные экраны. Извини, не хочу докучать тебе своими капитанскими заботами...

Времени осталось как раз на один последний поход в глубь Рамы, и я намерен выжать из этого похода максимум. Однако не волнуйся — я, в сущности, ничем не рискую...

Он остановил запись. По правде сказать, такое заявление можно было принять разве что с натяжкой. В пределах Рамы опасность и неуверенность неизбежно сопровождали каждый шаг, перед лицом недоступных пониманию сил ни один человек не смел чувствовать себя, как дома. А в этом последнем походе он решил рискнуть чуть больше, чем прежде.

— Через сорок восемь часов наша миссия будет завершена. Что потом, до сих пор неясно: на пути сюда мы сожгли фактически все свое топливо. Я не знаю, успеет ли танкер встретиться с нами вовремя, чтобы мы сумели вернуться на Землю, или нам придется садиться на Марс. Так или иначе, к Новому году буду с вами. Передай малышу, что не могу, к сожалению, привезти ему детеныша биота — таких, увы, в природе не существует...

Чувствуем себя хорошо, только очень устали, Я заслужил продолжительный отпуск, и мы с тобой постараемся наверстать потерянное время. Можешь смело считать, что вышла замуж за героя. Многие ли жены вправе утверждать, что их мужьям довелось спасти целый мир?..

Как всегда, прежде чем снимать с пленки копию, он внимательно прослушал ее и удостоверился, что текст приемлем для обеих семей. Он даже приблизительно не знал, какую из них увидит первой: обычно его личное расписание составлялось по крайней мере на год вперед в соответствии с неумолимым движением самих планет.

Но то было в прежние, «дораманские», времена, теперь ничто и никогда не будет так же, как встарь.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗАМОК

— А ты не боишься, — спросил Карл Мерсер, — что биоты попробуют остановить нас?

— Не исключено. Собственно, это один из вопросов, на которые я хотел бы найти ответ. Слушай, что ты на меня так уставился?

Мерсер смотрел на Нортон с затаенной усмешкой; такая усмешка появлялась у Карла на лице всякий раз, когда ему на ум приходило какое-то острое словцо, иногда он изрекал это словцо, а иногда нет...

— Уж не вообразил ли ты, шкипер, что стал на Раме владыкой? До сих пор ты категорически пресекал все попытки проникнуть в здания. Чему мы обязаны переменной в твоём настроении? Меркуриане подсказали новую тактику?

Нортон расхохотался, но тут же сдержал себя. Вопрос с подвохом, и он не был уверен, что самый очевидный из ответов окажется самым правильным.

— Пожалуй, я был осторожен сверх меры, стараясь во что бы то ни стало избежать осложнений. А теперь это наш последний шанс: если нас даже вынудят к отступлению, мы ничего не теряем.

— При условии, что отступление пройдет организованно.

— Разумеется. Но биоты никогда не проявляли к нам вражды. Если уж придется драпать, кроме пауков, нас никто и не догонит.

— Ты можешь драпать, если хочешь, а я намерен удалиться с достоинством. Между прочим, я понял, почему биоты ведут себя с нами так вежливо.

— Тебе не кажется, что для новой теории у нас уже нет времени?

— Тем не менее выслушай. Они считают нас раманами. Просто-напросто не видят разницы между одним существом, поглощающим кислород, и другим.

— Ни за что не поверю, что они настолько глупы.

— Дело тут отнюдь не в глупости. Их запрограммировали строго определенным образом, а мы никак не укладываемся в систему их представлений.

— Может, ты и прав. Но без набега на Лондон этого тоже не выяснить.

Старые фильмы про гангстеров и грабителей всегда приводили Джо Колверта в восторг, но он и в мыслях не держал, что однажды сам станет участником грабежа. Ведь, по существу, нынешняя его роль ничем не отличается от гангстерской.

Пустынные улицы Лондона казались полными угроз, хотя он прекрасно осознавал, что страхи порождены его собственной нечистой совестью. Конечно же, он не думал, что в строениях без окон, окруживших группу со всех сторон, прячутся настороженные обитатели, которые хлынут наружу свирепыми ордами, едва пришельцы поднимут руку на их священную собственность. В общем-то, всем было ясно, что Лондон — как и остальные «города» — представляет собой лишь своеобразный склад.

Но возникали и страхи иного рода, также навеянные древними детективными лентами, однако более обоснованные. Здесь не приходилось ждать ни пронзительных сигнальных звонков, ни истошных сирен, но какая-то предупредительная система на Раме, по всей видимости, была. Иначе как бы биоты узнавали, где и когда требуются их услуги?

— Кто без очков, отвернитесь, — распорядился сержант Майрон.

Резкий запах окиси азота — в луче лазерного ножа горело все, даже самый воздух, — затем пронзительное шипение, как только огненное лезвие коснулось металла. Никакое материальное тело не могло противостоять этому сгустку энергии, и разрез, открывающий путь к раманским секретам, увеличивался буквально на глазах. За считанные минуты нож вырезал плиту в рост человека.

Майрон повременил, но плита не шелохнулась; постучал по ней сначала легонько, потом сильнее, наконец ударил изо всех сил. Плита рухнула внутрь с гулким раскатистым звоном.

И вновь, как и в первые дни знакомства с Рамой, Нортон представил себя археологом, вскрывающим древнеегипетскую гробницу. Нет, он не ждал увидеть мерцание золота и вообще не питал никаких определенных надежд, но ему не терпелось шагнуть в отверстие с фонарем в руке.

Хрустальный замок — таково было первое его впечатление. Строение заполняли ряды прозрачных вертикальных колонн. Сотни колонн, толщиной около метра каждая, а высотой от пола до потолка, убежали от него в темноту, куда не мог проникнуть луч фонаря.

Нортон подошел к ближайшей колонне и посветил в ее глубину. Преломившись, словно в цилиндрической линзе, свет прошел насквозь, развернулся веером, достиг следующей колонны, вновь собрался в пучок и вновь раздробился, и так еще и еще, пока не погас вдали. Капитану почудилось, что он находится в помещении, где проводятся какие-то

сложные оптические эксперименты.

— Очень красиво, — заявил практичный Мерсер, — но кому нужен лес стеклянных столбов?

Нортон осторожно постучал по колонне пальцами. Судя по звуку, она была прочной, но это был скорее металл, а не стекло. Озадаченный, он последовал услышанному когда-то совету: «Не понял — не подавай виду и иди дальше».

Добравшись до соседней колонны, которая выглядела точно так же, как и предыдущая, он услышал удивленное восклицание Мерсера:

— Я мог бы поклясться, что колонна была пуста, а теперь там что-то есть...

Нортон стремительно обернулся:

— Где? Ничего не вижу...

Он смотрел в направлении, куда указывал Мерсер, но по-прежнему видел только совершенно прозрачную колонну.

— Не видишь? — недоверчиво спросил Мерсер. — Обойди с этой стороны. Дьявол, теперь и я потерял его из виду...

— Что здесь происходит? — осведомился Колверт.

Прошло несколько минут, прежде чем что-то для них прояснилось.

Колонны казались прозрачными не при любом освещении и не под всяким углом. Стоило не торопясь обойти любую из них, и перед вашим взором возникали странные предметы, утопленные, словно насекомые в янтаре, — они появлялись и тут же исчезали опять. Там было множество разных предметов. Выглядели они вполне реальными и вещественными, но порой занимали, казалось, одно и то же место в пространстве.

— Голограммы, — догадался Колверт. — В точности как в земных музеях.

Объяснение представлялось вполне приемлемым, и потому Нортон отнесся к нему с подозрением. Сомнения крепили по мере того, как капитан осматривал колонны за колонной и сопоставлял образы, замурованные в их недрах.

Инструменты (для рук огромной величины и диковинной формы), сосуды, какие-то маленькие машинки с клавиатурой, требующей не пяти, а гораздо большего количества пальцев, научные приборы и предметы домашнего обихода до неправдоподобия заурядные, например ножи и тарелки, вполне уместные, если бы не их размеры, в любой земной квартире, — там было все и еще сотни вещей менее понятного назначения, чаще всего сваленные вместе, в одной куче. Музей, любой музей, строится по определенной логической схеме: связанные друг с другом экспонаты

группируются определенным образом. А здесь в лучшем случае была коллекция всевозможной утвари, сложенной как попало.

Они принялись ряд за рядом фотографировать ускользящие образы в хрустальных колоннах, и тогда полнейшая разнородность предметов наконец навела Нортон на догадку. Что если это не коллекция, а каталог, составленный в соответствии с внешне произвольной, но по-своему логичной системой? Он подумал о том, какие дикие сочетания рядом стоящих понятий встречаются в словаре или в алфавитном инвентаризационном списке, и поделился своей идеей с товарищами.

— Мысль понятна, — ответил Мерсер. — Рамане пришли бы в не меньшее удивление, обнаружив, что мы ставим рядом ну, скажем, кинжал с кинокамерой.

— Или книгу — с кнопкой и кнутом, — добавил Колверт после некоторой паузы. «В эту игру можно играть до бесконечности», — подумал он.

— Именно, — подтвердил Нортон. — Перед нами что-то вроде каталога стереоизображений, вернее, пространственных лекал или трехмерных схем, если вам так больше нравится.

— Итак, — произнес Мерсер задумчиво, — если раманину понадобилась какая-нибудь редкостная безделушка, он набирает определенный кодовый номер и она изготавливается по припасенному здесь шаблону?

— Что-то в этом роде. Только, сделайте милость, не требуйте от меня подробностей...

Колонны, среди которых они шли, все увеличивались в размерах, и теперь диаметр их превышал два метра. Изображения стали соответственно крупнее: не составляло труда догадаться, что по каким-то, несомненно, серьезным причинам рамане неукоснительно придерживались масштаба один к одному. «Но если так, — заинтересовался Нортон, — как же они хранят что-то по-настоящему громоздкое?..»

Чтобы охватить как можно большую площадь, четверо людей рассыпались среди хрустальных колонн и снимали, снимали, едва успевая наводить свои камеры на образы-привидения. «Нам удивительно повезло, — твердил себе Нортон, хотя и чувствовал, что заслужил удачу, — даже имея выбор, мы не могли бы представить себе ничего лучшего, чем этот иллюстрированный каталог раманских изделий». И в то же время трудно было вообразить себе что-нибудь более досадное. Ведь там, в толще колонн, не было ничего, кроме неосязаемой игры света и тени: предметы, такие реальные на вид, в действительности не существовали...

Но, даже отдавая себе в этом полный отчет, Нортон не раз ловил себя на странном желании полоснуть по колонне лазером, чтобы привезти с собой на Землю хоть что-то материальное. В конце концов он сказал себе сурово, что подобное желание достойно мартышки, хватающей банан в зеркале.

Он был поглощен съемкой какого-то, по-видимому, оптического устройства, когда внезапный крик Колверта заставил его опрометью броситься сквозь строй хрустальных колонн.

— Шкипер! Карл! Уилл! Взгляните-ка вот на это...

Джо грешил подчас беспричинными взрывами энтузиазма, однако эта его находка оправдывала самый буйный восторг.

Внутри одной из двухметровых колонн прятались замысловатые доспехи — или мундир, — созданные, вне всякого сомнения, для прямоходящего существа ростом значительно выше человека. От узкого металлического пояса, предназначенного для талии, торса или чего-то вовсе не ведомого земной анатомии, кверху отходили три легких стержня, на которых держался внушительный обруч метрового диаметра и идеально круглой формы. Вдоль обруча равномерно размещались петли, предназначенные явно для верхних конечностей — для рук. Для трех рук...

И еще на обруче были бесчисленные кармашки, хомутики, под сумки с торчащими из них инструментами (или оружием?), патрубки, контакты и даже маленькие черные коробочки, которые вполне пришлись бы ко двору в любой электронной лаборатории на Земле. В целом доспехи по сложности конструкции напоминали космический скафандр, хотя и защищали своего хозяина только частично.

«Каков же этот хозяин? — спросил себя Нортон. — Этого мы, вероятно, никогда не узнаем. Но кто бы он ни был, он наделен разумом — иначе не справится с такой сложной аппаратурой...»

— Метра два с половиной, — произнес вслух Мерсер, — это без головы. Интересно, на что она похожа?

— Рук три, ног, должно быть, тоже три. Вроде пауков, только много массивнее. Ты думаешь, совпадение?

— Может, и нет. Мы конструируем роботов по собственному образу и подобию. Почему не допустить, что рамане поступают так же?

Джо Колверт, на редкость присмиривший, взирал на доспехи с почти благоговейным выражением.

— Знают ли они, что мы здесь? Как вы считаете? — прошептал он.

— Сомневаюсь, — ответил Мерсер. — Мы не проникли даже на порог их сознания. Правда, меркуриане на этот счет другого мнения.

Они все еще толпились у колонны, не в силах отойти от нее, когда рация донесла встревоженный голос Питера:

- Шкипер, выбирайтесь скорее наружу!
- Что стряслось? Биоты пошли в атаку?
- Нет, гораздо хуже. Рама гасит огни.

Когда Нортон в спешке выбрался из вырезанной лазером дыры, ему сначала показалось, что шесть солнц Рамы светят как прежде. «Ну конечно, — подумал он, — Питер ошибся... Хотя это на него вовсе не похоже...»

Но сам Питер предвидел именно такую реакцию.

— Свет ослабевает так постепенно, — объяснял он извиняющимся тоном, — что я сам не сразу заметил разницу. Но ослабевает несомненно — я замерил. Уровень освещенности упал на сорок процентов...

Нортон и сам заметил это, как только глаза после полумрака хрустального замка заново привыкли к свету. Долгий раманский день близился к концу.

Снаружи было по-прежнему тепло, но тело охватывала невольная дрожь. Нортону однажды уже довелось испытать такое ощущение в погожий летний день на Земле. На небе ни облачка, а свет необъяснимо гаснет, словно тьма зарождается прямо в воздухе или солнце утратило силу. Тогда он сообразил, что наблюдает частичное солнечное затмение.

— Ну вот, — сказал он хмуро. — Возвращаемся домой. Оставьте все снаряжение здесь, больше оно нам не понадобится.

Наконец-то хоть одна из мер предосторожности, кажется, оправдалась. Он выбрал Лондон как объект набега потому, что ни один другой «город» не располагался так близко к лестнице: от подножия Беты их отделяли всего четыре километра.

Они пустились в путь быстрыми размеренными прыжками. Нортон предложил темп, который, по его расчету, выведет их на край равнины без переутомления, но в минимальный срок. Капитан без особой радости представил себе восьмикilометровый подъем, который ждет их на Бете, но ему, решил он, станет много спокойнее, когда они начнут восхождение.

Первый толчок нагнал их почти у самого основания лестницы. Толчок был очень легким, и Нортон инстинктивно повернулся к югу, думая увидеть новый огненный спектакль в районе рогов. Но Рама никогда не повторялся: если над вершинами острых как иглы гор и скапливались электрические заряды, то на сей раз они были слабы и незаметны.

— На корабле, — вызвал он по радио, — вы что-нибудь заметили?

— А как же, шкипер, небольшое сотрясение. Возможно, новое

изменение ориентации. Следим за гирокомпасом — пока ничего. Нет, погодите-ка! Стрелка движется! Еле заметно, меньше микрорадиана в секунду, но определенно движется!

Итак, Рама начал разворот — почти неуловимо медленно, но начал. Более ранние удары были, может статья, ложной тревогой, но этот — этот имел последствия.

— Угловая скорость нарастает — пять микрорад. Алло, алло, а новый толчок вы заметили?

— Конечно. Переведите все системы корабля на рабочий режим. Не исключена возможность экстренного старта.

— Вы думаете, Рама сменит орбиту? Но до перигелия еще далеко...

— Я прежде всего думаю, что рамане учились не по нашим учебникам. Мы у подножия Беты. Пять минут остановки на отдых.

Пять минут — это было намного меньше, чем требовалось, но и они показали вечностью. Потому что ни у кого не оставалось сомнений, что свет слабеет — и слабеет быстро.

Правда, каждый был вооружен фонарем, однако сама мысль о темноте стала невыносимой: они настолько привыкли к бесконечному дню, что с трудом припоминали обстановку, когда впервые проникли в этот мир. Помимо воли, людьми овладевало непреодолимое желание спастись, выбраться к лучезарному солнцу, от которого их отделяла километровая цилиндрическая стена.

— Группа наблюдения! — вызвал Нортон. — Прожектор действует? Он может нам срочно понадобиться.

— Так точно, шкипер. Включаем.

Высоко над головами вспыхнула успокоительно светлая искорка. По сравнению с блекнувшим раманским днем она выглядела на удивление немошной, но уже сослужила им хорошую службу раньше и, если возникнет нужда, сослужит опять.

Нортон был мрачен; он отдавал себе отчет в том, что восхождение покажется самым долгим, самым невыносимо напряженным из всех, какие выпадали на их долю. Что бы ни случилось, они не вправе спешить, перенапряжение кончится попросту обмороком где-нибудь на середине головокругительного склона и все равно придется ждать, прежде чем восставшие мускулы позволят двигаться дальше. Да, конечно, за это время они стали одним из самых закаленных экипажей, когда-либо работавших в космосе, и все-таки есть пределы, перешагнуть которые людям из крови и плоти не дано.

Через час тяжелого подъема они добрались до четвертого пролета

лестницы, примерно в трех километрах над равниной. Дальше дела, надо надеяться, пойдут лучше — притяжение уже составляло менее трети земного. Изредка повторялись слабые толчки, но других необычных явлений не наблюдалось, и света по-прежнему было достаточно. В сердцах вновь затеплился оптимизм, даже шевельнулось сомнение, не слишком ли рано они отступили. Но так или иначе, одно оставалось ясным: пути назад уже нет. По равнине Рамы все они прошли в самый последний раз.

На четвертой площадке они сделали десятиминутную передышку, и тут Джо Колверт внезапно воскликнул:

— Что это за звук, шкипер?

— Какой звук? Я ничего не слышу.

— Очень тонкий свист с перепадами по частоте — его просто нельзя слышать.

— Ваши уши моложе моих, и... Да, теперь слышу.

Свист, казалось, исходил отовсюду. Он стал громким, затем пронзительным, затем быстро ослаб. И вдруг прекратился вовсе.

Через несколько секунд все повторилось снова в той же последовательности. Словно сирена маяка, печальная и требовательная, слала свои сигналы в туманную ночь. Свист нес в себе какое-то сообщение, и притом срочное. Оно не было предназначено для их ушей, но они его поняли. И, удваивая силу призыва, его подхватили огни.

Огни померкли, почти погасли — и начали мигать. По узким долинам, некогда освещавшим этот мир, понеслись ослепительные, как шаровые молнии, нити огненных четок. Они бежали от обоих полюсов к морю в синхронном, гипнотическом ритме, который мог иметь одно-единственное значение. «В море!.. — звали огни. — В море!..» Призыву было трудно противиться: среди космонавтов не нашлось человека, который не испытал бы побуждения вернуться и искать спасения в водах Рамы.

— Группа наблюдения! — повелительно произнес Нортон. — Вам видно, что происходит?

Голос Питера, донесшийся в ответ, звучал прямо-таки испуганно:

— Так точно, шкипер. Я как раз смотрю на Южный континент. Там до сих пор полным-полно биотов, включая самых больших. Краны, бульдозеры, много мусорщиков. И все они несутся к морю с такой скоростью, какой я у них никогда не видывал. Вон кран подкатился к краю утеса и — бух через край! Прямо как Джимми, только летит быстрее... ударился о воду — сноп брызг... и откуда ни возмись акулы, вцепились в него и рвут на куски... хм, зрелище не из приятных...

Смотрю дальше, на равнину. Один из бульдозеров, кажется, сломался,

движется все время по кругу... К нему подскочила парочка крабов, режут его на части... Шкипер, по-моему, вам лучше бы вернуться немедленно...

— Честное слово, — ответил Нортон проникновенно, — мы делаем все, что в наших силах.

Рама, как корабль перед штормом, задраивал люки. Таково было ощущение, владевшее Нортонем, хотя он и не сумел бы его логически обосновать. Он уже не мог бы поручиться за свой рассудок — душу раздирали два противоположных стремления: необходимость спастись и острое желание подчиниться зову молний, вспыхивающих в небе и приказывающих присоединиться к биотам в их движении к морю.

Еще один пролет лестницы — еще одна десятиминутная передышка, чтобы мышцы освободились от яда усталости. Потом снова в путь — осталось еще два километра, но лучше о них не думать...

От свиста, непрерывно меняющего частоту, можно было сойти с ума — и вдруг его не стало. В то же мгновение огненные четки, пылавшие в прорезях прямых долин, прекратили свой бег к морю, шесть линейных солнц Рамы вновь превратились в сплошные полосы света.

Однако эти полосы быстро меркли, временами мигая, словно энергетические источники, питающие исполинские лампы, почти истощились. Изредка под ногами ощущалась легкая дрожь, с «Индевора» докладывали, что Рама по-прежнему разворачивается с неуловимой медлительностью, как игла компаса в слабом магнитном поле. Это, пожалуй, был обнадеживающий признак: вот если бы Рама уже закончил разворот, Нортон всполошился бы не на шутку.

Как доложил Питер, биоты исчезли все до одного. Во всем пространстве Рамы не осталось ничего живого, за исключением людей, с мучительной нерасторопностью карабкающихся по вогнутой чаше северного купола.

Нортон давным-давно забыл о головокружении, испытанном тогда, во время первого восхождения, зато теперь в сознание начали закрадываться страхи другого рода. Здесь, на бесконечном подъеме от равнины к шлюзам, они были так уязвимы! Что если Рама, завершив маневр, без промедления начнет разгон?

Усилие, очевидно, будет направлено вдоль оси. Если на юг, то это не составит проблемы: их просто прижмет к склону, по которому они поднимаются, немного сильнее. А если на север? Тогда их, чего доброго, выбросит в пространство и рано или поздно они свалятся на равнину далеко внизу...

Он старался успокоить себя тем, что вероятное ускорение очень и

очень невелико. Вычисления доктора Переры крайне убедительны: Рама не может разгнаться с ускорением силы тяжести большим, чем одна пятидесятая g, иначе Цилиндрическое море выплеснется через южный утес и затопит целый континент. Но Перера сидел у себя на Земле в уютном кабинете и не знал, что такое километры металла, угрожающе нависшего над головой. И кто сказал, что Рама не приспособлен для периодических наводнений?..

Да нет, это просто смешно. Нелепо и думать, что триллионы тонн способны вдруг ринуться вперед с таким ускорением. И тем не менее на протяжении всего остатка пути Нортон ни на миг не отводил руку от гарантирующих безопасность перил.

Казалось, прошли годы, прежде чем лестница кончилась. Впереди остались лишь считанные сотни метров вертикального, врезанного в плоскость трапа. Трапа, по которому на сей раз даже карабкаться не придется: наблюдатель, перебирая канат, с легкостью вытянет их одного за другим. Притяжение уже не помеха — даже у основания трапа человек весит менее пяти килограммов, а наверху и вовсе ничего не весит.

Так что Нортон мог отдохнуть, устроившись в канатной петле и от случая к случаю хватаясь за перекладину, чтобы совладать с силой Кориолиса, слабеющей, но все еще стремящейся оттащить его тело от трапа. Он почти забыл о судорогах, сводящих каждый мускул, — он смотрел на Раму в последний раз.

Видимость сохранялась примерно такой, как на Земле в полнолуние: общая картина вполне отчетлива, хотя деталей не разглядеть. Южный полюс был частично затянут каким-то светящимся туманом, сквозь который виднелся только Большой рог, но он со стороны вершины казался маленькой черной точкой.

Тщательно нанесенный на карты, но по-прежнему неведомый континент за морем выглядел таким же хаосом лоскутков, как и всегда. Перспектива была слишком искажена, а картина слишком сложна для исследования невооруженным глазом, и Нортон почти не удостоил ее вниманием.

Он обвел взглядом кольцо Цилиндрического моря и заметил впервые, что барашки пены складываются в геометрически правильный рисунок, будто волны натываются на рифы через равные интервалы. Он не сомневался, что сержант Барнс благополучно преодолела бы эти волны, попроси он ее переплыть море и верни ей погибший «Реэволюшн».

Нью-Йорк, Лондон, Париж, Москва, Рим... Он говорил последнее «прости» городам северного полушария, в душе надеясь, что рамане

простят ему причиненный им ущерб. Быть может, они поймут, что все делалось в интересах науки.

Затем неожиданно для себя он очутился в нетерпеливых руках друзей, которые подхватили его и подтолкнули к воздушному шлюзу. Собственные его руки и ноги от перенапряжения неудержимо дрожали, и он был искренне рад, что с ним обращаются как с немощным инвалидом.

Когда поворотная дверь воздушного шлюза навсегда отрезала его от величественного пейзажа, он успел подумать: «Странно, что ночь наступила здесь именно тогда, когда Рама вплотную приблизилась к Солнцу...»

ГИПЕРДВИГАТЕЛЬ ВКЛЮЧЕН

Нортон решил, что дистанция в сто километров дает достаточную гарантию безопасности. Рама, обращенный к «Индевору» бортом, превратился в большой черный прямоугольник, заслоняющий Солнце. Капитан воспользовался благоприятной возможностью, чтобы завести свой корабль в тень, снять перегрузку с систем охлаждения и — лучше поздно, чем никогда — провести кое-какой текущий ремонт. Отбрасываемый Рамой теневой конус мог исчезнуть в любой момент, и Нортон стремился использовать его до последней минуты.

Рама продолжал разворачиваться, направление его оси изменилось уже почти на пятнадцать градусов, и с каждым градусом, по логике вещей, близился переход на новую орбиту. В Организации Объединенных Планет возбуждение достигло степени истерии, однако до «Индевора» доходили лишь слабые его отзвуки. Экипаж был измотан и физически, и эмоционально и, не считая вахтенных, число которых было сокращено до минимума, проспал после взлета с Северной базы полных двенадцать часов. Нортон по совету врача включил аппарат электросна, и все равно ему мерещилось, что он взбирается по бесконечной лестнице.

На второй день после возвращения на корабль все или почти все вошло в нормальную колею, исследования внутри Рамы уже представлялись частью какой-то другой жизни. Нортон принялся разгребать накопившиеся бумаги и строить планы на будущее, но на просьбы об интервью, которые непонятно как просачивались на частоты Службы Солнца и даже Космического патруля, отвечал категорическим отказом. Меркурий хранил молчание, и Генеральная Ассамблея прервала свою сессию, хотя делегаты и условились, что при необходимости соберутся в течение часа.

Через тринадцать часов после старта с Рамы, едва Нортон впервые заснул здоровым сном, его жестоко встряхнули за плечо. Он невнятно выругался, приоткрыл глаза, узнал Карла Мерсера и, как любой хороший капитан, мгновенно полностью очнулся.

- Больше не крутится?
- Точно. Застыл на месте, как скала.
- Пошли в рубку...

Весь «Индевор» был уже на ногах, даже шимпанзе поняли, что происходит нечто необычное, и тревожно пищали, пока сержант Макэндриус не успокоил их двумя-тремя быстрыми взмахами руки. И все же Нортон, устраиваясь в кресле и затягивая привязные ремни, поймал себя на мысли, не очередная ли это ложная тревога.

Цилиндр Рамы, казалось, укоротился, из-за края его выглядывал палящий солнечный ободок. Нортон мягко передвинул «Индевор» в густую тень искусственного затмения и вновь увидел на фоне нескольких наиболее ярких звезд жемчужное сияние короны. Огромный протуберанец, высотой по крайней мере полмиллиона километров, выбросился так далеко в пространство, что верхние его языки казались ветвями темно-красного огненного дерева.

«Теперь остается только ждать, — сказал себе капитан. — Сколько бы ни длилось ожидание, главное — не потерять готовности мгновенно перейти к действию, включить все приборы, не забыв ни одного...»

Странное явление: звездное небо тронулось с места, как если бы он запустил маневровые двигатели. Но ведь он не притрагивался к рычагам управления, и, если бы корабль действительно пришел в движение, он ощутил бы это в тот же миг...

— Шкипер! — вызвал его взволнованный Колверт из штурманской. — Мы вращаемся, взгляните на звезды! Но ни один прибор не показывает ровным счетом ничего.

— Гироскопы в порядке?

— В полном порядке, и стрелки все на нулях. Но мы вращаемся со скоростью три-четыре градуса в секунду.

— Это немыслимо!

— Разумеется немыслимо, но взгляните сами...

Когда отказывает все остальное, приходится полагаться на собственные глаза. Звездное небо, несомненно, смещалось — вон по экрану левого борта медленно проплыл Сириус. Одно из двух: или Вселенная решила вернуться к докоперниковой космологии и вдруг принялась вращаться вокруг «Индевора», или звезды пребывали на своих местах, а вращался корабль.

Второе объяснение представлялось значительно более вероятным, зато приводило к другим, казалось бы, неразрешимым парадоксам. Если бы корабль в самом деле вращался, да еще с такой скоростью, он, Нортон, не мог бы не почувствовать этого — в полном соответствии со старой поговоркой — буквально на собственной шкуре. Да и гироскопы никак не могли отказать одновременно и независимо друг от друга.

Значит, остается один ответ. Каждый атом «Индевора» захвачен некоей могущественной силой — породить такой эффект могло лишь мощное гравитационное поле. Или, точнее, не способно ни одно другое из известных земной науке...

И тут звезды исчезли совсем. Пылающий диск Солнца поднялся из-за щита Рама, и его ослепительный блеск будто стер их с небосклона.

— Локатор что-нибудь показывает? Какова скорость удаления?

Нортон был вполне готов к тому, что и локатор выйдет из повиновения, но он заблуждался.

Рама наконец-то уходил с прежней орбиты, уходил со скромным ускорением, равным пятнадцати тысячным g . Нортон не преминул отметить про себя, что доктор Перера, вероятно, счастлив — ведь он предсказывал предельное ускорение порядка двух сотых g . А «Индевор» держался в кильватере удаляющегося исполина, и его закрутило позади, как обломок кораблекрушения...

Час за часом ускорение оставалось постоянным; Рама улетал от «Индевора» с непрерывно возрастающей скоростью. По мере удаления цилиндра противоестественное поведение самого «Индевора» мало-помалу прекратилось, нормальные законы инерции вновь вступили в свои права. Можно было лишь гадать о чудовищных силах, приведших Раму в движение, если даже дальние их завихрения вызвали такой эффект, и Нортон возблагодарил судьбу, что успел отвести «Индевор» на безопасное расстояние, прежде чем Рама включил свой гипердвигатель.

Что касается природы этого двигателя, несомненным было одно: Рама перешел на новую орбиту без помощи газовых струй, ионных лучей или потоков плазмы. Никто не сумел выразить свои чувства лучше, чем сержант — он же профессор — Майрон, который произнес потрясенно:

— Прости-прощай третий закон Ньютона!..

Однако сам «Индевор» находился в прямой зависимости именно от третьего закона Ньютона, когда на следующий день сжигал последние остатки топлива, пытаясь отклонить собственную свою орбиту как можно дальше от Солнца. Большого отклонения достигнуть не удалось, и все же расстояние от Солнца в перигелии увеличилось на десять миллионов километров. Такова была дистанция между необходимостью выжать из систем охлаждения девяносто пять процентов мощности и стопроцентной уверенностью в огненной смерти.

Когда корабль завершил свой маневр, Рама уже ушел от «Индевора» на двести тысяч километров и на фоне пылающего Солнца стал почти невидимым. Однако локаторы по-прежнему вели тщательные измерения

новой орбиты цилиндра, и чем больше данных получали люди, тем сильнее недоумевали.

Они проверяли и перепроверяли цифры до тех пор, пока вывод, казалось бы немыслимый, не превратился в единственно возможный. Страхи меркуриан, героизм Родриго, полемические бои Генеральной Ассамблеи — все было, видимо, напрасным.

«Что за вселенская ирония, — сказал себе Нортон, разглядывая листок с расчетами, — миллионы лет компьютеры Рама благополучно вели его к цели и вдруг совершили единственную пустяковую ошибку, скорее всего заменили в каком-нибудь уравнении знак плюс на минус...»

Все были так уверены, что Рама затормозит и, пойманный притяжением Солнца, станет новой планетой Солнечной системы. На деле произошло нечто диаметрально противоположное.

Рама набирал скорость — в худшем из всех возможных направлений. Рама падал на Солнце, и с каждым мгновением все быстрее.

ПТИЦА ФЕНИКС

Когда параметры новой орбиты звездного гостя определились с окончательной четкостью, никто не взялся бы утверждать, что корабль избежит катастрофы. Лишь ничтожная горсточка комет подходила когда-либо так близко к Солнцу: в перигелии Раму от пылающего водородного ада будут отделять едва ли полмиллиона километров. Никакое твердое вещество не способно противостоять царящим здесь температурам; сверхпрочный сплав, из которого изготовлен корпус Рамы, начнет плавиться на расстоянии раз в десять большем...

К общему облегчению, «Индевор» успешно миновал свой перигелий, теперь дистанция, отделяющая корабль от Солнца, начала понемногу возрастать. Рама далеко обогнал людей на своей более низкой, а значит, более быстрой орбите и давно углубился во внешние слои короны. «Индевору» выпала честь наблюдать последний акт трагедии из почетной логи.

Но вот примерно в пяти миллионах километров от Солнца Рама, все ускоряя свой бег, принялся свивать себе кокон. До сих пор в телескопы «Индевора» он был виден при максимальном увеличении как крохотная яркая полоска — и вдруг полоска начала мерцать, как звезда над самым горизонтом. Прежде всего подумалось, что Рама разрушается, и Нортон, уловивший необычную прерывистость изображения, испытал острую внутреннюю боль при мысли о безвозвратной утрате такого чуда. Потом он понял, что Рама цел, но окружен мерцающим ореолом.

И тут цилиндр исчез. На его месте возникла ослепительная точка — звездочка без какого бы то ни было видимого диска, словно Рама внезапно сжался в крохотный комок.

Прошло немало времени, прежде чем они догадались, что случилось. Рама действительно исчез — он был теперь окружен идеально отражающей сферой диаметром примерно в сто километров. И видели они не всю сферу, а лишь отражение Солнца на ее изгибе, ближайшем к «Индевору». Этот защитный кокон надежно укрыл Раму от жара солнечной преисподней.

Прошло еще несколько часов — и кокон изменил свою форму. Отражение Солнца стало вытянутым, искаженным. Сфера превращалась в эллипсоид, большая ось которого была развернута в направлении полета

Рама. Именно тогда автоматические обсерватории, без малого двести лет несущие бессменную вахту на подступах к Солнцу, передали первые удивительные сообщения.

В примыкающей к Рама зоне с солнечным магнитным полем происходило что-то странное. Силовые линии в миллионы километров длиной, пронизывающие корону, отбрасывающие жгуты ионизированного газа с такой скоростью, что его подчас не могло удержать даже сокрушительное притяжение, — эти силовые линии закручивались вокруг блестящего эллипсоида. Глаз еще ничего не улавливал, но приборы, вынесенные на околосоляную орбиту, фиксировали изменение магнитных потоков и ультрафиолетовой радиации.

А затем перемены в области короны стали заметны и невооруженным глазом. Во внешней атмосфере Солнца появилась слабо светящаяся труба или тоннель протяженностью в сотни тысяч километров. Тоннель слегка изгибался, словно предваряя орбиту Рама, и сам Рама — а быть может, защитный кокон вокруг него — казался яркой бусиной, летящей по призрачной трубе сквозь корону.

Ведь пришелец по-прежнему набирал скорость; теперь он делал более двухсот тысяч километров в секунду, и никто уже не рискнул бы пророчить, что он останется пленником Солнца. Наконец-то люди поняли стратегию раман: они подошли так близко к светилу просто ради того, чтобы почерпнуть энергию прямо из первоисточника и с еще большей скоростью двинуться дальше, к неведомой конечной цели...

И отнюдь не исключалось, что рамане черпают от Солнца не только энергию. Никто не мог бы поручиться за это — ближайшие наблюдательные приборы были отдалены от Рама на тридцать миллионов километров, — но по некоторым признакам цилиндр засасывал в себя саму материю Солнца, словно компенсируя те нехватки и потери, которые неизбежно возникли за десять тысяч веков, проведенных в космосе.

Все стремительнее и стремительнее обращался Рама вокруг Солнца, двигаясь теперь быстрее, чем любое тело, когда-нибудь попадавшее в Солнечную систему. Менее чем за два часа направление его движения изменилось более чем на девяносто градусов. И тут Рама окончательно и высокомерно доказал, что начисто не интересуется мирами, чье спокойствие он недавно столь грубо нарушил.

Корабль выскользнул из эклиптики [Ссылка22](#) в глубины южного неба, намного ниже плоскости движения планет. Разумеется, и это не было его конечной целью, но курс он взял точно на Большое Магелланово облако, на пустынные бездны вне Млечного Пути.

— Войдите, — рассеянно произнес капитан Нортон, услышав тихий стук в дверь.

— У меня есть для тебя новости, Билл. Я хотела успеть к тебе первой, пока не вмешалась вся команда. И кроме того, это по моему ведомству...

Мысли Нортона, казалось, витали где-то очень далеко. Он лежал с полузакрытыми глазами, заложив руки за голову и притушив свет, — не то чтобы в самом деле дремал, но отдался во власть раздумий. Произнесенные слова вернули его к действительности.

— Прости, Лаура, я отвлекся. О чем речь?

— Не уверяй меня, что ты забыл!

— Перестань, задира. В последние дни мне, право же, было над чем подумать...

Старший корабельный врач Эрнст взялась за передвижной стул и, подтолкнув его по направляющим, села рядом с капитаном.

— Межпланетные кризисы приходят и уходят, а бюрократические колеса скрежещут с неизменным постоянством. Но наверное, Рама все-таки подтолкнул их. Хорошо еще, что тебе не пришлось испрашивать разрешения у меркуриан...

Ситуация понемногу прояснялась.

— Значит, Порт-Лоуэлл наконец дал добро?

— Более того, разрешение уже вступило в силу. — Лаура взглянула на полоску бумаги, которую принесла с собой. — Можешь убедиться, внеочередное. Не исключено, что приговор уже приведен в исполнение. Поздравляю.

— Спасибо. Надеюсь, мой наследник не рассердится на меня за эту волокиту.

Как и всем космонавтам, Нортону перед поступлением на флот сделали операцию: годы и годы, проведенные в пространстве, были чреваты даже не опасностью, а стопроцентной уверенностью в возникновении мутаций, вызванных радиацией. Набор генов, только что доставленный за двести миллионов километров на Марс, ждал своей судьбы в замороженном состоянии в течение тридцати лет.

Оставалось лишь гадать, успеет ли он домой к рождению сына. Он

заслужил отдых, заслужил покой в лоне семьи — в той мере, в какой это вообще доступно космонавтам. Теперь, когда его миссия была в основном завершена, он начинал понемногу расслабляться, начинал вновь задумываться над своим будущим — и над будущим обеих своих семей. Да, это будет очень славно — погостить дома...

— Слушай, — запротестовала Лаура, — я пришла к тебе сугубо по долгу службы.

— За столько-то лет знакомства, — отвечал Нортон, — можно бы изобрести что-нибудь поостроумнее. Ты же сейчас не на вахте...

— О чем ты думаешь? — осведомилась Лаура Эрнст немалое время спустя. — Уж не становишься ли ты сентиментальным?

— Да я вовсе не о нас с тобой. Я о Раме. Знаешь, мне его, пожалуй, недостает...

— Премного признательна за комплимент.

Нортон сжал ее в объятиях. Ему и раньше приходило в голову, что у невесомости есть свои преимущества и одно из них — вот оно: можно не разнимать рук хоть всю ночь, не рискуя затруднить кровообращение. Недаром кое-кто утверждал, что любовь при силе тяжести равной одному g настолько утомительна, что уже не доставляет радости.

— Это же общеизвестный факт, Лаура, что мужчины, не в пример женщинам, способны думать о двух вещах сразу. Но если серьезно, если чуть-чуть серьезнее — мною владеет чувство потери.

— Могу понять.

— Да не держись ты так сухо, тут не одна причина, а много. Впрочем, какая разница...

Он сложил оружие. Объяснить, что он чувствует, было нелегко даже самому себе.

Он добился успеха превыше всех, конечно трезвых, ожиданий: открытий, сделанных людьми «Индевора» на Раме, ученым хватит на десятилетия. И более того, он сумел совершить все это без единого несчастного случая.

Но если разобраться, то он также и потерпел поражение. Можно строить бесконечные догадки, но природа раман и цель их путешествия так и останутся неизвестными. Они использовали Солнечную систему как заправочную станцию или как трамплин — выбирайте что нравится, а затем презрительно отвернулись от нее, продолжая свой путь к иной, более важной цели. Вероятно, они никогда и не узнают о существовании человечества; такое величавое безразличие было хуже намеренного

оскорбления.

Когда Нортон увидел Раму в последний раз, тот казался крохотной звездочкой рядом с Венерой, и капитан понял, что с этой звездочкой улетает часть его жизни. Ему было только пятьдесят пять, однако он сознавал с грустью, что молодость его осталась там, на вогнутой равнине, среди тайн и чудес, отныне и навсегда недостижимых для человечества. Какие бы победы и почести ни готовило ему будущее, на протяжении многих и многих лет ему не избавиться от чувства, что главное позади, не избавиться от сожалений об утраченных возможностях...

Так он говорил себе. Но даже тогда, на борту «Индевора», он мог бы быть прозорливее.

На далекой Земле доктор Карлайл Перера просто не успел еще никому рассказать, как он очнулся от беспокойного сна, пораженный внезапной мыслью. Однажды возникнув, эта мысль уже не давала покоя, стучала в голове как набат:

Все, что бы они ни делали, романе повторяют трижды...

notes

1

Сита — супруга Рамы, мифического царя государства Айодкыи, героя великой древнеиндийской поэмы «Рамаяна».

Нортон, в сущности, повторяет слова, произнесенные Нейлом Армстронгом 20 июля 1969 года в момент, когда лунная кабина «Аполлона-11» коснулась поверхности Луны.

Все названия кораблей заимствованы из истории мореплавания. На барке «Индевор» Джеймс Кук в 1768-1771 годах совершил свое первое кругосветное путешествие. «Калипсо» — французское океанографическое судно, обслуживавшее экспедиции Жака Ива Кусто. На корабле «Бигл» путешествовал вокруг света Чарльз Дарвин, а на пароходе «Челенджер» Джордж Нэрс в 1874 году пытался проникнуть к Южному полюсу.

4

Перигелий — ближайшая к Солнцу точка орбиты небесного тела, обращающегося вокруг него.

Бeverли-Хиллз — фешенебельный пригород Лос-Анджелеса, где живут, в частности, многие звезды Голливуда.

Арнольд Тойнби (1852—1883) — английский буржуазный историк и экономист, исследователь эпохи «промышленной революции» XVIII века.

Ангкор-Ват («Пагода столицы») — величественный памятник кхмерской культуры и архитектуры, построенный в XII веке, затем заброшенный и заново открытый французскими археологами в 1861 году.

Мэтью Колбрайт Перри (1794—1858) под угрозой оружия вынудил японское правительство подписать договор, открывший для американских судов японские порты.

Говард Картер (1873—1939) — английский археолог, в 1922г. открыл гробницу фараона Тутанхамона в Египте.

Джон Десмонд Бернал (1901—1971) — английский физик и общественный деятель.

11

За единицу принимается светимость Солнца.

Дуглас Фэрбенкс (1883—1939) — американский актер и продюсер, звезда Голливуда 1920—1930-х годов. **Шон Коннери** (род. 1930) — шотландский киноактер, прославившийся исполнением роли агента 007 Джеймса Бонда.

За нормальное **ускорение силы тяжести** (или ускорение свободного падения) принято считать ускорение силы тяжести (g) на широте 45° и на высоте уровня моря, где оно равно $9,8 \text{ м/с}^2$.

Согласно закону Гюстава Гаспара Кориолиса (1792—1843) всякое тело, движущееся горизонтально у поверхности Земли, независимо от направления движения отклоняется в Северном полушарии вправо, в Южном — влево, вследствие вращения Земли с запада на восток.

15

Кодовое название лунной кабины «Аполлона-II».

Килограммометр — устаревшее название единицы работы и энергии (теперь - килограмм-сила-метр), равной 9,8 Дж.

Афелий — наиболее удаленная от Солнца точка орбиты обращающегося вокруг него небесного тела.

«Резолюшн» («Решимость») — флагманский бриг, возглавлявший вторую (1772—1775) и третью (1776—1779) кругосветные экспедиции Джеймса Кука.

Эшелон — в авиации: высота полета.

Искаженная цитата из «Скорбных элегий» Овидия (43 до н.э. — ок. 18 н.э.) — «Пока дышу, надеюсь» или по-латыни: *Dum spiro, spero.*

Майское дерево — украшенный цветами столб, вокруг которого танцуют на весеннем празднике в английских деревнях.

Эклиптика — большой круг небесной сферы, по которому происходит видимое годичное движение Солнца.